

ПРИЛАДОЖЬЕ И РУССКИЙ СЕВЕР

**ИСТОРИЯ,
ТРАДИЦИИ,
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**- ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ -
- САНКТ-ПЕТЕРБУРГ -
- ПЕТРОЗАВОДСК -
- МОСКВА -**

УДК 008
ББК 71
П 76

Приладожье и Русский Север: история, традиции, современность.
Материалы научно-практической конференции в честь 300-летия
г. Лодейное Поле, 8 – 12 июля 2002 г. / Научн. ред. Ю.Б. Сенчихина,
сост. А.Ю. Алексеев и С.Ю. Карпук. – М.: Российское гуманитарное
общество, 2003 – 208 с.

Сборник статей и тезисов докладов отражает ряд актуальных социокультурных проблем Приладожья и Русского Севера: изучения культурного и исторического наследия, поиска путей межкультурной коммуникации и интеграции, сохранения самобытности северных народов в условиях наступающей глобализации, воспитания молодежи в духе патриотизма и любви к малой Родине, активизации деятельности людей во имя интеллектуального и духовного обновления Севера России и др. В сборнике представлены работы философов и учёных, в том числе, с мировым именем, работы представителей местной интеллигенции, знатоков края. Организационная структура конференции обозначает стратегию сближения местных центров культуры с академическими институтами и высшими учебными заведениями Центра России и её регионов.

© Институт философии РАН, 2003 г.
© МО «Лодейнопольский район Ленинградской области», 2003 г.
© Научное редактирование – Ю.Б. Сенчихина, 2003 г.
© Составление сборника – А.Ю. Алексеев, С.Ю. Карпук, 2003 г.

Оригинал-макет: А.Ю. Алексеев; корректор: Д.А. Алексеев

ISBN 5-94506-082-8

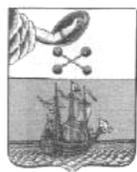
Формат 60x90/16. Гарнитура Тайме. Объем 13 п.л. Тираж 300 экз. Заказ № 136
Второй завод с исправлениями. Подписано в печать 02.07.2004 г.
Формат 60x84/16. Бумага типографская. Печать – ризография. Усл.печ.л. - 16.
Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной полиграфии МИЭМ
113054, Москва, ул. М.Пионерская, 12-18/4-6 стр.1

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
«ЛОДЕЙНОПОЛЬСКИЙ РАЙОН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИЛАДОЖЬЕ И РУССКИЙ СЕВЕР

**ИСТОРИЯ,
ТРАДИЦИИ,
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Материалы научно-практической конференции
г. Лодейное Поле, 8-12 июля 2002 года**

Посвящается 300-летию г. Лодейное Поле

Москва - 2003

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

С 8 по 10 июля 2002 г. в Лодейном Поле в рамках празднования 300-летия города прошла конференция «Приладожье и Русский Север: история, традиции, современность». В её работе приняли участие более 50 деятелей науки и культуры, церковнослужителей и школьных учителей из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Барнаула, Лодейного Поля, была широко представлена местная общественность.

Сопредседателями конференции явились директор Института философии Российской Академии наук *академик РАН В.С. Стёпин* и глава муниципального образования «Лодейнопольский район Ленинградской области» *О.А. Уткин*.

Ведущими конференции явились представители трех крупнейших культурных центров страны – Москвы, Санкт-Петербурга и Петрозаводска: д.ф.н., проф. *М.Н. Громов* (г. Москва); д.ф.н., проф. *В.М. Пивовев* (г. Петрозаводск); д.филол.наук, проф. *Г.М. Прохоров* (г. Санкт-Петербург).

Было заслушано 6 пленарных докладов: 1) «Глобализация и проблема национальной культурной идентичности» - *А.Ф. Зотов* (г. Москва, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); 2) «Кризис идентичности и проблема региональной идентификации в условиях европейского Севера в начале XXI века» - *В.М. Пивовев* (г. Петрозаводск, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии Петрозаводского госуниверситета); 3) «Русская идея в современном мире» – *М.А. Маслин* (г. Москва, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); 4) «Книгописание в Кирилло-Белозёрском монастыре при его основателе» – *Г.М. Прохоров*, (г. Санкт - Петербург, д.филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН); 5) «О литературных источниках жития Александра Свирского» - *А.В. Писин*, (г. Петрозаводск, д.ф.н., профессор, проф. кафедры русской литературы Петрозаводского госуниверситета); 6) «Проблемы будущего России: модернизация или реставрация» - *М.Н. Громов* (г. Москва, д.ф.н., профессор, заведующий сектором истории русской философии ИФ РАН).

Была организована работа двух секций: Секция № 1 – философии и культурологии: ведущий секции – *В.Г. Кузнецов* (г. Москва, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова); Секция № 2 – истории и этнологии: ведущий секции – *С.Г. Веригин* (к.и.н., декан исторического факультета Петрозаводского госуниверситета).

Ученый секретарь конференции – *А.Ю. Алексеев* (г. Москва, аспирант философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). Координаторы – *С.Ю. Карчук* (учитель средней школы № 3 г. Лодейное поле), *А.А. Скворцов* (к.ф.н., старший преподаватель кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).

Конференция проводилась на базе средней школы № 3 г. Лодейное поле (директор – *А.И. Воронин*).

Были проведены дискуссии и подведены итоги трехдневной работы.

Работа конференции признана *успешной*. Впервые историки, культурологи, педагоги, краеведы, философы собрались в одном из интереснейших городов Русского Севера, чтобы обсудить проблемы не только нашего наследия и совре-

менности, но и перспектив развития Приладожского края. Подобный комплексный подход, участие в дискуссии специалистов из ведущих научных центров и местных знатоков края позволили лучше прояснить ситуацию, дать анализ текущего состояния и выработать определённые рекомендации на будущее.

Участники конференции констатируют, что нынешнее состояние города и района является непростым, что характерно для большинства регионов России. Поскольку конференция являлась форумом гуманитарного и культурно-исторического характера, на ней затрагивались вопросы, входящие в компетенцию специалистов именно такого плана. В этом отношении отмечались наряду с проблемами более бережного отношения к истории, сохранения уцелевших памятников, пропаганды исторического наследия и, вызывающие оптимизм, позитивные явления: активно действующий историко-краеведческий музей, возрождение духовных обителей, в первую очередь, Александро-Свирского монастыря, усиление интереса к прошлому края, стремление более объективно оценить до-советский и советский периоды.

В *рекомендательной части* участники конференции предлагают следующее:

1. Объединение усилий руководства, общественности, государственных и частных структур, светских и духовных властей ради подъема города и района, в том числе в культурно-образовательном отношении.

2. Создание краеведческого, историко-культурного и просветительского центра на базе историко-краеведческого музея с избранием совета, координирующего его работу. Необходимо обновление экспозиции музея в соответствии с современными реалиями.

3. Обратит особое внимание на молодёжь с целью вовлечения её в краеведческую деятельность. Проводить соответствующие занятия в школах, содействовать практическому её участию в благоустройстве города, в изучении родного края.

4. Выдвигать цели и программы, консолидирующие население города и района: скорейшее устройство в Лодейном Поле пристани, приведение в порядок наиболее ценной и значимой территории города по берегу реки Свирь, восстановление в обозримом будущем Петропавловского собора, который был доминантой города подобно аналогичному собору в Санкт-Петербурге.

5. Расширить и углубить работу по изучению вепской народности и культуры, для чего обратиться к федеральным властям, поддерживающим согласно определённой программе подобные инициативы, выделяя для этого соответствующие средства.

6. Усилить информационную работу о прошлом и современном периодах развития края, о его достопримечательностях и памятниках с целью привлечения туристов, что является одним из перспективных направлений по возрождению города и района, имеющих в этом отношении значительный потенциал.

7. Продолжить систематическое и планомерное культурологическое освоение Русского Севера на межрегиональном уровне с привлечением специалистов из ведущих научных центров России, ближнего и дальнего зарубежья при активном участии местной общественности.

Участники конференции выражают глубокую благодарность администрации города за содействие в организации конференции и местной общественности за активное в ней участие.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

протоиерей Михаил Николаев,
*благочинный Лодейнопольского округа,
настоятель храма свв. апт. Петра и Павла*

Уважаемые участники конференции,
жители и гости нашего города!

В настоящее время, когда мы отмечаем 300-летний юбилей Лодейного Поля, я рад вас приветствовать на этой конференции, рад доброму начинанию! Очень важно, что люди, у которых возникла идея проведения данной конференции, получили поддержку и вместе со своими единомышленниками смогли осуществить эту идею.

Одной из проблем, поднятых настоящей конференцией является христианизация Руси и вопрос духовной чистоты Севера и Северо-Запада. Говоря об истории христианства в России, говоря о духовной чистоте, нельзя забывать того, что история - это не игра в абстракцию, не мозаика событий, но, в первую очередь, человек эпохи. Люди в истории стоят больше, нежели отвлеченные религиозно-философские учения. Забота Церкви - забота о душе человека и его спасении. Невнимание человека, недостаток в нем мудрой нравственности чаще всего являются результатом развлечений и житейских забот, которые цивилизация уножает безмерно. И лишь возвращение к традициям предков в настоящее время и необходимо и спасительно. Православие – есть объединяющая всех нас сила. Вера и убеждения человека означают, в первую очередь, искренность с самим собой, а значит, закон и традиции Церкви есть исполнение любви и делание добра. Христианство было блеском молнии в ночной тьме языческой Руси, но этот блеск обратился в дневной свет Руси Святой. Народ нашей страны вернется к Православию, к его наследию, к его традициям, как к бессмертному выражению своих надежд и чаяний, но тогда, когда пройдет все круги заблуждений.

За период пограния религиозно-культурных ценностей народа, недолгий в сравнении с 1000-летней историей христианства на Руси, было уничтожено много святынь, монастырей и храмов, дорогих сердцу православного человека. Однако, благодаря христианской свободе, свободе духа, чуждой политической борьбе, власть обезбоженного государства ограничивалась лишь земными делами и внешними гонениями и не имела влияния на сознание духа, на право веры, на религиозные чувства. Именно благодаря этому в настоящее время мы видим повсеместное возрождение духовной жизни, что выражается в восстановлении монастырей, храмов и часовен. Сегодня дорога к храму открыта для всех желающих познать истинное назначение земной жизни.

Ещё раз приветствую всех участников конференции и, как пастырь, в преддверии празднования дня святых первоверховных апостолов Петра и Павла, деятельных проповедников веры, в честь которых освящен престол лодейнопольского храма, молитвенно желаю помощи Божией в трудах ваших, совершаемых с усердием во благо святой Церкви и Отечества.

Призываю на вас благословение Бога, подающего силу рук на благие дела и мудрость ума на приобретение знаний.

Да хранит нас всех Господь!

г. Лодейное Поле

8 июля 2002 г

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ТЕБЯ, ГОРОД НАШ!

300 лет ты стоишь по велению Петра,
Уж теперь не лоды, здесь идут катера.
По Свири теплоходы и баржи идут,
Но тебя все Ладейное Поле зовут.

Городок невелик, невысокий твой рост.
Ты к Свири и душою и телом прирос.
А наступит весна - в зелень вновь упадешь.
Так спокоен и тих 300 лет ты живёшь.

Пусть история бурно плывёт, как вода,
Убегая от нас далеко, навсегда.
Нет Петра. Только память осталась о нём -
Это город в котором мы нынче живём.

Несуров, невелик и негрозен твой вид -
Вместо сосен и мачт милый город стоит.
Не копят облака взводы труб заводских.
Здесь природы блаженство, занятий мирских.

Героический след у солдатских могил,
Храм Святой у Свири снова ты возродил.
С днём Рождения тебя, город наш дорогой,
Здесь родились, живём и гордимся тобой.

Людмила Степущёнок

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОГИКО-СМЫСЛОВЫХ КОНФИГУРАЦИЙ

Алексеев Андрей Юрьевич

г. Москва, аспирант философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Убедительным показателем техногенной ориентации современного общества является то, что сегодня техника моделирования стала применяться к фундаментальной константе человеческого бытия - к *мысли*. Последние два десятилетия характеризуются бурным развитием моделей смысла самого различного назначения: психологических, лингвистических, информационных, синергетических, риторических, поэтических, семиотических, герменевтических, математических и др.

2. В данных моделях явно или неявно используются три системно-взаимосвязанные трактовки понятия «смысл»: а) *Интенционалистское определение*: «смысл» – это целевая направленность, ценностная ориентированность. К этой трактовке относятся выражения «смысл жизни», «смысл истории», «смысл бытия», т.е. «*делать что-то с мыслью*»; б) *Контекстуальное определение*: «смысл» – это выражаемый знаком способ задания значения, т.е. более широкий контекст для значений языковых выражений, связанных текстов, образов сознания, ментальных состояний и др. Обыденное словоупотребление, соответствующее этой позиции, связывает «смысл» с идеей, сущностью, точкой зрения («*в смысле того или иного*»); в) *Контентуальное определение* (от сл. «контент» – содержание). Ему отвечает термин *со-мыслие*. Смысл как контекст (смысл – «вне» всякой мысли) и смысл как контент (смысл «состоит» из мыслей) – это принципиально разные уровни анализа. Контентуально трактуемый «смысл» как лично-значимое конкретно-целостное систематическое единство «мыслей» характеризует их целостность, эмерджентность, синергичность. Имеется ряд авторитетных утверждений, что «со-мыслие» присуще специфически русскоязычному варианту употребления слова «смысл».

3. В спектре моделей смысла ярко выделяется культурологическое направление. Культурологические модели смысла призывают решать не абстрактные, а конкретные жизненные задачи межкультурной коммуникации и интеграции; вопросы социокультурной идентификации и самоидентификации; проблемы понимания «я», «другого», «чужого», инородной культуры и т.п.

4. Культурологические модели смысла обозначают специфику решения социально-философских проблем в современных техногенных условиях. Традиционно национальные особенности объяснялись, например: 1) эмпирическими понятиями («быт», «обряд», «характер»); 2) теоретическими понятиями («государственный институт», «общественный договор»); 3) метафизическими понятиями («воля народа», «соборность», «общественное сознание»). Сегодня, в информационном обществе, национальные особенности начинают объяснять *функционалистскими понятиями*, характеризующими социокультурную реальность вне её предметно-содержательных определений, исходя из структуры отношений между абстрагированными от реальности коррелятами. Исследование национальных особенностей переносится из сферы суждений о социокультурной реальности в концептуально-языковую среду самой способности суждений. Частным случаем функционалистского определения выступает *логико-смысловая конфигурация*.

6. Логико-смысловая конфигурация представляется базовым средством экспликации понятия «смысл». Как полагает ряд исследователей в области модели-

рования смысла, различия логико-смысловых конфигураций отражают различия в ментальных особенностях представителей той или иной нации, к примеру, в способах восприятия и понимания мира. Обладая статусом онтологической бес-содержательности, такие конфигурации пытаются представить ментальное в не-ментальных терминах. Классические логико-смысловые конфигурации, сложившиеся с конца позапрошлого до середины прошлого века, характеризовали ментальное в терминах теории языка.

7. Первая логико-смысловая конфигурация принадлежит немецкому логика Г. Фреге (т.н. «треугольник Фреге») (рис.1). «Смысл» – это *способ задания значения, выражаемый знаком, обозначающим значение* (в реконструкции Б.В. Бирюкова)¹. Конфигурация обслуживала культуро-антропологические запросы Г. Фреге, связанные с идеей абстрактного мира, «третьего Рейха» ментального мира (dritter Reich). «Смысл» собственных имён и предложений составляют объективное содержание мышления человека, который стремится перейти от них к значению (к т.н. «значению истинности»), т.е. к «истине» или «лжи». Путем этого перехода осуществляется *суждение* о предмете ментального мира.

Рис.1. Классическая логико-смысловая конфигурация Г.Фреге

7. «Третий Рейх» Г. Фреге был разрушен английскими неопозитивистами. Р. Карнап открыл дурную бесконечность иерархии «смыслов». Б. Рассел обнаружил софистическую парадоксальность конструкции Г. Фреге. Оказалось, что во фрегевском мире при задании классов предметов утрачивается различие между истиной и ложью. В угоду логико-атомистической механике, позволяющей «прямо и открыто глядеть в лицо миру» Б. Рассел устраняет «смысл» из фрегевской модели (рис. 2) посредством мощной *программы элиминации смысла*²: предложенная им теория типов элиминировала «смысл» из косвенного предложения, теория пропозиций – из утвердительного предложения, теория дескрипций – из собственного имени. Расселовский человек живёт в мире фактов и значений, где «смысл» – это *неопределенность, неясность значения*. Элиминация смысла в наши дни имеет важное культурологическое значение – современная компьютерная технология, претендующая на «инфраструктуру» культуры, построена, по-существу, на базе позитивистской методологии и «бессмысленна» в силу собственно формальных соображений.

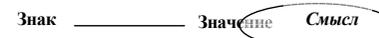

Рис.2. Классическая логико-смысловая конфигурация Б.Рассела

8. Австрийский мыслитель, еврей, Л.Витгенштейн считает, что «смысл» – это то, что изображает логическая картина мира³, которую человек произвольно ри-

¹ Фреге Готтлоб. Логика и логическая семантика: Сборник трудов/ Пер. с нем. Б.В.Бирюкова под ред. З.А.Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 512 с.

² Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: «Водолей», 1999. – 192 с.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем./Составл., вступ.статья, примеч. М.С.Козловой. Перевод М.С.Козловой и Ю.А.Асеева. М.: «Гнозис», 1994–612 с.

сует. Человеческий произвол ограничен строгими логическими закономерностями. Смысл не является сущностью логического, мыслительного порядка. Он - невыразим. Предложенную Л.Витгенштейном конфигурацию иногда обозначают в терминах текст/контекст (рис.3). Это связано, в частности, с крайне популярной сегодня лингво-бихевиористской концепцией «языковой игры», создателем которой он является: «текст» – слова, произвольно устанавливаемые людьми; «контекст» (основание выбора слов) ситуативен, в своей определённости непостижим и прослеживаемые в нём процедуральные соотношения напоминают игры.

Смысл (контекст)

Знак/значение (текст)

Рис.3. Классическая логико-смысловая конфигурация Л.Витгенштейна

9. В классических конфигурациях можно выявить и национальные особенности их создателей. Для первой характерно «германское» стремление к свободному созиданию абсолютно правильного (истинного) мира на основе произвола (суждения). Для второй - «английское», «островное» стремление «стоять на своих собственных ногах» (фактах) и «видеть мир таким как он есть». Для третьей – стремление к сложной системе законов (логическая картина мира) перед лицом «непостижимого» (смысла).

10. Современные культурологические модели смысла базируются, в основном, на классических логико-смысловых конфигурациях. Они претендуют на роль инструментария межкультурной коммуникации и интеграции. Цель их состоит в преодолении человеком культурной замкнутости и обособленности и обретении ментальной свободы в межкультурном виртуальном пространстве. В отличие от интуитивистских моделей «вживания», «участного понимания», модели смысла строятся средствами рациональных теорий. Эти теории объясняют ментальные особенности (включающие и национально обусловленную специфику) исходя из анализа концептуально-языковых средств носителей изучаемых культур.

11. В основе модели *практического смысла*, предложенной французским социологом П. Бурдьё⁴, лежит постулат о тесной скоррелированности ментально-смысловых структур с телесными практиками («делать что-то с мыслью»). Данная корреляция порождает спектр практических логик (логик без понятий): обмена, обмена, зыбкости, неопределённости, брака, магии, умерщвления и т.п. Практические логики представимы средствами универсальной логико-смысловой конфигурации (рис.4, слева), в которой фиксируются всевозможные оппозиции (а/не-а, б/не-б).

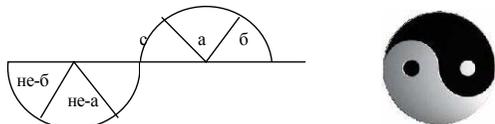

Рис.4. «Практическая» логико-смысловая конфигурация (П.Бурдьё)

Например, если а = {«мужское», «социальное», «религиозное», «сухое», «день»}, то не-а = {«женское», «тайное», «магическое», «влажное», «ночь»}.

⁴ П.Бурдьё. Практический смысл. СПб: «Алетейя», М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001 – 562 с.

П. Бурдьё считает, что все вещи мира распределяются практикой на два взаимодополнительных класса. Порядок в многообразии возможных значений практических действий осуществляется произвольным актом различения, установления *границ* (на рис. 4 обозначена «с»): если а = «день», не-а = «ночь», то с = «утро», момент перехода и разрыва. Посредством формирования оппозиций и выделения границ становится возможным понимание практик, на первый взгляд совершенно не связанных друг с другом. Например, смысл и практические схемы тождественны для таких процессов, как набухание крупы в кастрюле, прорастание зёрен и беременность.

Предлагаемая П. Бурдьё модель смысла состоит из: а) принципа «основополагающего разделения», знание которого позволяет полностью понять всевозможные практики («значения») и связанные с ними символы («знаки») (для П.Бурдьё таким принципом выступило сексуальное разделение); б) двух операциональных схем: б.1) схемы объединения разделённых противоположностей (брак, созидание, рождение); б.2) схемы разделения объединённых противоположностей (развод, разрушение, смерть).

«Практическая» логико-смысловая конфигурация имеет, несомненно, универсальный характер, амбивалентный относительно национальных различий. Это можно подчеркнуть, если применить операцию замыкания к логико-смысловой «синусоиде» П. Бурдьё. Результатом будет конфигурация (рис. 4, справа), которая от века объясняла смысл мироздания – древнекитайская «инь-янь».

12. Отечественный востоковед А.В.Смирнов⁵ считает, что понимание чужой культуры достигается путем сравнительного изучения и сопоставления не значений языковых выражений, которыми пользуются носители разных культур, а путем исследования самого способа сопоставления значений. Он предлагает т.н. *методологию контраста*, которая позволяет эксплицировать и продемонстрировать смыслы слов на фоне уже известных логико-смысловых соотношений. Если концептуально-языковые средства служат западному человеку для осуществления им *суждения* (здесь сказывается влияние Г. Фреге), то для человека восточной культуры они служат в роли *утверждения*. Принципиальная разница обусловлена различиями в восприятии мира. Реализовать суждение можно лишь в условиях наличия предметных данностей (иначе не о чем будет судить). Однако для восточного человека, считает А.В. Смирнов, характерной чертой миропонимания является как раз то, что предметная данность мира не определена. Ключевой оппозицией для него выступает противопоставление «существование/несуществование». Необходимо первоначально вынести *утверждение*, установить границу данной оппозиции и только после этого «судить». Классическая логико-смысловая конфигурация претерпевает изменения (рис. 5).

Рис.5. «Арабская» логико-смысловая конфигурация (А.В.Смирнов)

13. Если теория межкультурной коммуникации западной/восточной культур А.В. Смирнова допускает возможность понимания посредством перевода с одного

⁵ Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001 – 504 с.

языка на другой, то французский философ Ф.Жульен находится в более затруднительном положении – в условиях т.н. радикального перевода. Словари отсутствуют, значения языковых выражений, которыми пользуются носители чужой культуры, вообще неизвестны: чужой язык – суть «китайская грамота». Понятия при этом совершенно несопоставимы. Например, если «гуманность» в западной культуре мыслится в форме понятия, то в китайской культуре «гуманность» – это измерение, т.е. то, что открывает путь нравственной жизни с другими, пронизывая существование каждого. В этом измерении нет индивидуальности и личности, что резко контрастирует с западным, персоналистским, вариантом понимания «гуманности». Для решения проблемы радикального перевода Ф.Жульен⁶ предлагает методологию «сдвига», где: а) «сдвиг» – это определенное изменение привычного нам образа мышления и понимания, переход из одного культурологического измерения в другое (из Европы в Китай и обратно). При этом мысль становится деятельной, способной изменить наши представления о собственной культуре; б) «сдвиг» – это перемена, позволяющая «снять барьеры» и увидеть то, чего мы обычно не допускаем в границы нашей мысли, а значит, не можем мыслить.

Западный человек посредством языковых средств *строит систему* понятий. Китаец стремится *создать семиотические условия*, побуждающие гармонично влиться в поток реальности. Особенность фундаментальной «китайской» логико-смысловой конфигурации представлена на рис. 6. Знак «наводит» на смысл аллюзивным способом. Аллюзия принципиально отлична от интуиции, стоящей на пути «знак-смысл» в западной традиции. Знак у китайца «смакуется».

Рис. 6. «Китайская» логико-смысловая конфигурация (Ф.Жульен)

14. В конфигурации П.Бурдьё прослеживается интенционалистская трактовка «смысла», в конфигурациях А.В.Смирнова и Ф.Жульена – контекстуальная. Контентуальную конфигурацию удобно реконструировать из философской теории языка А.Ф.Лосева, биография которого включает и страницы пребывания в Лодейном поле.

15. Логико-смысловой проблематикой прорисовано большинство работ А.Ф.Лосева. «Существует только смысл и больше ничего» – первое положение лосевской конфигурации. Второе – «чтобы существовать, смысл должен отличаться от иного, от «бессмыслицы» (имеется в виду «бессмыслица» не только вне «смысла», но и внутри него). И далее следует ряд тончайших диалектических положений, схематичная экспликация которых приводит к одному из способов визуализации контентуальной модели смысла (как «со-мыслия»), представленному на рис. 7.⁸ Знак, имя предмета (вещи) есть сам предмет, хотя предмет не есть имя. Самость этого предмета (то есть то, что в предмете есть «самое-само») задаёт смысловую сферу. Далее следуют эйдетические (само)различения

⁶ Жульен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Пер. с франц. В.Г.Лысенко. Научн. ред. Н.Н.Трубишкова, М.: Московский философский фонд, 1999 – 360 с.

⁷ Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А.А.Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993 – 958 с.

⁸ Алексеев А.Ю. К осмыслению модели смысла. // Здравый смысл, № 7, 1998, С. 48-52

и (само)отождествления. Они осуществляются по методике апофатической диалектики, которой должен придерживаться исследователь, вовлечённый в процесс энергичного взаимопонимания предмета. Исследователь, именуемый вещь, эйдетически её умозрит. И т.д. в духе платоново-гегельянской логики, обогащённой концептуальными положениями имяславия.

Имеются конструктивные предпосылки для реализации лосевской модели смысла средствами голографического представления информации, что намечает перспективы получения в будущем хорошего подспорья для исследования смысловых аспектов социокультурной реальности.

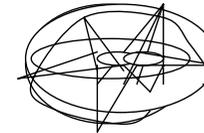

Рис. 7. Контентуальная («русская») модель смысла (по А.Ф. Лосеву)

Лосевская теория языка выполнена в рамках концептуальных положений религиозно-философской традиции православного энергетизма и исихастской традиции в целом. Такие историко-культурологические основания современные неославянофилы связывают с особенностью русской культуры. Придерживаясь данной позиции, можно утверждать, что лосевская модель смысла характеризует национальную, «русскую» особенность представления логико-смысловой проблематики, принципиально отличающуюся от классических моделей смысла (рис.1-3) объемом, органическим, внутренне-активным характером соотносящихся в конфигурации компонентов. Следует отметить, что время создания А.Ф. Лосевым модели смысла совпадает с периодом создания «западных классических моделей».

16. Вышеприведённые логико-смысловые конфигурации задают функционалистский способ отражения социокультурной реальности и носят конвенциональный характер. Несмотря на онтологическую бессодержательность, они обладают аксиологической ценностью – изучающий их человек обогащает свои смыслоразличительные горизонты, выходит на метауровень относительно постановки вопросов «смысл жизни», «смысл бытия». Безусловно, исследование логико-смысловых конфигураций получит должное развитие в условиях функционализма – молодого течения современной философии, которое возникло в лоне философии сознания и уже сегодня шагнуло на порог социально-философской проблематики. Логико-смысловые конфигурации – это основание для дискурса о национальных и иных социокультурных особенностях обживания современным человеком техногенного виртуалистского мира – мира, в котором критический разум отрицает наличие глобалистско-универсальных Логик, Математики, Технологий, Языка.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОДЕЙНОПОЛЬСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА

Баданов Вадим Георгиевич

г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Карельского государственного архива Новейшей истории

Указом Александра II от 12 февраля 1866 г. «Положение о земских учреждениях» распространялось на Олонецкую губернию. В каждом уезде губернии были созданы временные комиссии, которые составляли избирательные списки и

готовили выборы гласных в уездные земские собрания. В Лодейнопольском уезде выборы прошли в сентябре 1866 г., а открытие уездного земского собрания состоялось в декабре того же года. В состав земского собрания было избрано 14 гласных, среди них – 5 крестьян, 5 чиновников, 2 купца, 1 дворянин и 1 представитель от духовенства.

В большинстве уездов Олонечской губернии в числе председателей уездных земских управ как правило преобладали назначенные чиновники и мировые посредники. Однако Лодейнопольский уезд составлял исключение: здесь во главе управы большей частью состояли выборные гласные, например, в 1883-1889 гг. купец А.Л. Чекалев. Даже земская контрреформа 1890 г. не внесла изменений в это положение – Лодейнопольское земство продолжало избирать председателя из числа гласных. Состав уездного земского собрания на протяжении многих лет отличался здоровым консерватизмом и практичностью. В начале XX в. из 15 гласных Лодейнопольского уездного земского собрания 13 по своим политическим взглядам числились в «умеренных» и лишь 2 были крайне правыми. Социалистов, кадетов и других «левых» в составе лодейнопольских гласных замечено не было. Важнейшим направлением в деятельности земских учреждений Олонечской губернии стало народное образование. Начиная с 1870-х гг. на развитие школьного дела земства стали направлять довольно значительные суммы (11-15 % от земского бюджета). Лодейнопольский уезд в деле народного образования занимал стабильное положение среди уездов губернии. Из 7 уездов по финансированию школ он занимал 4-ю позицию. В 1876 г. Лодейнопольское земство выделило на нужды народного просвещения 6,6 тыс. руб. или 26,4 % от своего бюджета, в 1896 г. – 7,2 тыс. руб. (19,3 %), в 1901 г. – 13,7 тыс. руб. (26,7 %), в 1911 г. – 19,9 тыс. руб. (18,9 %) и в 1914 г. – 30,3 тыс. руб. (20,3 %). Земство Лодейнопольского уезда активно помогало и развитию церковно-приходских школ. В деле оказания материальной помощи и содержания церковно-приходских школ и школ грамоты оно занимало первое место среди всех уездов губернии. Лишь в начале XX в. ему составили конкуренцию Каргопольское, Вытегорское, Петрозаводское и отчасти Пудожское земства. В 1877 г. Лодейнопольское земство выделило на содержание церковно-приходских школ уезда более 2 тыс. руб. (для сравнения: Петрозаводское земство – 350 руб., Пудожское – 205 руб., Вытегорское – 180 руб.). Несколько хуже обстояло дело в Лодейнопольском земстве с положением в области здравоохранения, хотя и здесь за несколько десятилетий работы произошли существенные сдвиги к лучшему. В уезде появилась земская стационарная лечебница, увеличилось количество фельдшерских, возникли врачебные участки. Хорошо себя зарекомендовал отставной военный врач Д. Иссерсон, который поступил на службу в земство в 1880-е гг. На развитие медицины Лодейнопольское земство ассигновало весьма значительные суммы. Так, в 1879 г. оно выделило на эти цели 63 тыс. руб. (24,2 % своего бюджета), в 1890 г. – свыше 15 тыс. руб. (40,5 %), в 1903 г. – свыше 36 тыс. руб. (47,1 %), а в 1914 г. – 53,8 тыс. руб. (36,1 %).

Неплохо себя зарекомендовали лодейнопольские земцы в деле оказания помощи сельскому хозяйству. В 1902 г. на службу в уездное земство был принят агроном. Правда, в то время агрономическая служба еще только зарождалась, не хватало квалифицированного агротехнического персонала, который бы помогал специалисту-агроному в его работе. Тем не менее лодейнопольский земский агроном И. Ильин устроил 7 опытно-показательных полей и на личном примере показывал крестьянам преимущество «ведения хозяйства по науке». В 1902 г. в с. Люговичи земством был открыт показательный маслодельческий пункт. Здесь производилась скупка молока у крестьян (по 50 коп. за пуд) и переработка его в сливоч-

ное масло. На люговичском пункте за март-август 1903 г. было переработано более тысячи пудов молока и получено свыше 40 пудов масла на общую сумму около 500 руб. Второй пункт по развитию маслоделия был открыт в с. Шаминичи в имени А. Н. Неелова, однако он в скором времени прекратил свою работу. Ассигнования на «содействие экономическому благосостоянию» населения в Лодейнопольском земстве стали регулярными с 1902 г. В 1905 г. на эти цели было выделено 1,4 тыс. руб., в 1911 г. – 4,4 тыс. руб., в 1913 г. – 6,8 тыс. руб. В целом деятельность Лодейнопольского земства имела для населения уезда весьма серьезное позитивное значение, хотя многие начинания земцев не были доведены до конца. Потенциал земского самоуправления не удалось раскрыть в полной мере.

ЗНАЧЕНИЕ ЛОДЕЙНОПОЛЬСКОЙ ВЕРФИ В СОЗДАНИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА НА БАЛТИКЕ

Богатырёв Игорь Всеволодович

г. Санкт - Петербург, член Географического общества РАН, историк, сотрудник Военно-Морского архива

Пожалуй, никто не будет возражать против того, чтобы считать Лодейнопольскую (Олонечскую) верфь родиной Балтийского флота России. Однако долгое время это звучало скорее риторически, так как подкреплялось лишь немногочисленными фактами. Такое положение существовало до тех пор, пока не появились в печати архивные исследования на эту тему.⁹ С тех пор прошло двадцать лет и в преддверии 300-летия Лодейного Поля хотелось бы остановиться на том, почему именно берега Свири выбрал Петр I для строительства главной верфи в период формирования Балтийского флота (1702-1705 гг.).

Как известно, тогда шла Северная война с очень сильным противником – Швецией и выбор места для балтийского судостроения являлся нелёгкой задачей для великого реформатора и стратега. Он отлично понимал, что чрезвычайной рискует, так как боевые корабли, прежде чем направляться в сторону Балтийского моря, должны были преодолеть опасные свирские пороги. И всё же 1 сентября 1702 г. Петр I выбрал именно Лодейную пристань в урочище Каном на Свири в качестве основной базы кораблестроения. Дело в том, что Сясьскую верфь, заложенную на несколько месяцев раньше, постоянно заливало из-за беспокойного Ладожского озера (она располагалась в устье реки Свири). К тому же защищать её немногочисленными судами, имевшимися в распоряжении петровских войск, со стороны Ладоги было сложно. Видимо, по этой же причине отпал и Шлиссельбург, хотя, казалось бы, от него был прямой невольский путь к заветной цели – к Балтике. В выборе места не последнюю роль сыграла и *проблема кадров судостроителей*, которая в будущем, в Лодейном поле, стояла не так остро и расположение которого издавна использовалось для строительства лодей и шитиков, куда и перевели судостроение из окружённого лесами урочища Каном, ставшего основным поставщиком корабельного леса, где первый комендант верфи Иван Яковлевич Яковлев успел построить лишь несколько десятков карбусов.

О том, что здесь строили не только лоды, но и шитики, запечатлелось в названии деревни – МОКРОШВИЦЫ, от слов МОКРАЯ ШВИЦА или ВИЦА – ивовый прут. Но в деле употребляли и лыко. Одно из построенных, а точнее, сшитых судов запечатлел в XV в. голландский путешественник Геритт де-Вера. Что же касается лодей, то свирицы строили как «легкокрылые» суда – для плава-

⁹ Богатырёв И.В. Верфь в Лодейном поле / Судостроение № 12, 1982, С.46-50

ний в Балтийском море, куда многие века имела выход Древняя Русь, так и прочные тяжеловесные конструкции, приспособленные для ледовых условий и имевших закругленное, а не килевое днище. Разницу легко ощутить, взглянув на соответствующие иллюстрации. Причем, как видим, поморское судно совершенно верно изображено трехмачтовым. Именно поэтому, когда свирским корабелям предложили освоить голландскую систему такелажа (ер) и оснастки (унда) – для них это оказалось пустяковым делом. Отсюда родилось наше привычное слово ЕРУНДА. Следует учитывать то, что голландская школа кораблестроения Балтийского флота не привилась на петербургских, более поздних, верфях – там доминировала английская...

По всей видимости, А.Д.Меньшиков, курировавший свирское судостроение, принял решение о переносе верфи с Каномы к деревням Мешковичи и Мокришвицы не позднее 18 февраля 1703 г., так как уже 24 марта того же года состоялась закладка на девяти стапелях небольших судов, на сооружение которых, а также хотя бы сарая для хранения материалов, боящихся влаги, смольни и избы для корабелов, требовалось время.

Исходя из приложенной «Сравнительной таблицы итогов судостроения Балтийского флота России в 1702-1724 г.г.» (Таблица № 1)¹⁰ на главных «восточных» верфях видно доминирующее положение Лодейнопольской верфи. По «Итоговой таблице Лодейнопольского судостроения 1702-1724 г.г.» (Таблица № 2) можно сделать вывод о том, что начиная с 1706 г. крупное судостроение в Лодейном поле постепенно затухает и верфь превращается в место мелкого эпизодического судостроения.

Всего за 1702-1724 г.г., по уточненным данным за двадцать последних лет, было построено только на Олонекко – лодейнопольской верфи (на Свири в петровское время работали также две небольшие верфи в Сермаксе и Свирице) – более 800-та судов 33-х разновидностей по классам и типам. И здесь требуется дать уточнение.

Из трёх линейных кораблей, строившихся лодейнопольцами, только один («Пернов») вошёл в состав Балтийского флота (первый не был достроен из-за смерти мастера, а третий – разбился на свирских порогах). Из 11-ти фрегатов один («Михаил Архангел») только достраивался, а строился на Сясьской верфи. Двенадцать шняв можно смело считать малыми фрегатами, так как они имели аналогичное парусное вооружение. Для начального состава Балтийского флота и его последующего развития немаловажную роль сыграли и остальные, построенные на берегах Свири в Лодейном Поле суда: три бомбардирских корабля, более 13 галиотов, 78 бригантин, 14 скампавей, 18 галер, два прама, бриг (кстати, первый в России), два подъёмных судна и большое количество судов ботового типа: 54 бота, 7 пакет-ботов, фишер-бот, не менее десяти шхерботов, прогулочная баржа (для руководства флота), не менее десяти галетов, 32 камели (на которых впоследствии доставлялись крупные корабли из Санкт-Петербурга в Кроншлот), около 100 шлюпок (которые могли осуществлять автономное плавание), 25 специальных островских лодок и девять буюров, осуществлявших различные функции. Немало было построено в Лодейном Поле и грузовых судов (хотя в то время подразделения на грузовые и военные суда не было и не раз даже линейный корабль использовался в качестве грузового): около 50-ти карбасов, более 20 флейтов, 4 шмака, 7 транспортов, около десяти шкут, 13 катов, более четырёх эверсов, 300 сойм (без которых нельзя обойтись в финских шхерах), 12 шхун, 3 ватершипа (для подвоза воды к кораблям) и не менее 10-ти романовок (десантных лодок).

¹⁰ Размеры судов даны в голландских футах

Таким образом, удалось выявить в два с лишним раза больше судов, чем считалось до недавнего времени. Такое крупномасштабное судостроение позволило превратить берега Свири в настоящую кузницу корабельных кадров, причем многие из работавших на Олонекской верфи мастеров и их помощников прославились впоследствии своей деятельностью, что в краткой форме отражено в специальной таблице «Руководители Олонекского судостроения 1702-1704 г.г. и его ведущие судостроители» (Таблица № 3).

Естественно, что только такое большое количество кораблей и судов, построенных для **Балтийского флота России** (более 800-та 33-х классов и типов) и подготовка десятков новых специалистов корабельного дела сделало **Лодейное Поле родиной Северо-западного судостроения**, что, однако, не принижает значение других прибалтийских верфей России, приумноживших его успехи.

Таблица № 1. Сравнительная таблица итогов судостроения Балтийского флота России в 1702-1724 г.г. на главных «восточных» верфях.

Наим-ие классов и типов судов	Лодейное Поле	Сясьское Устье	Шлис-сельбург	Новая Ладога	Всего
Линейные корабли	1			2	3
Фрегаты	10	4			14
Шнявы	12	6	2	4	24
Бомбардирские	3				3
Галиоты	Более 13		3		Более 16
Бригантины	78	Более 3	3		Более 84
Скампавей	14				14
Галеры	18	1	4	3	26
Прамы	2			3	5
Бриги	1				1
Подъёмные суда	2				2
Ботового типа	Около 80		Около 10		Около 90
Галеты	Около 10				Около 10
Камели	32		Около 10		Около 42
Шлюпки	Около 100		Около 40		Около 140
Островские лодки	25		30		55
Буера	9	5	Около 15		Около 29
Карбасы	Около 50		Около 70		Около 120
Флейты	Более 20	2			Более 22
Шмаки	4	13		1	18
Транспорты	7				7
Каты	13				13
Эверсы	Более 4				Более 4
Романовки	Около 10				Около 10
Баржи прогулочные	1				1
Прочие	Около 235	14	Около 40	Около 250	Около 540
Итого	Более 800	Более 48	Около 230	Около 263	Около 1350

СКАЗКА - ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК

Бойцева Нонна Николаевна

г. Лодейное Поле, старший научный сотрудник
Лодейнопольского историко-краеведческого музея

Неотъемлемой частью многовековой русской культуры является устное народное творчество: мифические и эпические сказания, песни, сказки, притчи, пословицы и поговорки, дошедшие до нас с незапамятных времен и не потерявшие, однако, своего познавательного значения и эстетической прелести.

Сказка – одна из самых древних форм народного творчества. М.Горький замечал, что уже древнеримский писатель Апулей (род. ок. 124 г.) заимствовал сюжет знаменитого романа «Золотой осел» из сказки.

Сказки могут быть веселыми и печальными, трогательными, поэтичными, насмешливыми, сатирически заостренными, никогда при этом не бывая скучными: в этом секрет их притягательности для читателей разных возрастов. Сказки полны буйной фантазии, забавных и нелепых выдумок, бросающих вызов рутине повседневной жизни. Сказки привлекают особой добродушно-ироничной манерой повествования, которая оказывается одинаково пригодной как для шуток, так и для нарицания. Создавая миры, где волшебные силы вторгаются в реальную жизнь, авторы будят творческую фантазию.

Сегодня, обращаясь к этому богатству, мы снова и снова проникаемся чувством особого уважения к его творцам: народным сказителям и певцам. Они создавали свои произведения страстно, вдохновенно, с высокой ответственностью перед современниками и грядущими поколениями. Быть может, в этом одна из прекрасных тайн долговечности и прочности совершенного ими труда.

Наш край имеет свои особенности. Это земли, где русские издавна встречались с финно-угорскими племенами – ижорой, вепсами, карелами, финнами. Некогда территория нынешней Ленинградской области входила во владения древнего Новгорода. Выявление и собирание памятников устной народной поэзии в прошлом не было систематическим, поэтому до нас дошли немногочисленные творения из наследия присvirских сказителей минувших времен. Некоторые были записаны и опубликованы в «Олонецких губернских ведомостях», «Олонецком сборнике» и других изданиях.

В народной легенде о Свири говорится о родстве рек Свири и Волхова. В «Олонецком сборнике» отмечено: «Легенда отзывается такой же древностью, как и легенды о Волхове, записанные в летописях, трактующих о начале Новгорода. С другой стороны, изображаемое здесь родство между обеими реками ясно говорит, что та и другая из них от глубокой древности находились в обладании Великого Новгорода».

Нет сомнений и бытовании былинного эпоса в Присvirье. Сюда проникали былины из разных концов земли русской, в первую очередь, из краев земли новгородской. Они перенимались сказителями от других знатоков, чаще всего от странников. В сборник известного собирателя фольклора П.Н.Рыбникова вошли несколько былин, записанных в наших краях собирателем А.А.Шкалиным.

Хорошо известны были в Присvirье имена сказителей середины XIX в. – Никиты Богданова и Александра Филиппова. Они исполняли былины, духовные стихи и сказки, преимущественно богатырского цикла.

¹¹ *Выпуск 3*. Петрозаводск, 1894, С.181

Появление сказок богатырского цикла и бивальшин свидетельствовало об угасании былинного эпоса в Присvirье.

П.Н.Рыбников в письме к К.С.Аксакову сделал следующий вывод: «Вот былины так и вымирают и переходят в сказку». Как совершается такой переход – смотрите сами из образцов побывальщины, межеумков былины и сказки, где голос уже забывает, а вместе с ним исчезли уже устойчивость стиха, определенность и архаизм выражения...»¹².

Сказка пережила века. Шло время, менялись общественно-экономические формации. А сказка жила, и все так же передавали ее из уст в уста безвестные поколения русских крестьян.

Старое и новое, злое и доброе, смешное и возвышенное, необыкновенное и обыденное – словом, жизнь в ее непрерывном движении, в развитии и борьбе, многовековой опыт народного бытия, народная мудрость удивительнейшим образом «вмещены» в сказки.

В сказках нашего края отражаются давние занятия населения охотой, рыболовством, земледелием. Картины лесной природы, типичные для северных районов, являются неперенным элементом местной сказки. В исторических преданиях речь идет о происхождении наименований городов, сел, деревень. Крестьяне, уходя на заработки в город, насытили сказки деталями городского быта, датами событий, именами государственных деятелей.

В 1930 году работу по систематическому собиранию фольклора Ленинградской области возглавил сектор фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

За период с 1930 по 1950 гг. сотрудниками сектора было обследовано четырнадцать районов, в которых от 119 человек записано 466 сказок. В Лодейнопольском районе записано было 19 сказок. Создатели книги назвали Петра Константиновича Тимофеева одним из лучших сказочников, чье творчество представлено в этой книге. В основном были записаны веселые сказки, среди которых много охотничьих и рыбацких баек-небылиц («Попехонцы и охотник», «Рыбачья байка», «Шутник Ванюшка», «Про мужа и жену» и др.). Сказку «Про Белого» признали сложной сказкой, сочетающей в себе эпизоды авантурной сказочной повести и бытовой сказки. Сказка не имела аналогий в известных авторам книги сборниках.

В деревне Надпорожье Лодейнопольского района была записана сказочная повесть «Про Семенова». Рассказал ее житель этой деревни В.И.Харламов.

Все сказки, записанные в районе, можно разделить на две основные группы: волшебные (ли фантастические) и бытовые. Волшебным сказкам органически свойственен оптимизм и они пронизаны глубокой верой в царство справедливости и добра, подлинной человечности. Эти сказки пленяют читателей увлекательной формой повествования, занимательными интригами и коллизиями. Подчеркнутая обыденность сюжета, социальная насыщенность эпизодов, а также почти полное отсутствие фантастических и символических образов придают остро злободневный характер бытовым сказкам. Бытовые сказки, в отличие от волшебных, предельно приземлены, описанные в них события в большинстве случаев лишены традиционного сказочного ореола и воспринимаются как случаи, действительно происходящие в жизни.

Петр Михайлович Зайцев – автор историко-краеведческого очерка «Лодейное Поле». (Книга под таким названием вышла в Лениздате в 1964 году).

¹² *А.П.Разумова «Из истории русской фольклористики»*. Изд. Академии Наук СССР. М.-Л., 1954 - С. 63

П.М.Зайцев работал над новой книгой о народно-поэтическом творчестве и искусстве Присвирья. Он встречался с многими талантливыми сказителями. Так в Подпорожском районе Ирина Матвеевна Трошкова поведала ему сказки: «Про Аннушку и ее шестерых братьев», «Про волшебный жерновок и петушка», «Все хорошо, что хорошо кончается» и др. Петр Михайлович отметил, что особенность этим сказкам придает и талантливое исполнение: неторопливый говор, употребление предлогов, междометий, частиц: «вот ладно», «ну вот», «вроде бы», «да что за беда» и других.

Там же, в Подпорожском районе познакомился Петр Михайлович и с другой сказительницей Матреной Ивановной Котовой из деревни Флягино. Петр Михайлович услышал следующие сказки: «О богатыре Илье Муромце», «Об Утреннике и его храбрых братьях», «Про Рака Раковича – Петра Петровича», «Про змейку», «О золотой рыбке или Поваре Поваровиче» и другие. Вот что написал про эти сказки П.М.Зайцев: «Сказки М.И.Котовой целостны, содержательны и увлекательны. Они представляют значительный интерес как по системе образов и сюжетам, преимущественно волшебного-фантастического характера, так и по элементам, определяющим их поэтику и художественную ценность.

- Не в некотором царстве, а в нашем государстве, в стороне Оятской, в деревне Красный Бор, женился я – не обженился, попала жёнка хороша. Бывало, сварит макароны, в котёл положит три вороны, воды пол-ложки, две тараканных ножки.

Такое необычное начало сказки «Про Иванушку-дурака и Бабу-Ягу» услышал Пётр Михайлович в деревне Красный Бор Лодейнопольского района от Дмитрия Владимировича Кораблёва. Со слов Дмитрия Владимировича записаны были рассказы о домовых, водяных, леших, чертях, русалках, волшебные, бытовые, авантюрные сказки, сказки о животных. В его сказках находят место и социальные факторы («про богатыря Ивана Дядьковича») и идеализация власти («Про царя и солдата») и идея торжества справедливости («Про Бычка-коростеничка»).

Сказку «Про Матюшу» сочинил А.А.Якимовский, почетный гражданин нашего города, проработавший много лет учителем и занимавшийся сбором краеведческого материала. Описывая персонажей сказки Алексей Алексеевич использует такие, например, слова: «... жил-был к нас, в Мирошкинцах, дед Матюша со своей старухой. Дед с виду был никудышний, зато здравный страсть, ну, неукладисто полено – чуть-что не по ёму – начнет такой хоровод, что упаси помилуй – влетит и правому и виноватому». И этот подлинно русский дух сквозит в каждой фразе этой сказки.

Известны в нашем городе «цветочные сказки» Лидии Сергеевны Петровой. Благодаря своим необычным свойствам оказывают людям неоценимую помощь растения, а люди дают им красивые добрые названия («Подорожник», «Цветок папоротника», «Иван да Марья»). А в последнее время Лидия Сергеевна собирает материалы о тех деревнях, людях, где жили её предки. Легенды о названии деревень Гайгово, Кяргино, речки Оять повествует о событиях стародавних.

Некоторые сказки были опубликованы в газете «Российская кооперация».

К 300-летию города Лодейное поле вышла книга под названием «Сказки старого дуба». Автор сказок П.А.Васильев. Неразрывная связь «детей берёзы» (так называет автор наших предков) с природой помогла им не только выжить, но и стать людьми духовно богатыми.

А эта сказка называется «Подарок солнышка». Создателем сказки является автор статьи.

Давно это было... Взойшло поутру красно солнышко. Всю землю согрело, осветило, каждый цветочек и каждую былинку приласкало. Довольно своей работой краснощёкое. Смотрит вниз и радуется. Вся земля как цветной ковер. Колокольчики позванивают, ромашки белоголовые кивают, гвоздички зарделись от удовольствия.

Люди заняты своими делами. Кто землю пашет, кто дома строит, кто хлеб печёт, кто животных пасёт.

Заглянуло солнышко в те края, что между двух больших озёр находились. Видит: люди здесь живут дружные, работающие, сильные. Строят они корабли красивые – лодьи. И плавают на тех кораблях в страны разные, заморские, возят свои товары и закупают иноземные. Во время больших праздников песни поют, хороводы водят все вместе. А музыка такая, что ноги сами в пляс идут.

Захотелось солнышку вознаградить людей тех славных, чем-нибудь их порадовать. Не хотелось солнышку даже расставаться с этими краями. Решило оно, что в самые тёплые месяцы – июнь да июль будет оставлять здесь свой лучик на всю ночь. И с той поры в краях этих даже в полночь небо светлое-светлое, и стали люди эти ночи белыми называть. Очень радовались они дару солнца и благодарили его как могли. Вырезали его изображение на пряхках, вышивали красные кружочки на полотенцах.

И эти маленькие солнечные братья тоже дарили людям радость.

Чудесен наш край, поэтому, наверное, и рождаются в душах многих жителей края удивительные сказки, воспевающие красоту природы, разум людей, гармонию отношений человека и природы, высмеивающие жадность и глупость, осуждающие злобу и нерадивость.

Там, где появляются новые и новые сказки, живут люди с добрым сердцем. Доброта, любовь, взаимопомощь являются необходимыми условиями для развития человеческого общества.

Сказка-складка, так говорят в народе. Составляющие сказки в сумме и дают то, что приводит к духовному обогащению, отменанию всего того, что мешает высокому полёту души человека.

ВОСКРЕСЕНИЕ О НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко Сергей Иванович

г. Алеховица, Ленинградская обл., директор Алеховицкой средней школы, учитель русского языка и литературы

В русской литературе существуют непреходящие самобытные темы, идеи, которые, как в зеркале, отражают путь духовных исканий народа. Идея воскресения, возрождения человеческой личности к новой, достойной, лучшей жизни – одна из самых беспокойных, тревожных, трагических, но и прекрасных, страстных и светлых идей в русской литературе. Одна из тех идей, которые и делают русскую литературу «святой», по точному выражению Томаса Манна.

Однажды на уроке русской литературы в 10 классе речь шла о встречах Раскольникова и Сони; размышляли о том, что же спасает Соно от полнейшего отчаяния, от самоубийства. Старшеклассники говорили, что Сонечка жалеет детей и мачеху, отца, надеется на справедливость, а одна девушка сказала, что «вера в возрождение теплится в ней». Юноша ей возразил: «Так это же инстинкт самосохранения! Каждому хочется жить».

Он был, вероятно, прав. Но это часть правды и очень малая. Существуют, видимо, и биологические, и психические основы идеи возрождения личности, но

стержень ее – нравственный, духовный, ведущий человека к изменению, совершенствованию, обновлению. Тот давний разговор стал началом глубокого осмысления общечеловеческих ценностей, постижения вместе с учениками нравственных проблем русской литературы.

Идея воскресения, возрождения имеет общечеловеческие корни и многовековую традицию в устной и письменной культуре разных народов. В русской литературе идея возрождения носит изначально народный, глубинный характер и в произведениях русских писателей решается весьма своеобразно.

Существенной особенностью воплощения идеи воскресения в русской литературе является мысль о ее взаимосвязи с нравственным идеалом писателя, с его мировоззрением. Многие русские писатели показывают, как через потрясение, кризис, преступление, грех, падение человек стремится к свету, совершенству, чистоте... Мысль о воскресении, надежда на возрождение спасает человека подчас от гибели. Идея несет в себе громадный заряд нравственного роста героя, его совершенствования, изменения, подчеркивает диалектику образа. Взрывной характер этого чувства-идеи может в корне изменить поведение человека и наше представление о нем.

Идея воскресения – тайная тайных личности, чувство, часто даже не осознаваемое героем, еще более редко высказываемое, оберегаемое от чужих глаз. «Униженные и оскорбленные», «дубинцы и блудницы», «разбойники и судьи» мечтают о спасении, о жизни человеческой, о братстве. Лиричнейшая идея! Но и «несчастнейшая». Действительно, лучше на падасть (а совершенствоваться или просто стараться быть порядочным человеком), тогда и возрождаться не будет нужды.

Вот, например, лермонтовский Печорин с его падением, тревожной совестью, с мыслью о возрождении мечется накануне дуэли с Грушницким: «... Зачем я жил? для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...»

Живая авторская душа пульсирует в лирических отступлениях «Мертвых душ», мысль о возрождении человека питает вторую книгу этого романа. Идея Светлого Воскресения пронизывает «Выбранные места из переписки с друзьями» и дает название завершающему очерку этого цикла.

Для поэтики Н.А. Некрасова чрезвычайно характерна опора на народное слово. Сказания, притчи, песни – воплощение народной правды. И притча «О двух великих грешниках» из главы «Пир – на весь мир» поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которую рассказывает странник Иона Ляпушкин, не последнее звено в поисках путей возрождения страны. Как известно, «дуб вековой» рухнул, и разбойник Кудеяр был прощен после того, как он убил пана Глуховского. Кудеяр убивает пана Глуховского не из мести, а не религиозной почве, потому что тот убивает, отрицает веру, идею воскресения личности. Главное здесь не в том, что Глуховский лично посмеялся над Кудеяром, а в том, что он оскорбил, растоптал веру в истинно человеческую жизнь.

С точки зрения народной, отсутствие совести, бессовестность, неразличение добра и зла – страшный грех (а притча дана в контексте рассуждений народа о том, чей грех весомее). Различение добра и зла – основная этическая процедура, это общечеловеческая способность, быть вне которой может либо святой, либо запредельный злодей.

Идея воскресения определяет напряженность многих важных в этическом и философском плане сцен в романах и повестях Ф.М. Достоевского, а также его «Дневника писателя». Так, центральные диалоги «Преступления и наказания»: диалоги Сони и Раскольникова, Раскольникова и Порфирия Петровича, Свидри-

гайлова с Дуней и Раскольниковым, – строятся с учетом важнейшего свойства человеческой личности: надежды на выход из тупика одиночества, освобождения от греха, рабства и гибели... Надежда на выход предполагает борьбу, разговор с собой, с противником в себе, но чаще двойник воплощен в другом герое.

Соня живет надеждой на возрождение. От самоубийства ее спасает не в меньшей мере, чем мармеладовские дети, тайная, но в то же время страстная надежда на возрождение. Эта вера ее и спасает. Раскольников провоцирует тайну Сони, догадывается о глубокой и сильной вере «юродивой». Соня совершенно преображается, когда отдается затаенному, даже мистическому чувству в сцене чтения Евангелия о воскресении Лазаря.

Мотивы перерождения, воскресения, изменения своей жизни (и не только своей!) владели Л.Н. Толстым в течение всей его жизни. В романе «Воскресение» эта идея нашла концентрированное выражение. Наряду с потрясающей критикой существующего строя, главной темой романа является духовное дело Дмитрия Нехлюдова и Катюши Масловой. Казалось бы, толчок к перерождению героя дан чисто внешний: увидел, узнал, поразился. Герой будто «заражается» (характерное толстовское слово!) идеей, испытывает потрясение: «Он молился, просил Бога помочь ему, вселиться в него и очистить его, а между тем, о чем он просил, уже совершилось. Бог, живший в нем, проснулся в его сознании. Он почувствовал себя им и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал все могущество добра. Все, все самое лучшее, что только мог сделать человек, он почувствовал себя теперь способным сделать.»

Л.Н. Толстой показывает нам основательно, во всех деталях, анатомии, эволюции и «диалектику» перерождения, воскресения человека. Идея развертывается, разворачивается, наполняется в ходе повествования глубоким смыслом и различными оттенками. Она связана прежде всего с духовными исканиями Нехлюдова, воплощается в жизненном пути героя.

Итак, идея возрождения – одна из характернейших особенностей русской литературы XIX века. Русская литература XX века также чрезвычайно богата мотивами перерождения, возрождения жизни на новых началах, поскольку масштабы социальных преобразований и трагедий намного возросли. Здесь множество произведений – от драматической поэмы А.Блока «Двенадцать» с его жадной гармонии, чистоты, совершенства до иступленного аналитизма Ивана Петровича в повести В. Распутина «Пожар».

Пожар в Сосновке в повести В. Распутина позволяет проследить истоки катастрофы и пробуждает надежду на изменение; это огонь и гибели, и очищения.

Таким образом, возрождение немисливо без страстного желания героя абсолютно, совершенно, в корне изменить свою жизнь. Главное здесь – переход в новое качество, скачок в новую действительность именно через крушение, сомнение, разрушение. Истинный человек, стремящийся к нравственному идеалу, чувствующий правду, в этом порыве и умирает, и рождается вновь.

КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 — НАЧАЛО 1950-х гг.)

Вавулинская Людмила Ивановна

г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Аграрная история Карелии в послевоенные годы не получила всестороннего освещения в литературе, за исключением коллективного труда «История Карелии с древнейших времен до наших дней», а также исследований Е.И. Клементьева, А.А. Кожанова и Л.И. Вавулинской [История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. Глава IX; Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1945—1960. Историко-социологические очерки. Л., 1988; Вавулинская Л.И. Сельское хозяйство Беломорской Карелии в послевоенные годы (1946—1970) // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С.141—152]. В статье рассматривается жизнь колхозной деревни северо-западного Приладожья, имевшей специфические исторические и экономические особенности развития.

Одной из самых неотложных задач в сельском хозяйстве республики в послевоенные годы являлось обеспечение отрасли кадрами. В северо-западных приладожских районах — Сортавальском, Суоярвском, Питкярантском и Куркиёкском, отошедших от Финляндии к СССР по мирному договору от 12 марта 1940 г., эта проблема была особенно острой, т.к. финские власти эвакуировали жителей, а начавшееся переселение из других краев, областей и республик страны было прервано войной. Вместо запланированных 13,5 тыс. семей в приладожские районы до войны переселилось 6,5 тыс. семей [Национальный архив Республики Карелия, далее — НА РК. Ф.2717. Оп.4. Д.317. Л.1].

С началом военных действий население приладожских районов было эвакуировано в тыловые области страны, главным образом, в Вологодскую область. Правительство Карелии в январе 1945 г. обратилось в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой разрешить эвакуировать в 1945—1946 гг. 510 семей в приладожские районы Карелии, испытывавшие острую нужду в кадрах. Так, в Суоярвском районе в ноябре 1944 г. насчитывалось 1568 жителей, в то время, как в начале 1941 г. — 14 500, в Питкярантском районе — соответственно 819 и 13 тыс. человек [Карельский государственный архив новейшей истории, далее КГАНИ. Ф.8. Оп.1. Д.1467. Л.4—5; Оп.15. Д.327. Л.69]. С целью скорейшего возвращения эвакуированного населения в приладожские районы правительство СССР установило определенные льготы. С колхозников, возвратившихся из эвакуации в пограничные районы республики (в том числе северные), были списаны все числившиеся за ними недоимки по натуральным поставкам, денежным налогам и страховым платежам, они были освобождены от всех денежных налогов и страховых платежей сроком на 5 лет и от обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции сроком на 3 года. Каждой эвакуированной семье выдавалось единовременное денежное пособие в размере 3 тыс. руб. за счет государства [НА РК. Ф.1394. Оп.3. Д.1023. Л.3—5].

В 1945—1946 гг. в колхозы приладожских районов переселились или вернулись из эвакуации более 20 тыс. человек [НА РК. Ф.1394. Оп.6. Д.2110. Л.122]. В полном составе вернулись из Вологодской области колхозы «Новый путь» и «Оборона». Колхоз «Оборона» возвратился в Куркиёкский район в составе 169 че-

ловек и привез с собой около 200 голов крупного и мелкого рогатого скота, 17 т семян зерновых и картофеля для весеннего сева, сельскохозяйственный инвентарь [Ленинское знамя. 1946. 6 апреля]. В течение 1947 г. в приладожские районы прибыло 3775 человек. К этому времени здесь было создано и работало 133 колхоза, за которыми закреплено 40,6 тыс. га пашни, 26 совхозов (24 тыс. га пашни), 5 МТС. Однако около 25 тыс. га пашни в Приладожье не использовалось. Для освоения пашенных земель требовалась дополнительная рабочая сила — не менее 11 560 семей [НА РК. Ф.2717. Оп.4. Д.317. Л.3; Ф.1394. Оп.6. Д.2110. Л.123].

Несмотря на значительные средства, выделяемые государством на расходы по реэвакуации населения и переселению из других краев, областей и республик в Карелию, эти меры не дали ожидаемых результатов. На начало 1947 г. в Сортавальском районе из колхозов выбыло 345 семей, получивших единовременное пособие в сумме более 1 млн. руб. и по 800 руб. для хозяйственного обеспечения на каждую семью [НА РК. Ф.1394. Оп.6. Д.2110. Л.125]. В 1950 г. в Куркиёкском районе выбыло 98 из 354 семей переселенцев, в Сортавальском районе — 121 из 615 семей. Причинами отъезда были тяжелое положение колхозов, неудовлетворенность людей социально-бытовыми условиями, а нередко и наличие среди переселенцев людей, не имевших представления о сельскохозяйственном производстве. Из прибывших в Сортавальский район переселенцев 35% не имели опыта работы в сельском хозяйстве [КГАНИ. Ф.8. Оп.66. Д.27. Л.171].

Тяжелое материальное положение колхозов, задавленных непосильными налогами, ограничение приусадебного хозяйства колхозников и их социальных прав вызвали бегство из колхозов и переход части крестьян на работу в промышленность, на лесозаготовки. В 1950 г. из колхозов Сортавальского, Куркиёкского и Питкярантского районов ушло 1993 человека [НА РК. Ф.1215. Оп.23. Д.18. Л.112].

В начале 1950-х гг. в сельском хозяйстве республики были предприняты две крупные кампании, преследовавшие цель улучшить положение в аграрном секторе экономики. Первая из них касалась приладожских районов, где находилось более половины всей пахотной земли республики, а хозяйство колхозов базировалось на существовавших здесь ранее хуторах. Постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1951 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства Карело-Финской ССР» предусматривалось селение в течение 1951—1953 гг. 2700 хуторских дворов колхозников в Сортавальском, Куркиёкском, Суоярвском и Питкярантском районах в новые колхозные центры. Для колхозов, сседаемых с хуторов, был предоставлен кредит в размере 100% денежных затрат сроком на 10 лет с погашением, начиная с 4-го года после получения ссуды, уменьшены нормы сдачи по обязательным поставкам государству продуктов полеводства и животноводства и размер подоходного налога на 50% сроком на 3 года. Колхозникам предоставлялся кредит в размере фактических денежных затрат, но не свыше 10 тыс. руб. на хозяйство с последующим отнесением 50% суммы затрат за счет государства и погашением оставшейся части в течение 10 лет, начиная с 3-го года после получения ссуды [НА РК. Ф.2717. Оп.5. Д.284. Л.91].

Однако вследствие экономической слабости колхозов и неспособности самих переселенцев оплатить 50% расходов по переносу домов и построек на новое место жительства идея сселения хуторов потерпела крах. К началу 1952 г. было перевезено всего 226 хозяйств, из них поставлено на новом месте 133 дома, а заселено только 30. В целом за 3 года (1951—1953) на новом месте было поставлено 192 дома [НА РК. Ф.1831. Оп.3. Д.9968. Л.153]. Помимо необоснованных денежных затрат государства кампания привела к потере части трудового потенциала приладожских районов.

Одновременно с селением хуторов в республике проводилась кампания по укреплению мелких хозяйств. Теоретическим ее обоснованием служило представление о преимуществах крупного хозяйства перед мелким. С 1950 по 1953 гг. число колхозов в республике сократилось в 2,4 раза [История Карелии с древнейших времен до наших дней. П., 2001. С.719]. В некоторых укрупненных хозяйствах расширились возможности использования техники, возросли денежные доходы, улучшились экономические показатели. В колхозе имени Тельмана Сортавальского района в 1953 г. урожайность зерновых составила 19,3 ц с гектара, в то время как в среднем по колхозам республики 4,9 ц, овощей — соответственно 345 и 43 ц, удой молока на корову — 2936 л при среднем по республике 766 л [НА РК. Ф.1831. Оп.3. Д.2759. Л.153—154]. Однако при ликвидации мелких хозяйств не учитывались особенности мелкоконтурного земледелия и заброшенность населенных пунктов в республике, в результате оказались заброшенными десятки тысяч гектаров плодородных земель в наиболее древних очагах аграрного освоения, в том числе в Приладожье. Значительно уменьшились возможности ведения колхозниками приусадебных хозяйств. Были ущемлены социальные интересы жителей небольших селений, объявленных «неперспективными» в силу удаленности от центров новосозданных колхозов и совхозов, что в последующем привело к запустению деревень.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ (1980-1990 гг.)

Веригин Сергей Геннадьевич

г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Петрозаводского государственного университета

Согласно принятым в этнологии критериям, карелы и вепсы являются коренными малочисленными народами Республики Карелия. По сложившейся традиции к ним относят и финнов, состоящих на 5/6 из ингерманландцев, прибывших в Республику в конце 1940-х гг.

Тенденции национальной ассимиляции и политики «неперспективных деревень» привели к существенному сокращению численности карелов, финнов и вепсов. С 1920-х по конец 1980-х гг. численность карелов уменьшилась со 108 тыс. человек до 80 тыс. человек; вепсов - с 9,4 тыс. до 6 тыс. С конца 1970-х до конца 1980-х гг. численность финнов также сократилась с 29 тыс. человек до 18,4 тыс. человек.

По данным последней переписи (1989) финно-угорские национальные меньшинства составляли только 13,1% от общего числа жителей Республики (карелы - 10%; финны - 2,7%; вепсы - 0,4%). Народы теряли такие свои главные национальные черты как национальный язык, культура, обычаи и традиции.

Демографическая ситуация в Карелии к середине 1980-х годов выглядела критической. Она характеризовалась снижением рождаемости и повышением уровня смертности населения Республики Карелия при снижении общего уровня жизни. Такая ситуация была характерна для всех районов Карелии, но особенно для тех регионов, в которых компактно проживали коренные малочисленные народы Республики Карелия. Средний возраст карелов, финнов и вепсов значительно выше, чем представителей других этнических групп.

Процессы демократизации советского общества в конце 1980-х начале 1990-х гг. привели к повышению национального самосознания коренных народов со-

зных и автономных республик СССР. Они заявили о своих правах, стали формировать национальные движения и организации.

Эти же процессы происходили и в Карелии. На рубеже 1980-1990-х гг. в Республике были образованы национально-культурные общества: Союз карельского народа, Общество вепской культуры, Ингерманландский союз финнов Карелии и др. Главной задачей этих объединений стало национально-культурное возрождение коренных народов Республики, прежде всего, национальной культуры и языков.

Важным этапом в этом процессе стала одобренная в 1995 г. Правительством Республики Карелия «Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, финнов и вепсов в Республике Карелия». Ее реализация позволила решить некоторые проблемы, стоявшие перед национальными меньшинствами в конце 20 века.

К середине 1990-х гг. отчетливо обозначились две основные тенденции в подходе к национальным проблемам в Карелии: первая - национально-культурная (развитие национальных языков и культуры национальных меньшинств), вторая - национально-политическая (выдвижение политических требований по национальному вопросу со стороны некоторых национально-радикальных движений и организаций).

В конце 1990-х гг. острые дискуссии развернулись вокруг Законопроекта «О государственных языках Республики Карелия». Попытки некоторых депутатов добиться признания карельского языка вторым государственным языком Республики Карелия не увенчались успехом.

Стабильная национальная ситуация 1990-х гг. в Республике позволяет надеяться, что и в наступившем XXI веке национально-культурные проблемы будут решаться в спокойной обстановке.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕПСОВ

Ганькова Зинаида Александровна

г. Петрозаводск, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского госуниверситета

Нами проводится комплексное этнопсихологическое исследование вепсов в местах их проживания (Вепская волость Карелии, г. Петрозаводск, Подпорожский район Ленинградской области с Винница), в селах Бабаевского района Вологодской области.

Испытуемыми являются старшие школьники (10-11 класса) и взрослые жители.

Вепсы относятся к коренным народам финно-угорского этноса. Основные поселения вепсов расположены на юго-западном побережье Онежского озера, в верховьях реки Оять, в Лодейнопольском и Тихвинском районах Ленинградской области и к востоку от них в Бабаевском районе Вологодской области.

Вепсы изучались историками, культурологами, лингвистами, описывался их быт, некоторые психические особенности. Но применения методик этнопсихологической диагностики особенностей вепсов не было. В этнопсихологическом словаре (под редакцией В.Г. Крысько, М. Московский психолого-социальный институт, 1999 г.), в первом словаре, в котором отражены сведения и информация, относящаяся к осмыслению явлений национальной психики и межнацио-

* Работа выполняется при финансовой поддержке грантов РГНФ (грант № 01-06-49001 а/с и № 02-07-18002е).

нальных отношений людей, вепсы не упоминаются ни в числе финно-угорских народов, ни числе малочисленных народов.

Используя тесты, известные в нашей и зарубежной психологии, мы изучаем свойства, особенности темперамента и базовых свойств вепсов, ведущие тенденции, склонности, когнитивные характеристики, ценности, отношения, самоотношения вепсов.

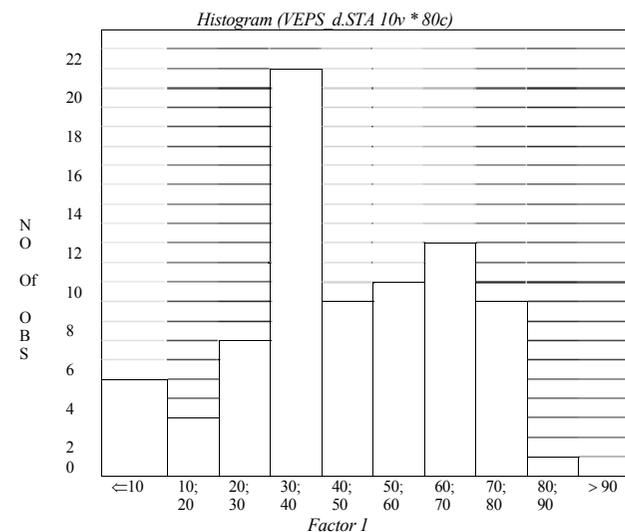
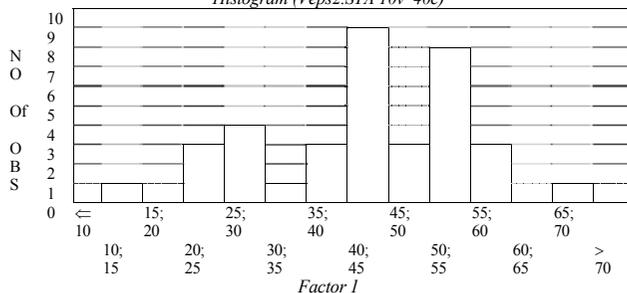
Составленная анкета помогла не только углубить знания о психологических особенностях, но и об отношениях вепсов к другим народам, об обычаях, обрядах, которые проявляются и в наше время.

Исследование показывает, на что особенно надо обратить внимание административным и образовательным органам, общественности, чтобы помочь возрождению этого народа, которые отличались яркой и богатой культурой Европейского Севера.

Для изучения базовых свойств личности мы использовали известный за рубежом вариант опросника «Большая пятёрка» или «OCEAN». Русскоязычный вариант составлен профессором Шмелевым А.Г. (МГУ). Каждый фактор черт имеет два полюса, фактор включает ряд свойств. Компьютер отражает результаты на каждого испытуемого графически, в числовых таблицах и дает словесную характеристику испытуемого. (Словесные характеристики корректны, дают пожелания и могут быть использованы в индивидуальной работе со студентами). Затем высчитываются средние значения, среднее стандартное отклонение по каждому фактору.

Первый фактор черт «самокритичность-уверенность». Среднее значение фактора взрослых 42,52. Стандартное отклонение – 12,23%. 67,5% взрослых испытуемых по фактору уверенности набрали от 50 до 75 баллов, т. е. это умеренно уверенные люди. Они – спокойные, терпимые, стабильные, выносливые, упорные, самостоятельные, довольные собой, уверенные (см. гистограмму 1-го фактора № 1 – взрослые и № 2 – подростки).

Гистограмма показателей I фактора «Самокритичность-уверенность»
1. взрослые 2. подростки
Histogram (Veps2.STA 10v*40c)

Второй фактор – «застенчивость-общительность» (интроверсия-экстраверсия).

Среднее значение показателей проявления общительности – 38,19 – самый низкий показатель из всех шкал и самое высокое стандартное отклонение – 20,59.

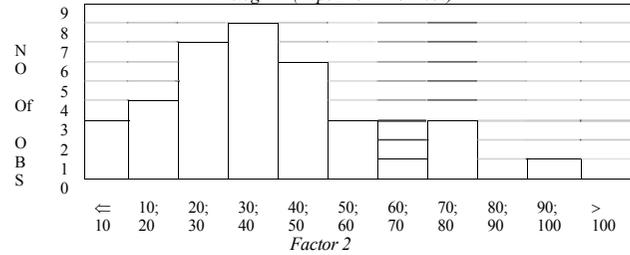
Умеренную общительность имеют 20% испытуемых взрослых вепсов. Они разговорчивы, активны, ориентированы на людей; оптимисты, относительно открыты, напористы, иногда дерзки. Но большинство вепсов молчаливые, сдержанные, трезвомыслящие, спокойные, незаметные в компании, обиду держат в себе, посторонних не посвящают в возникающие осложнения.

Учащиеся старших классов более общительны, экстравертированы. Средняя величина показателей – 47,22; среднее стандартное отклонение высокое – 28,33. Нам кажется, что такой разброс объясняется возрастом учащихся (16-18 лет) и разным темпом развития личности.

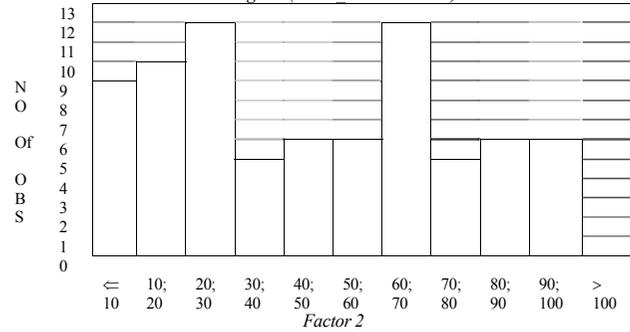
Умеренная общительность равна 34% и высокая (в своей среде) – 16%. Половина детей застенчивы, молчаливы, вербально замедленны. Почти 40% детей старших классов набрали лишь по 10, 20, 30 баллов, т. е. проявили интроверсию, застенчивость. Полученные показатели хорошо демонстрируют гистограммы. Гистограмма показателей взрослых ярко проявляет интроверсию (№ 1); показатели данного фактора у подростков проявились более равномерно.

Гистограммы показателей II факторе «застенчивость-экстраверсия»

1. Взрослые 2. Подростки
Histogram (Veps 2. STA 10v*40c)

Histogram (VEPS d.STA 10v*80c)

Третий фактор – «бдительность-благодушие».

Среднее значение у взрослых испытуемых – 55,47; стандартное отклонение – 0,96. Данный фактор напоминает фактор «доброжелательность» опросника «OCEAN».

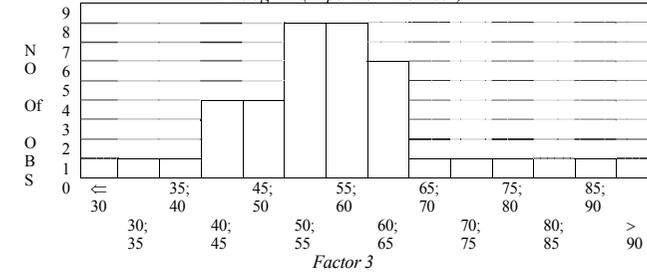
Умеренное благодушие, доброжелательность в выборке взрослых проявили 67,5% испытуемых и 68% учащихся. Значит, вепсы в основном доверчивы, добры, склонны к сотрудничеству, уступчивы, щедры, уважают образ жизни, традиции других народов.

У учащихся средний показатель 58,74, а стандартное отклонение значительно ниже 14,57, т. е. нет такого разброса как у взрослых, благодушие, склонность к сотрудничеству, ответственность проявляются монолитнее.

Хотя эгоистичность, недоверчивость, грубость, раздражительность, подозрительность проявляются значительно меньше, вепсы обеспокоены этим, стыдятся, что такие особенности стали проявляться чаще в их среде в последние годы.

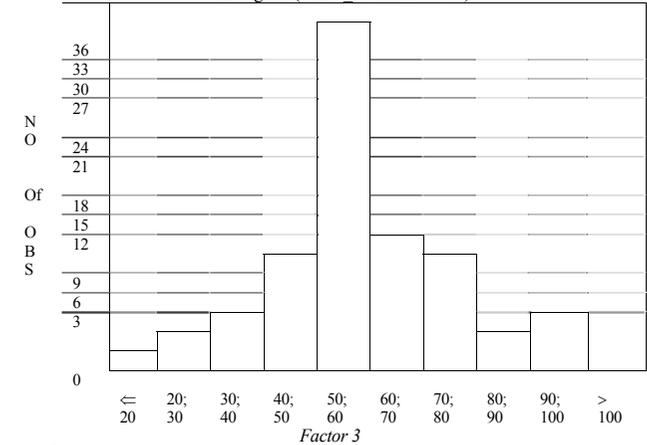
Гистограммы показателей III фактора «Бдительность-благодушие»

1. Взрослые 2. Подростки
Histogram (Veps 2. STA 10v*40c)

Четвертый фактор черт личности «мечтательность-практичность». Среднее значение показателей 4 фактора равно 5,38; среднее стандартное отклонение – 10,73. Умеренно выраженная практичность проявляется у 67,5% взрослых вепсов и у 75% старших школьников.

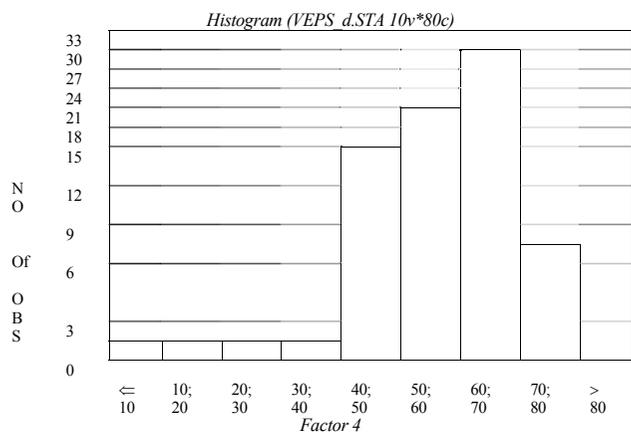
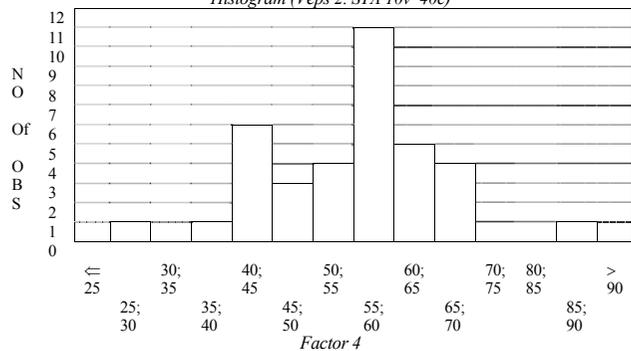
Histogram (VEPS d.STA 10v*80c)

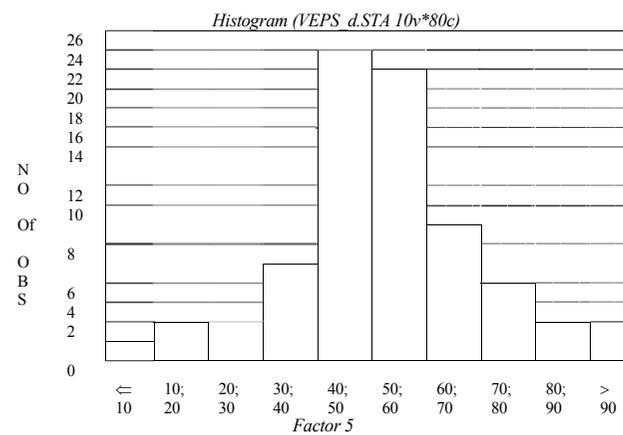
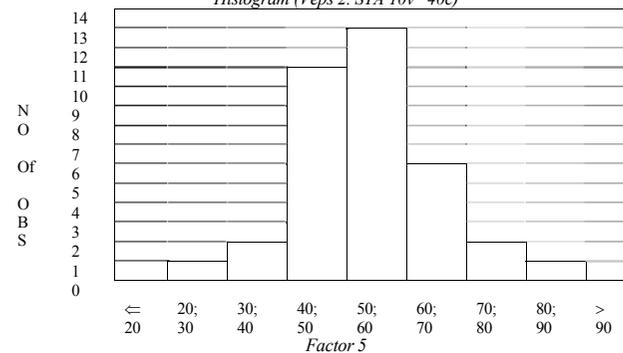
Вепсам свойственна исполнительность, усердие, трудолюбие, аккуратность, тщательность, практичность. По мере возможностей творчество, мечтательность проявляются в реальных делах; в народных костюмах, вышивках, в постройках, в убранстве домов.

Гистограмма показателей подростков в основном отражают практичность детей. Они довольно рано становятся помощниками в домашних делах, что формирует терпимость, исполнительность, усердие, практичность. Вся жизнь, окружение заставляют задумываться - как жить, способствуют формированию свойств практичности. Внешкольной работы, творческих кружков, занятий почти нет, зато много практических забот.

Гистограмма показателей 4 фактора
Histogram (Veps 2. STA 10v*40c)

Гистограмма показателей 5 фактора «Стихийность-целеустремленность»
Histogram (Veps 2. STA 10v*40c)

5 фактор – «стихийность-целеустремленность».

Умеренная целеустремленность проявляется у 67% взрослых и 61% школьников. Это говорит о действенных установках, ценностях, что проявляется в практических делах.

В базовые свойства личности составители опросника «Большой Пятерки» включили и некоторые свойства темперамента, точнее, проявление темперамен-

та. Темперамент – это формально-динамические свойства личности, которые, конечно, влияют на базовые свойства, на стиль деятельности, стиль жизни человека при исследовании, при изучении темперамента карелов, финнов, русских. Это опросники профессора Русалова В.М. – «ОСТ» и «ОФДСИ»¹.

В.М. Русалов рассматривает темперамент как состоящий из психической активности, включающей эргичность, пластичность, темп и эмоциональность. Опросник «ОСТ» выявляет проявление компонентов в двух сферах: интеллектуальной и социальной, а опросник «ОФДСИ» выявляет составные в 3-х сферах: психомоторной, социальной и интеллектуальной. Компьютер дает полный анализ и описание темперамента в разных сферах, интегральные индексы показателей, дифференцированный тип темперамента, определяет средние значения и среднее стандартное отклонение каждой шкалы. Автор выделяет 9 типов темпераментов (известные типы: сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик, высокоактивный и низкоактивный, высокоэмоциональный и низкоэмоциональный и неопределенный смешанный тип. Результаты показывают, что темперамент может проявляться по-разному в разных сферах. Данный опросник мы использовали после применения опросника «ОСТ» только с нашими учащимися и взрослыми людьми (студентами, некоторыми работниками). Тест «ОСТ» был использован для сравнения с финскими учащимися в г. Йоэнсуу.

Опросник «ОСТ» выявил значимые различия по всем шкалам между русскими и вепсами.

Таблица № 1. Средние характеристики шкал темперамента у русских и вепсов (взрослые)

Шкалы темперамента	Средние по шкалам		Стандартные отклонения		Значение критерия К	Различия
	X	X	σ	σ		
	русские	вепсы	русские	вепсы		
ПЭР	5,625	6,340	1,401	1,740	4,526	Значимы
СЭР	8,290	6,345	1,250	3,870	6,764	Значимы
ПП	6,389	5,810	0,965	1,394	4,830	Значимы
СП	5,745	5,315	1,248	1,661	2,927	Значимы
ПТ	7,030	6,365	1,352	1,818	4,151	Значимы
СТ	7,035	5,710	0,722	3,750	4,907	Значимы
ПЭМ	6,110	5,410	1,089	1,992	9,064	Значимы

Средние значения свидетельствуют о большей выносливости вепсов. Темперамент вепсов имеет сходные характеристики с темпераментом карелов. Но эмоциональность у вепсов ниже, чем у южных карелов.

¹ Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. Методическое пособие АН СССР. М., 1990.

² Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности. М. 1997 г.

Таблица № 2 Средние характеристики шкал темперамента у карелов (финнов и вепсов (взрослые)

Шкалы темперамента	Средние по шкалам		Стандартные отклонения		Значение критерия К	Различия
	X карелы	X вепсы	σ карелы	σ вепсы		
ПЭР	6,070	6,340	1,100	1,740	1,855	Незначимы
СЭР	6,690	6,345	1,339	3,870	1,537	Незначимы
ПП	5,415	5,810	1,304	1,394	2,926	Значимы
СП	4,415	5,315	1,579	1,661	5,354	Значимы
ПТ	7,000	6,365	1,407	1,818	3,906	Значимы
СТ	5,500	5,710	1,389	3,750	0,743	Незначимы
ПЭМ	7,289	4,455	1,289	2,220	15,613	Значимы
СЭМ	9,400	5,410	0,982	1,992	25,407	Значимы

Таблица № 3. Средние значения шкал темперамента учащихся периода юности русского и финно-угорского этносов (карелы и вепсы)

Шкалы	Русские		Карелы		Вепсы	
	X	Sd	X	Sd	X	Sd
Эргичность психомоторная	28	6	33	6	34	6
Эргичность интеллектуальная	32	5	32	5	30	5
Эргичность коммуникативная	33	7	25	5	24	5
Пластичность психомоторная	29	5	30	4	28	4
Пластичность интеллектуальная	28	5	26	4	25	5
Пластичность коммуникативная	32	6	26	5	23	4
Темп психомоторный	27	6	32	5	29	5
Темп интеллектуальный	31	5	26	5	25	5
Темп коммуникативный	33	6	27	4	23	4
Эмоциональность психомот.	27	4	25	5	23	5
Эмоциональность интеллект.	31	4	32	4	23	4
Эмоциональность коммуник.	30	5	32	5	24	5
Социальная желательность	14	2	14	2	12	2
Индексы:						
Активность психомоторная	88	12	95	11	91	12
Активность интеллектуальная	91	12	84	11	80	11
Активность коммуникативная	98	15	78	11	70	10
Общая активность	277	93	257	26	241	22
Общая эмоциональность	88	11	89	12	70	14
Адаптивность	189	33	168	32	171	28
Общий тип темперамента	Неопределенный		Неопределенный		Низко-эмоциональный	

Индекс предметной, интеллектуальной и коммуникативной активности варьирует от 36 до 144. Среднее значение (норма) равно 90±12 т.е. от 78 до 102 баллов.

Индекс общей активности (ИЮА) от 108 до 432, норма от 234 до 306 баллов.

Индекс общей эмоциональности – норма от 78 до 102 баллов.

Если оба значения в пределах нормы – «неопределенный тип».

Если по активности значение в пределах нормы, а по общей эмоциональности ниже нормы, то смешанный низко эмоциональный тип.

Как показывают результаты, у вепсов индекс общей эмоциональности ниже, поскольку ниже коммуникативная активность, что влияет и на показатели общей активности.

В образе жизни, в стиле жизнедеятельности личности всегда проявляются ведущие тенденции, склонности к той или иной деятельности, которые связаны с врожденными свойствами личности. (Э.А. Голубева, Б.Г. Кадыров, Н.С. Лейтес, Л.И. Собчик, В.М. Русалов и др.)

Мы изучали склонности вепсов к способам взаимодействия с миром и сравнивали данные с результатами при изучении других этносов. Для исследования был использован опросник склонностей Майерс-Бриггс типа Индикатор (MBNT), предназначенный для классификации испытуемых по типологии Карла Юнга. Опросник характеризует склонность сосредоточиваться на внешнем мире или на внутреннем (экстраверты-интроверты EI); характеризует способ получения информации (с помощью органов чувств или интуиции SN; способ принятия решений (размышление – чувство TF); выявляет отношение между личностью и внешним миром (рассуждение – восприятие SP).

Результаты свидетельствуют, что большинство вепсов – интроверты (вепсы – 64% выборки, карелы – 65%, русские – 38%). Интровертный стиль поведения оберегает личность от крайностей, защищает от вторжения извне. Интровертный стиль можно назвать экономным, для достижения более быстрого эффекта ему надо больше времени. Интроверту труднее влиять на других людей. Но ошибочно говорить о них как о мрачных, угрюмых людях; они просто больше полагаются на собственные силы, у них преобладает внутренняя активность.

Активность планирующего типа (Голубева Э.А.).

Большинство вепсов – сенсорные типы. Они от природы наделены хорошо развитыми органами чувств, получают большую информацию о ситуации чувственным способом. У них развита психомоторная сфера, ручные навыки. Вепсы легко справляются с однообразной работой, отличаются тщательностью, аккуратностью, практичностью. Сенсорные типы исходят из факторов, их обобщения носят больше индуктивный характер, чем дедуктивный. Вепсы ярко проявляются в народном творчестве, в прикладном искусстве, в спорте. Среди вепсов больше людей рационального типа (74% - вепсов; 72% - карелов; 52% - русских). Это, обычно, люди, которые постоянно готовы к работе. Они эмоционально стабильны, терпимы, обязательны. Не любят менять свои привязанности, занятия. Среди наших испытуемых оказалось мыслительных и эмоциональных типов примерно одинаково. Всего получается по классификации 16 типов. В нашей выборке 200 человек; из всех типов преобладали 1) рациональный, мыслительно-сенсорный интроверт (24%) и рациональный эмоционально-сенсорный интроверт (15%).

Эти данные необходимы для процесса обучения, для профориентации, для организации общения, в том числе для учета межэтнического общения.

Таблица № 4. Типы склонностей взаимодействия с миром у испытуемых разных этносов³

Типы/этносы	Амери- канцы	Рус- ские	Финно- угры	Веп- сы
Экстраверты E	75%	62%	36%	37%
Интроверты I	25%	38%	65%	64%
Сенсорный S	75%	64%	44%	63%
Интуитивный N	25%	36%	45%	37%
Мыслительный N (мужчин больше)	50%	51%	57%	51%
Эмоциональный F (женщин больше)	50%	49%	43%	49%
Рациональный J	50%	52%	72%	74%
Иррациональный P	50%	48%	28%	26%
1.Рациональный эмоционально – интуитивный экстраверт	5%	6%	5%	5%
2.Рационально-интуитивный интроверт	1%		5%	5%
3.Иррациональный эмоционально-интуитивный экстраверт	5%	5%	11%	5%
4.Иррациональный интуитивно-эмоциональный интроверт	1%	6%	5%	4%
5.Рациональный мыслительно-интуитивный экстраверт	5%	6%	6%	5%
6.Рациональный мыслительно-интуитивный экстраверт	1%	5%	10%	6%
7.Иррациональный интуитивно-мыслительный экстраверт	5%	8%	2%	3%
8.Иррациональный интуитивно-мыслительный интроверт	1%	5%	3%	5%
9.Рациональный мыслительно-сенсорный экстраверт	13%	10%	5%	5%
10.Рациональный мыслительно-сенсорный интроверт	6%	10%	20%	24%
11.Рациональный эмоционально-сенсорный экстраверт	7%	7%	8%	9%
12.Рациональный эмоционально-сенсорный интроверт	6%	8%	8%	15%
13.Иррациональный сенсорный мыслительный экстраверт	13%	6%	0%	1%
14.Иррациональный сенсорно-мыслительный интроверт	13%	3%	5%	3%
15.Иррациональный сенсорно-эмоциональный	13%	9%	0%	2%
16.Иррациональный сенсорно-эмоциональный интроверт	5%	7%	2%	2%

³ Данные о распределении представителей американского этноса взяты из справочника Бурачук Л.Ф., Морозов. 1999.

Познавательные особенности народа, умственные характеристики, когнитивные стили, т. е. психология ума – это часть национальной культуры и специфического опыта, она обуславливает не только особенности умственной деятельности, но и поведение народа.

С целью выяснения обыденного понимания ума испытуемым предлагались вопросы, как они понимают, что значит «умный человек», «умный школьник». Методом «фокус групп» (целенаправленное интервью группы) выяснили, какие признаки ума чаще выделяют веспы. Определили пять наиболее повторяющихся и предложили веспам. Выборка была равна – 200 человек. По мнению веспов «умный взрослый» - это 1) образованный, опытный человек – 27%; 2) умеющий общаться и влиять на других – 20%; 3) принимающий чаще правильные решения – 19%; 4) предусмотрительный – 18%; 5) обладающий навыком решения задач, проблем – 15%.

«Умный школьник» - 1) образованный, много читает, знает – 23%; 2) хорошая успеваемость – 22%; 3) общительный, вежливый, уважает людей – 20%; 4) хорошо решает задачки (математика, физика, практические навыки) – 10%; 5) имеет свое мнение, смекалистый, смелый – 16%.

Веспы, как и финны, японцы (японские психологи Азума и Кашиваги; финский психолог А. Варнанен) уделяют больше внимания социальной компетенции, образованности, мотивации человека, чем навыкам определения и решения проблем, как американцы (по данным Стенберга).

Особенности темперамента, ведущих тенденций, склонностей взаимодействия с миром, мотивов влияют на выработку стилей деятельности личности, т. е. на способ получения, переработки и применения информации. Когнитивные стили веспов которые были предметом изучения, в отличие от русских испытуемых характеризуются большой ригидностью, инертностью, рефлексивностью, замедленностью ориентировочной части деятельности по сравнению с исполнительной. Так, исследование параметра «импульсивность – рефлексивность» показало, что у русских испытуемых среднее количество ошибок больше, а среднее время меньше в обеих возрастных группах. Но с возрастом (и обученностью) испытуемые (русские и веспы) проявляют большую соразмерность в показателях стиля, а значит, и более эффективную деятельность. (см. таблицу № 5).

Таблица № 5. Таблица результатов исследований параметра «импульсивность-рефлексивность»

Показатели	Подростки		Взрослые	
	Веспы	Русские	Карелы, финны	Русские
Количество записей	50	50	50	50
Средн. количество ошибок	3,23	3,58	2,86	3,42
Среднее время	3,48	3,14	3,34	2,86
Станд.отклонение ошибок	1,72	1,56	1,80	1,76
Станд.отклонение времени	0,76	1,15	0,68	0,63
Козф.корреляции (ошибка и время)	-0,6378	-0,7578	-0,5807	-0,3110

⁴ Дружинин В.Н. Психология общих способностей. 1999. СПб с.144-145.

Время	Количество ошибок у школьников				Количество ошибок у взрослых			
	Веспы		Русские		Веспы		Русские	
	< сред.	> сред.	< сред.	> сред.	< сред.	> сред.	< сред.	> сред.
Меньше сред.	2	16	2	24	9	16	10	17
Больше сред.	28	4	23	1	22	3	18	5

Умственные характеристики выявлялись по трем интеллектуальным факторам опросника Кэттелла. Результаты выражены (в стенах, среднее значение – 4 ÷ 7.

Таблица № 6. Результаты интеллектуальных факторов (по Кэттеллу) σ (в стенах)

Стены	Кол-во	Общее количество	%	Общий %
1 или 2 стена	1	1	0,5	0,5
3 стена	0	1	0	0,5
4+7	173	174	86,5	87
8	0	174	0	87
> 8	26	200	13	100

Среднее = 5,41 Станд.откл. σ = 1,81 В (в стенах)

Стены	Кол-во	Общее количество	%	Общий %
< 3	9	9	4,5	4,5
3	11	20	5,5	10
4+7	154	174	77	87
8	15	189	7,5	94,5
> 8	11	200	5,5	100

Среднее = 5,355 σ = 1,99 М (в стенах)

Стены	Кол-во	Общее количество	%	Общий %
23	3	3	1,5	1,5
3	54	57	27	28,5
4+7	129	186	64,5	93
8	1	187	0,5	93,5
> 8	13	200	6,5	100

Среднее = 5,355 σ = 1,91

Среднее значения результатов почти одинаковы - Q₁ («практичность, приземленность – богатое воображение») – 5,41, стандартное отклонение = 1,81. Фактор В (менее развитый интеллект – более развитый). Среднее значение – 5,355; σ - 1,99. Фактор М (приземленный, практичный – имеющий богатое воображение). Среднее значение 5,355; σ - 1,99. Во всех случаях стандартное отклонение довольно высокое, что объясняется, видимо, разным уровнем социального развития испытуемых.

Интеллект (В) в пределах нормы имеют 77% испытуемых, 13% имеют более высокие показатели.

Фактор М в пределах нормы составляет 64,7%; 28,5% - приземленные практические люди. Фактор Q₁ – в пределах нормы – 86,5%, более склонные к экспериментированию – 13%. Высокие показатели фактора Q₁ объясняются временем и социальными условиями, которые заставляют приспосабливаться к новым требованиям жизнедеятельности.

Для выявления особенностей социального интеллекта, который определяет успешность общения и социальной адаптации, объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению, группы людей) использовали тест Дж. Гиллфорда и М. Салливена – диагностика социального интеллекта (автор русско-язычного варианта – Е. С. Михайлова (Алешина); Санкт-Петербург 2001 г.).

Таблица № 7 Особенности социального интеллекта (результаты в стенах от 1 до 5)

КО М	ОК σ	T1 m	T1 σ	T2 m	T2 σ	T3 m	T3 σ	T4 m
Русские 3,4216	1,0571	3,6568	1,0945	3,0196	0,9225	3,7353	0,9112	3,2549
Вепсы 2,666	0,7495	3,3444	0,7519	2,900	0,8079	2,7888	0,8002	2,7666

T4 (σ): русские -1,0962; вепсы - 0,7939

Результаты отражены в стенах от 1 до 5 баллов. Определялись различия результатов между вепсами и русскими испытуемыми. Гипотеза о равенстве средних проверялась по критерию Стьюдента (t – критерию). В экспериментах участвовали 102 человека – русские и 90 вепсов. Средняя оценка уровня социального интеллекта (КО) у русских равна 3,4216, σ - стандартное отклонение – 1,0571. У вепсов КО – m = 2,6666; σ - 0,7495.

Субтест 1 (способность предвидеть последствия поведения, предсказать дальнейшее в определенной ситуации). Различия значимые – $p = 0,024 < 0,05$. Результаты выше у русских; *Субтест 2* (способность адекватно отражать вербальную и невербальную экспрессию). Значимых различий нет (t – значение = 0,349805); *Субтест 3* (Вербальная экспрессия, способность понимать изменение значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от ситуации. Различия высоко значимы (t – значение – 7,600792, $p < 0,001$); *Субтест 4* (Измеряет способность понимать логику развития сложных ситуаций межличностного взаимодействия. И здесь различия высоко значимы (t = 3,493101, $p < 0,005$).

У вепсов наблюдаются более низкие показатели. На такие показатели влияет жизнь в сельской местности, окружающая культура, школа, менее разносторонние контакты с людьми. Несмотря на некоторое внимание к жизнедеятельности вепсов в последнее время еще много проблем в развитии общей культуры, интеллектуальных свойств, межличностного общения.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ РОССИИ В XXI В.

Гивишвили Гиви Васильевич

г. Москва, доктор физико-математических наук, профессор, вице-президент Российского гуманистического общества

Справедливо говорят – все познается в сравнении. Именно сравнение Петра I с политическими деятелями России XX века наглядно демонстрирует его неоспоримое превосходство над ними в главном, что требуется от лидеров нации - в дальновидности и стратегическом чутье. При всех своих многочисленных заблуждениях и тактических просчетах, он был бесспорно прав в центральном пункте. Осознав каким-то шестым чувством великую опасность самоизоляции и самоотстранения страны от общеевропейского культурного поля, он предпринял все возможное, чтобы преодолеть барьеры отчуждения между Россией и Европой.

А ведь на стыке XVII-XVIII вв. первая в своем развитии не слишком-то отставала от второй. Во всяком случае, разрыв в уровне и качестве жизни между ними был гораздо меньшим, чем в настоящее время. Однако как бы ни был он мал, он не остался незамеченным для Петра, внушив ему тревогу за судьбы нации, и побудив его «пришпорить» Россию, поставив ее «на дыбы». В связи с чем возникает вопрос: что именно в материальной и духовной жизни Европы было такого, что уже тогда, 300 лет назад выдвинуло ее в ранг ведущего региона мира?

Вопрос этот тем более уместен, что после крушения Римской империи она погрузилась в столь глубокую спячку, что Восточный мир долгие века имел основание смотреть на нее свысока. Что же заставило ее воспрянуть ото сна и начать движение, которое с тех пор не только не замедляется, но даже ускоряется, приобретая необратимый характер? Истоки этого чуда, если данное понятие применимо к историческим реалиям, лежат в том наследии, которое античная цивилизация успела вовремя передать варварской Европе. Сама же античность родилась под знаком фундаментального переворота, совершившегося в коллективном сознании древних греков и их учеников – римлян. Этот переворот мы именуем гуманистической революцией сознания, который толкуется следующим образом.

Среди историков, философов и культурологов давно сложилось мнение, будто гуманизм представляет собой особого рода мировоззрение, ориентированное на личность и провозглашающее человека высшей ценностью мира. (Христиане отрицают гуманизм на том основании, что обращаясь к человеку, он как бы пренебрегает богом, так или иначе игнорируя его). Считается также, что гуманизм, родившийся в эпоху Возрождения в XIV-XV вв., проявил себя, главным образом, в искусствах и философии позднего Средневековья. А свое последнее слово он, якобы, сказал в эпоху Просвещения в XVII-XVIII вв. в основном, в науках. Этим, дескать, и исчерпывается «послужной список» гуманизма. Стало быть, в наше время гуманизм можно рассматривать как музейный раритет, все еще интересующий известное количество людей с особым складом ума.

Нет ничего более далекого от истины, нежели подобное суждение о гуманизме. Ибо в действительности он представлял и представляет собой движущую силу интеллектуального, духовного и материального прогресса, достигнутого человечеством за последние две с половиной тысячи лет. Гуманизм есть дух и древнего прошлого и настоящего Западной цивилизации, становящегося духом всей будущей мировой цивилизации. Этот процесс приобщения мирового сообщества к идеалам и ценностям гуманизма происходит на наших глазах, стремительно набирая темпы, проникая в сознание людей всех континентов и всех культур.

Выше было отмечено, что основу этой динамики составила радикальная переоценка ценностей и приоритетов, совершившаяся в коллективном сознании древних греков. Им пришла в голову счастливая мысль вернуть свободы, утраченные в ходе возникновения государства, но вернуть, не опускаясь на прежний уровень дикости. (Это в высшей степени знаковое событие произошло в IX-VIII вв. до н.э.). Не желая более ни унижать свое человеческое достоинство, ни отказываться от благ цивилизации, они избрали совершенно необычный путь ее усовершенствования, то есть очеловечивания или гуманизации. Чем же им не подошли традиционные формы государственных образований?

Известно, что все без исключения «первичные» цивилизации Старого и Нового света отличали одни и те же видовые характеристики идеологии и хозяйственной деятельности, социальных отношений, политических институтов. Всем им были присущи:

- мифологически-религиозное мировосприятие, жестко регламентировавшее мышление;

- иерархическое деление общества по словесно-кастовому признаку, создававшее непроницаемые социальные перегородки;

- строго авторитарный характер государственной власти;

- производящее хозяйство не рыночного типа, не допускавшее перевод земли в частную собственность и тем сковывавшее частную инициативу;

- резкое неприятие культурных новаций и заимствований, которые на взгляд властей представляли угрозу их интересам;

- стремление к полной самозащите, с одной стороны, с другой – к экспансии либо путем насильственного захвата чужих территорий, либо относительно мирной культурной ассимиляции соседей.

Данный образ жизни порождал и соответствующие приоритеты и ценности. В них на первый план выступали благополучие общины, города, государства, тогда как интересы личности отступали далеко на задний план. Считалось само собой разумеющимся, что жизнь рядового человека не стоит и гроша ломанного. Что его можно и должно жертвовать ради «высших» интересов общества и государства не колеблясь ни секунды. Ибо казалось очевидным, что человек – ничто, государство – все. Ведь когда государство в беде, страдают все, когда плохо одному, это касается его одного, или его ближайшего окружения.

Кто более всего был заинтересован в поддержании подобного представления о соотношении значимости государства и личности народа? Ответ очевиден – светская и духовная власть всюду, от Древнего Египта и Китая до государства инков и ацтеков. С трогательным единодушием они внушали «своим низам» мысль, будто все, что делается «верхами», делается для блага государства, следовательно, и для блага «низов». И последние были вынуждены принимать данное утверждение на веру, поскольку ничего другого им не оставалось.

Подобному общинно-стадному менталитету можно было бы найти оправдание, если бы не три «но». Во-первых, груз общественного долга почему-то никогда не распределялся на всех подданных государства в равной мере. «Низы» всегда должны были нести на своих плечах основную тяжесть обязательств, оставляя «верхам» право жить за их счет. Во-вторых, авторитарная власть по определению не могла быть заинтересована в облегчении участи рядовых подданных: нищий и подневольный куда послушнее и покладистее богатого и независимого. В-третьих, унижение человеческого достоинства и сковывание частной инициативы «низов» неизбежно и закономерно оборачивалось застоєм и деградацией всех сторон культурной и общественной жизни нации в целом.

Древние греки первыми дерзнули нарушить эти обычаи словесно-политического неравенства, узаконенные именем высших авторитетов – богов-олимпийцев. Им, видите ли, надоело «гнуть шею» и стоять на коленях. Взглянув на свое существование трезвыми глазами, они поняли простые, в сущности, вещи. Что, например, они безусловно обязаны жертвовать своими собственными интересами и даже жизнями, но лишь в особых случаях – когда их городу и отчизне грозит гибель. Однако же в обыденной жизни подобные жертвы ничем не оправданы. Они обременительны, унижают их человеческое достоинство, усмеляют их свободу воли.

И тогда они приняли необыкновенно смелое решение отказаться от услуг своих царей – басилевсов, и самим обустроить свое бытие. (Им показалось, что они уже вышли из детского возраста, когда шагу нельзя ступить, не держась за руку взрослых). Со стороны могло показаться, что столь безрассудным нововведением

они обрекают свою цивилизацию на неминуемую скорую гибель вследствие анархии и вседозволенности, которые вроде как должны были бы воцариться с «разгудом» стихии безудержного и неконтролируемого индивидуализма.

Оказалось, что этого можно избежать, что упорядоченное правление народа – демократия может успешно осуществляться даже на одной тысячной доле земной суши. И не только пребывая в «тепличных» условиях, но даже выдерживая удары могущественнейшей деспотии того времени, многократно превосходящей ее размерами и «массой». Так была пробита первая брешь в традиционных представлениях о системах власти, так свершилась первая демократическая революция в истории мировой цивилизации.

Древние греки поняли и другое, а именно, что хозяйственная независимость индивида немаловажна без распространения права личной собственности на землю. Узаконив это право, они осуществили другую революцию, теперь уже в традиционном производящем хозяйстве. Они породили частную собственность (капитал), которая далее произвела на свет рыночную экономику. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что основное предназначение частной собственности у них состояло в защите хозяйственной самостоятельности и инициативы свободного товаропроизводителя, а не в том, чтобы устанавливать свою власть над обществом, к чему стремились (и стремятся поныне) олигархи всех времен и народов.

Они же усвоили правило, что их жизнь должна подчиняться разумным законам. Следовательно, эти законы должны:

- приниматься ими самими непосредственно;
- отвечать интересам большинства свободных граждан;
- защищаться ими от посягательств на законы со стороны тиранов.

Так возникла юриспруденция и свершилась третья революция, теперь уже в области права.

Помимо всего прочего гуманистическая революция сознания способствовала освобождению мысли от мифолого-религиозной догматики. Благодаря этому рациональное мышление обрело свой собственный голос и язык, стимулировала становление философии и науки. Мало того, раскрепощение сознания повлекло за собой невиданный ранее всплеск энергии творчески одаренных людей, явив миру чудо рождения высокого (классического) искусства. Все это вместе взятое привело к тому, что за какую-нибудь сотню-другую лет античная цивилизация в культурном отношении далеко опередила свою эпоху.

Таким образом, есть все основания утверждать, что гуманизм не ограничивается одним только созерцательным мировоззрением. Напротив, ставя во главу угла интересы каждого отдельного индивида, признавая абсолютное равенство политических, социальных и экономических прав всех законопослушных граждан страны, принципиально отвергая все формы дискриминации, гуманизм активно вторгается в жизнь общества, ускоряя его развитие, к благо как личности, так и общества. Потому что он руководствуется простым, но крайне эффективным принципом. Последний толкуется двояко. Либо как «не делай никому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе»; либо как «делай другому то, что хочешь, чтобы делали тебе». Следуя этой формуле, личность получает возможность реализовать себя, общество – развиваться.

Античный гуманизм погиб из-за собственного несовершенства (ничто в мире не рождается в идеально безупречном виде), и давления со стороны варварского галло-германского мира. Но своим победителям он оставил в наследство «Гроянского коня» в виде идеи частного землепользования, т. е. частной собственности. А усвоив принципы частной собственности, Западная Европа породила

феодализм – явление уникальное, нигде более не встречавшееся. (Термин «феодальная Русь», которым пользовались советские историки, представляет собой явное недоразумение, поскольку классические феодальные отношения вассалитета никогда не получали распространение в России).

Кроме того, частная собственность вызвала к жизни движение Реформации (в центральной Европе) и восстановление институтов права. В свою очередь, античные философия, наука и искусство возродились на почве западной и югозападной Европы как феномен Ренессанса. Вот каким образом и благодаря чему Европа пробудилась ото сна и пришла в движение, не только воскрешая теорию и практику античного гуманизма, но и расширяя и углубляя это понятие, поднимая его на новые высоты. (Ученик должен превосходить своего учителя, ведь в этом и состоит сущность прогресса). И не удивительно, что «вооруженной» идеями гуманизма Западной Европе не составило труда очень скоро обойти Восток, скованный цепями традиционных идеологий и предрассудков.

России тоже кое-что досталось из античного наследия, правда, из «вторых», европейских рук. В этой связи в первую очередь следует отметить искусство, науку и философию, в которых Россия проявила себя во всем блеске. Однако за исключением краткого периода с 1861 по 1917 г.г., она почти совершенно пренебрегла тремя другими «изобретениями» гуманизма – понятиями о демократии, свободе и гражданском обществе. Впрочем, в этих сферах бытия и Европа не слишком-то далеко ушла от России.

Теперь, после 1993 г. мы вроде бы наверстываем упущенное. Но делаем это «как всегда» впопыхах, судорожно, не взвесив и не просчитав наперед возможные потери, приобретения и последствия предпринимаемых «судьбоносных» решений. Отчего у критиков наших реформаторов возникает вполне обоснованное подозрение: не сознательно ли мутится вода, чтобы в ней удобней было заниматься «браконьерством»? Впрочем, так или иначе, за учебу платить, увы, надо. Но нет сомнений в том, что идеи гуманизма пустят корни и на российской почве, что и у нас воцарятся порядок и процветание, а права личности будут защищаться также строго, с таким же пietetом, как и права государства. Того требует гуманизм.

Но важно и вот ещё что. Бывший в тысячелетнем оцепенении Восток тоже начинает пробуждаться и приобщаться к гуманистическим идеалам и ценностям. А как показывает опыт Японии, Китая, Южной Кореи и т. д., он умеет учиться и на своих, и на чужих ошибках. И как бы не получилось так, что мы, в силу своей расхлябанности и неповоротливости, окажемся мировыми аутсайдерами. Тогда нам придется догонять уже Восток. Отсюда вывод – чем раньше наше общество поймет исходит и куда направлен вектор прогресса мировой цивилизации, тем раньше оно сподобится мира и процветания.

Теперь уже не составляет тайны, что содержательно этот вектор связан с гуманизмом, высокая миссия которого состоит в том, чтобы искать и находить язык взаимопонимания между всеми культурами, всеми нациями и народами, всеми религиозными системами мира, устранив перегородки предрассудков и барьеры высокомерия между ними. Гуманизм формирует общечеловеческую цивилизацию, в которой все культуры будут иметь «право голоса», а в индивидуе будет цениться не его принадлежность к той или иной конфессии, национальности, корпорации, «касте», а его достижения и личные качества – порядочность и честь, доброжелательность и толерантность, умение слышать чужую боль и готовность протянуть руку помощи тому, кто в ней нуждается.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И УСАДЬБА: ДВА ИСТОКА РУССКОГО СОЗНАНИЯ

Гиренок Фёдор Иванович

г. Москва, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Русская усадьба 18-19 веков - это пространство подлинного. Мир понятного, обжитого. В нем был досуг и несимулятивное согласие верха и низа. В усадьбе встречалось желание повелевать с желанием повиноваться. Здесь нельзя было делать вид. Ведь чтобы казаться добрым в космосе усадьбы, нужно быть добрым. В усадьбе возникает и непрерывно воспроизводится различие между тем, что делается, и тем, что может только вырасти. Между органикой и производством. Усадьба - это не производство, а хозяйство, то есть место, в котором хозяин необъяснимо являет себя и так же необъяснимо скрывает себя. Хозяйство дарует и непредсказуемо лишает дара. В нем хозяин является органическим телом целого, ходячим всеединством. Без всеединства «мир как хозяйство» может прийти в запустение. В русской усадьбе возникло русское самосознание и возник русский язык.

К началу XX века русская усадьба разрушилась. Хозяйство было лишено хозяина. То, что могло только расти, стало заменяться тем, что может быть только сделано. С распадом мира усадьбы русскому народу надо было научиться организовывать себя вне зависимости от дворян. Но этого-то он и не мог сделать. Дворяне лишили русский народ способности к самоорганизации и управлению. Они лишили его воли к власти.

Русская усадьба, лишившись всеединства, может существовать только как заповедник, как музей былой подлинности. Цивилизация города видит в усадьбе тромб, закупорку для своих сосудов, и поэтому низводит усадьбу к даче, к участку, к тому, что не может удержать в себе ни русское самосознание, ни русский язык, ни всеединство органического целого. В цивилизации доминирует целерациональная модель поведения и бюрократия как чистый тип легального господства.

В усадьбе доминирует софийный тип поведения, то есть здесь доминирует душа. А она бывает низкой и высокой. В усадьбе не приживается бюрократиями наперед заданный порядок. Здесь все рождается как бы заново в отношениях барина и слуги. Например, Пушкин - барин. И Хомяков — барин. Они не бюрократы. А вот Соловьев — интеллигент. Хотя тоже не бюрократ.

Русские философы ориентированы либо на В.Соловьева, либо на А.Хомякова.

Соловьев - человек бездонный. Некое перекачано-поле. Он жил у друзей. Тратил деньги отца. Раздавал налево и направо все, что попадало к нему в руки, Соловьев не был ни отцом, ни супругом, ни хозяином. Боткин ему говорил: женись, а не то рано умрешь. А он не женился, и поэтому рано умер. Незадолго до смерти у Соловьева были видения. К нему приходил черт, и Соловьев говорил с ним. Следы этой беседы заметны в «Трех разговорах...».

Среди философов Соловьев известен как автор концепции всеединства, Софии и мировой души. В этой концепции он решал проблему множественности и одновременно он решал проблему тьмы. Ведь множество — это не что иное, как тьма тьмущая. Что-то бездонное. В тьме множества обнаруживается тьма темноты. Хаос. В темноте хаоса рождается желание. И этим желанием существует множественность. Что же просветит хаос, укротит желания? Соловьев полагал, что это сделает единое. Ибо есть в нем что-то аскетическое, какая-то монаше-

ская сдержанность. Мир един, если ты монах. Всеединство мира существует сдержанностью человека, торможением его желаний.

Соловьев выбрал всеединство. За всеединство нужно платить. Космизм Соловьева и есть эта плата. Первым поплатился Бог, ибо у него обнаружили темное пятно. Хаос-тайна Бога. Бог любит хаос в его небытии и хочет, чтобы он существовал. Если принять эту мысль Соловьева, то нужно тогда согласиться и с тем, что в хаосе Бог состоялся как абсолютный шизофреник. Вообще-то Он может существовать и без человека. Но если Бог не нуждается в человеке, то соловьевская теория богочеловечества лишается смысла.

Мировая душа не может не грешить. Не падать. Вот она отпала от Бога, и мир существует. Она грешит, и в нем есть множественность. Всякая душа сопряжена с хаосом, а не с порядком. Распад мировой души означает обрыв прямого действия Бога. Он не властен над нами. И хаос становится основой бытия. В мире появляется хаос, в Боге -четвертая ипостась. София. И эту софийность нужно узнать в нетелесном единстве множественного существования. Рациональность существует в речи. София - в Боге.

В терминах всеединства, Софии и мировой души Соловьев обозначал существование не русского самосознания, а общечеловеческих ценностей, к порядку которых он призывал приспособляться русский народ.

Хомяков - не Соловьев. Хомяков жил в усадьбе. Он барин, хозяин, хотя и был ленив. Его запирали в комнате, чтобы он писал свои «Семирамиды». Если Хомякову было плохо, он садился на коня и устраивал охоту за зайцами. Когда его крестьяне заболели холерой, он поехал их лечить. При этом сам заразился и умер.

Среди философов Хомяков известен своей концепцией живого знания, соборности и общины. Живое знание - это вера. Все, что делается в соответствии с верой, является верным. Истинным. И эта истинность не совпадает с истиной соотношения целей и средств. Есть вещи, которые мы знаем не потому, что думаем, а потому, что живем. И это знание Хомяков называет живым. Живое всеединство софийно, ибо в нем нет ничего, что рождалось бы из ничего. Из пустоты свободы. Не свобода, а воля лежит в основе общинного миропорядка. Соборный человек ориентируется не на право, а на правду. Ведь право можно уступить, можно изменить, а правда одна. И она не зависит от человека.

К Хомякову восходят истоки русского самосознания и понимания России как цивилизации усадьбы, общины, а не города. В столкновении Хомякова и Соловьева побеждает пока Соловьев. Пока побеждает.

НАРОДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА «ДОМОВУШКА»

Громак Надежда Михайловна

г. Лодейное Поле, заведующая детским Народным отделением ДПИ «Домовушка»

Народное отделение декоративно-прикладного искусства «ДОМОВУШКА» образовано 2 ноября 1995 г. при парке «Свирская Победа» и отделе культуры Лодейнопольского района Ленинградской области. На отделении занимается 50 детей в возрасте 8-17 лет, в шести возрастных группах. Дети обучаются рисованию в студии рисунка, педагог Чепрасов Виктор Николаевич. Вышиванию - в студии ручной вышивки, педагог Громак Надежда Михайловна. Старинному и современному крою и шитью - в студии кройки и шитья, руководитель Тарасова

Наталья Сергеевна. Низанию бисером в студии бисероплетения, педагог Матюкова Наталья Юрьевна. Основной задачей отделения «ДОМОВУШКА» является возрождение старинных ремесел:

1. Многих видов вышивки (более 20 разновидностей);
2. Низание бисером, сажение бусами головных уборов и украшений;
3. Крой, вышивка и шитье национальных русских костюмов;
4. Изготовление кукол в русском костюме;
5. Лепка глиняной игрушки и свободная кистевая роспись.

За время своего существования, студия приняла участие более чем в 80 выставках и праздниках, как в своём городе, так в районе и области. Студийцы приняли участие в «Марафоне детства» (Санкт-Петербург), двух областных выставках: «Мир глазами детей» (Санкт-Петербург) и «Мир моих увлечений» (г. Выборг). «ДОМОВУШКА» - победитель ежегодных областных конкурсов детской и юношеской моды в номинации «народный стиль».

Студия была участником празднеств, посвящённых 200-летию А.С.Пушкина в селе Михайловское. Дважды - участником международных выставок по туризму в ЛенЭкспо (Гавань, Санкт-Петербург). Была выставка работ студии в губернии Нурланд (Норвегия, 2000г.)

Летом 2001 г. отделение «ДОМОВУШКА» стала Лауреатом Первой степени в номинации «народный костюм» в Международном фестивале «Звуки и краски мира» (Италия).

Дети демонстрируют свои работы не только на выставочных стендах, но и в концертных номерах. В репертуаре коллектива четыре разножанровых коротких программы: «Красна девица, рукодельница», «Троица», «Рождественская феерия», «Вепсская ярмарка».

Сегодня отделение «ДОМОВУШКА» по праву может гордиться коллекцией русских народных костюмов северо-запада России под названием «Русский Север», 16 костюмов Вологодской, Олонецкой и Архангельской обл.; а так же коллекцией из 9 вепсских народных костюмов - «Вепсская ярмарка».

Не ослабевает интерес к работам студии. Развёрнута постоянная экспозиция в помещениях студии, проводятся экскурсии и читаются лекции по истории развития костюма. В летний период костюмы ежегодно выставляются в городском краеведческом музее г. Лодейное Поле.

Наш адрес: 187710 Ленинградская обл., г. Лодейное Поле просп. Ленина 25 тел. (812-64) 240-96. E-mail: ant@lodia.ru; vichep@karelia.ru

ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО РОССИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ РЕСТАВРАЦИЯ

Громов Михаил Николаевич

г. Москва, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором истории русской философии ИФ РАН

Сейчас Россия переживает глубокий системный кризис. Идут ожесточённые споры и дискуссии о путях выхода из бедственного положения. В широком диапазоне формулируемых проектов можно выделить те, в которых предлагается ускоренная модернизация, чаще всего связываемая с вестернизацией по западноевропейскому или американскому образцу, а иногда с истернизацией по японскому или китайскому.

В других проектах содержится призыв к отказу от копирования чужих образов, обращение к собственному опыту, ориентация на евразийскую геополитическую позицию России. Кто прав в этом споре? Думается, каждый владеет лишь долей истины, отдельные предлагаемые модели охватывают ограниченный спектр рассматриваемых факторов, никто не имеет научного и морального права объявлять свою концепцию универсально всеобъемлющей и единственно правильной.

Поэтому необходим диалог, ведущийся аргументированно и корректно не с целью подавления оппонента, но ради поиска наиболее оптимального решения. В таком ключе, как мне кажется, и должна проходить работа нашей конференции. В своем выступлении я попытаюсь взглянуть на обозначенную проблему с культурно-исторической, цивилизационно-типологической точки зрения. Такой подход вполне обоснован, ибо Россия находилась, находится и будет всегда находиться на стыке западной и восточной цивилизаций, а опыт предыдущих кризисных ситуаций и выхода из них полезно вспомнить в современных условиях.

Обычно модернизацию России связывают с современными преобразованиями, столыпинскими реформами, деятельностью Александра II, а начинают с эпохи Петра Великого. Не опровергая классической схемы, заметим, что в многовековой истории России, включая древнерусский период, были и ранее попытки преобразования страны. Отец нашего великого реформатора царь Алексей Михайлович в отличие от своего сына, который будет жестко вестернизировать общество и народ по протестантскому североамериканскому образцу, проводил политику мягкой европеизации по католическому славянскому образцу. Через польско-русско-белорусское влияние Россия постепенно приобщалась к западной цивилизации. Это был более органичный и вместе с тем более длительный путь, а нам всегда не хватало времени, что и вызвало переход к более форсированным темпам обновления общества.

Ориентация на Запад стала в России доминирующей намного ранее. После падения Византии в 1453 году, когда прервался южный цивилизационный вектор, действовавший ещё с дохристианского времени, при котором языческая Русь тянулась к эллинскому миру, при Иване III происходят симптоматические перемены. Москва начинает претендовать на роль «Третьего Рима», преемника Византийской империи и соперника империи Габсбургов, политусу которой она стремилась подражать. В Россию приглашаются (как позднее при Петре I) иностранные специалисты. Итальянские зодчие, используя западный опыт и учитывая древнерусские традиции, возводят наиболее величественные сооружения Московского Кремля, который является примером не изолированной местной культуры, но напротив – примером плодотворного сотрудничества с Европой при бережном отношении к своим ценностям.

Далее, чтобы понять первопричины, нужно обратиться к ещё более ранним временам, к первоистокам. Вернёмся к эпохе крещения Руси. Это была первая модернизация восточно-славянского общества, которая не сразу вошла в плоть и кровь народа. Потребовалось смениться несколькими поколениями людей, прежде чем русичи стали воспринимать православную культуру как свою. Постепенно изменился ландшафт Русской равнины, появились свои мученики – святые, были созданы свои тексты, свои памятники духовного искусства. Лишь тогда Русь стала принимать православие как ту великую интегрирующую силу, благодаря которой она стала подниматься не только культурно, но и государственно, и во многих других отношениях. Конечно, Русь интегрировала и иные этносы, в том числе других конфессий. Всё это составляло разнообразие при едином, становом, важнейшем значении православия в российской государственности, ибо без его скрепляющей роли страна бы развалилась.

Таким образом, постоянно в истории России, если под этим словом понимать и Древнюю Русь, и Московское царство, и Российскую империю и Советский Союз, осуществлялись стадии развития в общем-то одного народа – великого народа, суперэтноса на Восточноевропейском пространстве. Мы не знаем, какие ещё будут стадии эволюции постсоветской России, поэтому так поучителен опыт прошлого. И здесь одной из важнейших является проблема обновления страны и одновременно сохранения традиций, казалось бы, соединения несоединимого. Но только решением этой проблемы можно создать устойчивое образование, которое не будет подвергаться революционному катаклизму, которое не будет пребывать вначале в стагнации, а потом в лихорадочной гонке быстрых перемен. Ведь петровская и большевистская модернизации были лихорадочно поспешными, ибо над ними довлел фактор времени.

Проблема модернизации и сохранения традиций созвучна со многими проблемами нашей истории. Достаточно вспомнить полемику славянофилов и западников. Кто был прав в этом споре? Обе стороны, но каждая по-своему и в конкретных обстоятельствах.

Когда актуализируется проблема сохранения России, даже её спасения, как скажем в 1812 году, то создаётся благоприятная ситуация для активизации её самобытных национальных сил. Когда требуется модернизация в стране, как при Александре II, тогда начинают доминировать интересы контактирования с Западом, с Европой. Таким образом, когда история ставит очередные задачи, актуализируются те течения и идеи, которые необходимо в данный момент оправдывают нужные действия. Разумное сочетание традиций с непрременной постоянной модернизацией общества в эпоху его динамического развития есть та сложная составляющая, которая помогает выживать в сложном, меняющемся мире.

Нечто подобное мы имеем сейчас. Много говорится о глобализации и её нивелирующем воздействии, которые охватили все народы, и о сопротивлении этой глобализации. Но данная глобализация, как бы к ней негативно не относились, есть объективный процесс, такой же, как промышленная революция 19 века. Тогда строили множество железных дорог, их сеть окутала весь мир. Сейчас сеть Интернета опутала весь мир. Сопrotивляться этому бессмысленно. Если мы будем к глобализации относиться только негативно, мы окажемся на периферии прогресса, мы будем аутсайдерами. Пример кибернетики с информационными системами должен быть нам хорошим уроком. Но в тоже время позвольте напомнить, что промышленная революция 19 века - и это не парадокс, а естественное следствие - породила в качестве противовеса развитие национальных культур. Национальные подъёмы, национальные возрождения прошли по всей Европе, что связано не только с политическими революциями 30-х или 40-х годов.

Это была в том числе реакция на нивелирующее действие промышленной революции. И тогда возникли немецкое, чешское, польское и русское возрождения. Появился интерес к первоистокам, к забытому Средневековью. Неоготика, неороманский стиль, а затем неовизантийский, необалканский, неорусский стиль в России в середине XIX века. Тут поиски не экзотики. Тут поиски материкового основания общества. Для нас эпоха Древней Руси – не просто начальный этап нашего развития, но и его основа. Чем бы мы не занимались, как бы мы не развивались, для нас это – основополагающая стадия во всех отношениях: и в государственном, и в культурном, и в духовном. Жизненное пространство, которое освоили наши предки, города, которые они основали и дали им названия, – это всё начиналось, закладывалось в эпоху Древней, допетровской Руси.

При Петре I, которому мифологическое сознание (а сознание мифологическое любит приписывать одному герою все достижения, которые были до него) приписало многое. В том числе такой миф, что Русский флот стал создаваться при Петре. Но позвольте напомнить, что первый военный корабль «Орёл» был построен при Алексее Михайловиче в 1669 году в селе Дединово на Оке недалеко от Рязани. Потом этот корабль, который предназначался для защиты Астрахани как центра коммуникаций в районе Волги и Каспия, был благополучно сожжён борцом за народное счастье Стенькой Разиным в Астрахани в 1670 году. Строили его голландские мастера. Они же построили и два легендарных ботика, которые потом обретаются: один – в Переяславле-Залесском, другой – в Петербурге. И триколор наш тоже возник ранее. Потому что любой корабль, особенно выходя, как мы сейчас говорим, в нейтральные воды, должен иметь флаг, его обозначающий. То же можно говорить о гербе, о двуглавом орле, о св.Георгии Победоносце, о великой печати государства Московского, о многом другом. Всё это сложилось в допетровской Руси. И модернизаторская работа Петра Великого, титаническая деятельность которого ввела Россию в необходимый век ученичества (а весь 18 век был веком ученичества), привела затем в 19 веке к необходимости корректировки курса потому, что чистое западничество – не только для России, но и любой другой страны – не может быть правильной линией развития.

В России слишком часто и резко переключался руль, то в ту, то в другую сторону. И резкое переложение руля в одну сторону затем необходимо заставляло его переключать в другую для выравнивания курса. Серьёзнейшей задачей является создание такого сбалансированного курса, который, предотвращая резкие колебания, резкие изменения, придавал бы и стабильность и динамичность обществу. Это касается всех наших проблем – и социальных, и экономических, и культурных.

Теперь немного о реставрации. Есть понятие архитектурной реставрации, когда восстанавливаются памятники. Несколько лет назад ушёл из жизни замечательный архитектор-реставратор, глава российской школы Петр Дмитриевич Барановский. Его считали своим учителем, мы с ним работали вместе, я сам много лет работал реставратором, имею большую любовь и вкус к этому делу. Работал на Соловках (недалеко отсюда). Через общение с памятниками, когда через плоть памятника ты ощущаешь историю, когда у тебя в руках кирпич 16-го века и ты чувствуешь мастеров, которые его делали, совсем по иному ощущается история.

Когда мы говорим о реставрации, то речь идет не только об архитектурной реставрации, о возвращении памятникам того облика, который они имели, но о реставрации в более широком, социальном смысле, потому что атрибуты и приоритеты России, которые сейчас восстанавливаются, есть реставрация в более универсальном смысле этого слова. Реставрация государственных символов, попытка реставрации сословий, которые были в России, и попытка реставрации всего того, что мы потеряли (как выразился один из наших современных деятелей).

лей). Не нужно идеализировать старую дореволюционную Россию. Если произошла революция, то она произошла не по какому-то замыслу группы злоумышленников, внутренних или внешних. Значит, были объективные причины сокрушения той системы, которая не выдержала испытания временем. Значит было в старой России что-то такое, что не позволило есть выстоять.

Но тем не менее старая Россия должна нами вспоминаться. Сейчас очень горько и с большим чувством сожаления приходится вспоминать начало XX века и завидовать тем людям, которые могли видеть разнообразие наших городов, богатство обителей монастырских, неразрешённые села. Всё то, что тогда было, действовало и жило, в том числе многочисленные дворянские гнёзда (а дворянская культура оказалась у нас уязвима). В отличие от замковой культуры средневековой Европы, где в каменных гнёздах отсиживались феодалы, наша дворянская культура расцвела только после «Указа о вольности дворянской» 1762 года. Перед нами несомненно удивительное, единственное в своём роде и неповторимое сочетание прекрасных памятников архитектуры с природой. Великолепие библиотек, возможность музицирования, интеллектуального общения на фоне гармонизированной природы. Но это был уязвимый культурный слой. И он не выдержал. В каждой губернии было по 200-300 таких дворянских гнёзд. Сколько их осталось? Единицы, считанные единицы. И возродить данный культурный слой, пожалуй, невозможно.

Реставрация предполагает собой обновление, попытку восстановления того, что можно восстановить, того, что представляется нужным, полезным, притягательным для нас во многих отношениях – эстетическом, духовном, культурном и историческом. Потому так тянет нас на родное пепелище, к разорённым святыням, к той земле, которую надо исходить, рассмотреть, прочувствовать, приложить к ней руки, ум, чтобы вместе восстанавливать утраченное. Другого пути у нас нет, другой земли у нас нет. Если мы не будем благоустраивать её, никто за нас этого не сделает.

Тем более что XXI век несёт новые угрозы, всем нам известные. Россия перестала быть великой державой. Она и не будет вероятно, такой великой, как Советский Союз. Можно Советский Союз укорять за многое, но это была мощнейшая сверхдержава, был апогей Третьего Рима, хотя и в превращённых формах Советской империи. Мы теперь можем претендовать только на ту роль, которую играла дореволюционная Россия, равная Великобритании, Франции, Германии. А на Востоке новый колосс вырастает – Китай, перед которым почти безлюдное пространство Сибири и Дальнего Востока. Слишком велик соблазн овладеть этими землями. Так что много у нас впереди испытаний.

Но мне кажется, что у России есть великое наследие, и прежде всего культурное наследие. В будущем цивилизационном развитии будут побеждать не те, у кого больше железа, у кого больше средств уничтожения, а те, кто владеет большей информацией, у кого больше интеллекта и возможностей ориентироваться в новых условиях. Интеллект, культура, информация – одно из достояний России, и сфера, где мы можем занимать серьёзные лидирующие позиции. Это касается и образования, в том числе начиная со школьного и кончая университетским, и тех мозгов, которые утекают от нас и которые надо бы сохранять. Поэтому мне кажется, что говоря о проблемах модернизации и реставрации, которых я пытался вкратце коснуться, мы должны учитывать все нюансы, все стороны, все аспекты этой сложной проблемы. Любой крен только в одну сторону, то есть консервация советского или реставрация того, что у нас было дореволюционным, равно как безудержная переделка того, что кажется нам безнадежно устаревшим, являются односторонними. Если будет только голая модернизация, непременно появится

стремление вернуться к прошлому. Если будет доминировать только консервативность традиций, то жизнь нас забросит на периферию исторического развития.

Бывая в таких городах, как Лодейное Поле, остро чувствуешь проблемы малых городов России. Городу уже 300 лет. Хотя я уверен, что древнее название «Лодейное Поле» - прежнее новгородское название. Лодьи строили новгородцы. Здесь же в XVIII веке строили фрегаты. И если бы Петр I давал название, то он бы дал ему в немецком духе – как Кронштадт, Ориниенбаум или Шлиссельбург, который также отмечает свое 300-летие, но основан был ранее новгородцами и назывался Орешком. Кстати, подобные немецкие названия, которые у нас стали переделывать ещё в дореволюционный период (вспомним переименование Санкт-Петербурга в Петроград), весьма характерны для петровской эпохи, их надо беречь. Всё ценное надо беречь, все исторические периоды интересны. И память о советском периоде надо беречь. Многие памятники того периода были разрушены, – и это достойно сожаления. У нас слишком много максимализма. Жизнь как бы мстит за чрезмерность. Чем выше был вознесён культ Сталина, тем сокрушительнее было его падение. Так получилось у нас в истории. Все идеолоподобные памятники Сталину были разрушены, в том числе здесь, возле музея.

Пребывая в Лодейное Поле, видишь прекрасный изгиб реки и чувствуешь, что по ней ходили и варяги, и новгородцы, и местные обитатели, были селища и городища. На том мысу, на котором мы были, не могло не возникнуть поселение. На плоской местности это - выигрышное, замечательное место.

Мы видим панораму города, интересную по композиции, обрамлённую лесами. Но нет, почти нет, старинных памятников. И нет 300 лет истории. Мы видим симпатичный современный город, возникший в эпоху индустриализации, может быть в начале XX века, но никак не 300 лет назад. Снесена главная доминанта города – Петропавловский собор. И построен уже в постсоветское время деревянный храм.

Хорошо, что это деревянный храм обозначает, хотя и несколько смещённо, главную святыню города. Но его не видно в панораме города. Представьте Москву без Московского Кремля. Подобный сакральный исторический центр был у каждого города. И в старой, допетровской России и в России нового времени. В Петербурге роль Кремля играет Петропавловская крепость. Очень интересен её динамичный силуэт, разительно отличающийся, скажем, от Московского или Псковского кремля. Данный визуальный образ может сказать об эпохе гораздо больше, чем многие вербальные источники, потому что он воздействует на нас постоянно. Книжки можно читать или не читать, добраться или не добраться до них, но в урбанизированной среде мы находимся постоянно и ходим мимо зданий и находимся в них, а они своим величием, или серостью, или безобразием на нас постоянно воздействуют. Исходящие от них эйдосы формируют в нас образы прошлого и настоящего, мы воспринимаем эпоху прежде всего по памятникам, по сохранившейся архитектурной среде.

Очень бы хотелось, чтобы в Лодейном Поле произошло не только восстановление, реставрация возможно большего числа из немногих сохранившихся памятников, но и то, что у архитекторов принято называть регенерацией, когда разрушенный полностью памятник восстанавливается с нуля. Возможно ли это? Вполне возможно. Первый пример регенерации памятников в советское время был осуществлён в 1962 году в Москве, когда восстановили триумфальную арку, построенную по проекту Бове в честь 1812 года. Сейчас диким представляется – как можно было снести такой выдающийся памятник? Снесли, ибо кому-то мешал. Восстановили, правда, в другом месте – на Кутузовском проспекте. Потом, позднее, началась регенерация многих памятников – Казанского собора на Красной площади,

храма Христа Спасителя на Волхонке и многих других. И это не русское чудо, очередная из наших экзотических затей. Подобная идея витает во многих странах.

Когда во время Второй мировой войны был разрушен центр Варшавы, были разные проекты – частичная реставрация, полная модернизация или максимальное восстановление того, что было. И поляки, которые, надо отдать им должное, гордятся своей историей, берегут памятники, приняли самый трудный, но самый правильный вариант – восстановить Старе Място в том виде, в каком оно было до Второй мировой войны. Причём не только коробки каменные, но и интерьер: gobелены, живопись, мебель, паркет. И королевский замок и готический собор святого Яна были восстановлены. И теперь Варшава гордится своим возрождённым историческим центром.

Так и в Одессе. В городе восстанавливается монументальный кафедральный собор, а Одесса очень похожа на Петербург, это – южная Пальмира, южные ворота России. Восстанавливается огромный Спасо-Преображенский кафедральный собор, главная духовная и визуальная доминанта города, утрата которой считалась невосполнимой потерей. Я думаю, что Лодейное Поле доживет до того времени, когда снова поднимется красивый, объединяющий панораму города, доминирующий кафедральный собор. Это великая цель, которая может объединить жителей города, подвинуть их на активное отношение к родной истории.

Не только памятники сакрального зодчества, но и памятники гражданской архитектуры, промышленной архитектуры имеют ценность. Раньше умели строить и практично и красиво. Вы посмотрите как раньше, до революции строили фабрики, железнодорожные станции, водонапорные башни. Было красиво. Что строили в советский период – грустно, а то и страшно посмотреть, за редким исключением. Красота ушла из нашей жизни. Большинство сооружений советского периода – горькие памятники отчуждённого труда, когда государству было всё равно, людям было всё равно, всем было всё равно. Поэтому возникла серая, безликая застройка городов. Мы через это прошли. Сейчас, когда возрождается интерес к малой родине, расширяются краеведческие исследования, когда пытаются своей любимой, родной город восстановить, сделать притягательным, нужно вспомнить о его прежнем неповторимом облике. Есть фотографии, есть возможности постепенно восстанавливать его значимые, исторические, культурные ценности. Думаю, это наше общее дело. В масштабах страны и в масштабах каждого отдельного города следует заниматься столь нужным делом.

Сейчас, когда России трудно, слышно много пессимистических голосов, даже отчаявшихся. Не надо впадать в уныние. Нужно учиться мужественно переносить любые испытания, которые приносит время, и достойно выходить из них. Возьмите тех же немцев. Их раздавили во Вторую мировую войну. Японцев унизили. А сейчас перед нами процветающие нации. Неужели мы хуже этих народов? Неужели мы не можем подняться и сделать нашу страну сильной и процветающей? Не восстановить сверхдержаву, которая перенапрягает силы, расточая людские и природные ресурсы, подчиняя соседние народы, собиравшись стать чуть ли не властелином мира и на гербе которой - Советского Союза - был изображён Земной шар (не больше – не меньше), что отражало марксистскую идеологическую глобализацию, предшествовавшую технологической западной глобализации. Но возродить великую процветающую Россию, помнящую о своих традициях и динамично развивающуюся в современном мире – вот наша общая задача.

**«ФИНЛЯНДСКИЙ ВАВИЛОН» : СЕВЕРНОЕ
ПРИЛАДОЖЬЕ В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX В.
ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

Дубровская Елена Юрьевна

*г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник сектора истории Института языка, литературы и
истории Карельского научного центра РАН*

Исследование заявленной темы было предпринято в связи с изучением вопроса о том, как шел процесс формирования в русской официальной печати начала XX в. определенных представлений у читательской аудитории Финляндии и Карелии о населении приграничных территорий. Представляется интересным изучить складывавшиеся в русской печати начала XX века представления читателей о населении пограничных территорий Великого княжества Финляндского, о жителях Приладожской Карелии. В частности, рассмотреть отразившиеся в источниках межэтнические отношения и сформировавшиеся в культурах карелов, финнов и русских представления об этносах-соседах. Публикации в русских периодических изданиях позволяют увидеть, как закреплялись этнические образы карелов и финнов в восприятии русских читателей, а также какими их хотела сформировать официальная печать.

Эти вопросы анализировались на основе документальных материалов российских и финляндских архивов, книг и брошюр, увидевших свет в начале XX в., периодических изданий различных направлений (среди них – литературно-публицистический журнал «Финляндия», «Православный финляндский сборник», «Олонецкие епархиальные ведомости», журнал Карельского православного братства «Карельские известия», «Гельсингфорский приходской листок», периодика, выходившая в 1917- 1918 гг. в Гельсингфорсе, Выборге, Петрозаводске).

Желание авторов журнальных публикаций познакомить читателей с представлениями и оценками, касающимися собственного этноса, как правило, вызывало желание как-то охарактеризовать образ жизни и психологию других этносов, находящихся с ним в контакте. Описания общих и специфических черт в культуре населения сопредельных территорий содержат сведения этнологического плана от простой фиксации различных этнонимов до суждений о типичных свойствах тех или иных народов.

Главными достоинствами национального характера финнов, вызывавшими восхищение всех доброжелательно настроенных авторов российских публикаций начала XX в., стали качества, определявшие стиль деятельности людей: трудолюбие, работоспособность, выносливость. Выявление подобных положительных черт в характере соседнего народа неизбежно приводило к желанию сопоставить их с автостереотипом, который сложился в представлениях русских о самих себе и, как это свойственно этническому интраобразу, был эмоционально окрашен и мифологизирован.

В то же время желание авторов журнальных публикаций познакомить русского читателя с представлениями и оценками, касающимися собственного этноса, как правило, вызывало стремление как-то охарактеризовать образ жизни и психологию других этносов, находившихся с ним в контакте.

В 1913 г. увидел свет журнал «Карельские известия» - будущий «двухнедельный орган по вопросам религиозно-православной, политической, общественной и

народной жизни», выходивший первоначально как издание православного кружка в с. Салми (Северное Приладожье) и редактировавшийся местным священником Петром Шмариным. С началом Первой мировой войны издание журнала взяло на себя отделение Карельского Православного братства с центром в Выборге.

Для его публикаций весьма типично стремление противопоставить православных карелов лютеранам-финнам. Характерно замечание, сделанное одним из авторов «Карельских известий» - помощником синодального миссионера иеромонахом Исаакием, о жителях с. Ляскеля в мае 1916 г.: «Коренное население было здесь сперва исключительно православное, но после устройства [лесопильной- *Е.Д.*] фабрики почти совершенно олютеранилось». (Имеется в виду приток финских рабочих на лесопильный завод, открытый здесь в конце XIX в. наследниками известного предпринимателя Нильса Людвиг Арппе.)

В конце XIX в. за счет русских капиталов развернулось промышленное (в частности, стекольное) производство в Импилахти, благодаря чему это село на берегу Ладожского оз. стало значительным центром Северного Приладожья. Его называли «Финляндским Вавилоном», поскольку здесь получили работу не только выходцы из отдаленных российских губерний, но и из других стран.

В 1896 г. инженер Густав Грендаль издал в С.Петербурге краткое описание Питкярантского месторождения, рудников и заводов. Упомянув о принятых заводоуправлением мерах по улучшению быта, а также «материального и нравственного благосостояния рабочих на заводе Питкяранта», автор отметил, что «сюда приглашен священник и открыто несколько школ, в которых преподавание ведется или на русском или на немецком языках, так что дети обучаются на родном языке». Немецкий в качестве родного языка, несомненно, мог быть востребован для обучения детей иностранных инженеров и высококвалифицированных мастеров, приглашенных из-за границы или из С.Петербурга.

Редактор «Православного Финляндского сборника» священник Георгий Светловский, протоиерей церкви во имя Захария и Елизаветы в финском городе Савонлинна (Нейшлот) привел сведения о численности православных прихожан на Анненском заводе (Суоярвский приход) – «около 2500 чел.», отметив, что «для них явно недостаточно имевшегося скромного храма на 200 – 250 чел.» и поэтому русскою казною для причта храма был выделен земельный и лесной участок.

Однако было бы неправомерно утверждать, что все авторы публикаций в православных журналах, издававшихся в Финляндии, неизменно отождествляли финнов с лютеранами и карелов с православными. Рассмотренные историко-этнографические источники отразили как этническую мозаичность населения пограничных территорий, так и представления людей о носителях «своей» и «чужой» культуры. При этом исследователь не всегда имеет дело с иноконфессиональными образами, формирование которых предопределялось столкновениями сторонников противоборствующих православия и лютеранства.

Источники сохранили описание курьезов, основанных на неготовности православных карелов воспринять отдельные элементы чужой для них «городской» культуры русских, в том числе и гастрономических новшеств. Так, катехизатор Василий Толстоухов, служивший в церкви с. Киделя неподалеку от г.Питкяранта, рассказал читателям «Православного Финляндского сборника» о встрече паломников с карельским крестьянином из д. Кауноселья. Встреча произошла на пути в д. Канабра, и паломники во время своей трапезы на дороге угостили карела сыром. Тот, «отведав немного, стал прятать его в карман», а когда увидел, что это открылось, сказал в оправдание: «Это я прячу для того, чтобы отнести домой и показать другим, и надеюсь, что этого маленького кусочка

хватит на всю нашу большую семью». Однако позже, «часто отплеываясь, он тихо повторял: Вот еще что едят люди и за что платят деньги».

В этом описании нашел отражение и типично сдержанный нрав карела, который сумел скрыть свое недоумение и недовольство непривычной пищей, к тому же постарался найти объяснение своему отказу от ее употребления, чтобы не обидеть угостивших.

На основе публикаций в рассмотренных источниках можно проследить, как шло формирование этнических представлений русских о жителях Северного Приладожья. Основными чертами этнического сопоставления авторы журнальных публикаций избирали внешность, язык, специфические черты национального характера, причем черты внешности связывались с чертами национального характера. Несмотря на абстракцию, свойственную стереотипам, авторы довольно верно схватывали характерные антропологические черты карелов. Однако направления, в которых они работали, во многом определялись политической обстановкой в России. Это особенно ярко выразилось в борьбе с «панфинской опасностью» и в стремлении доказать, что карельский народ по своим антропологическим признакам, языку, характеру ближе к русским.

Если русские путешественники всегда подчеркивали большое сходство в облике и обычаях карелов и русских, то финляндцы, напротив, делали акцент на сходстве карельского уклада жизни с финским, не говоря уж о языке.

А.А. ЯКИМОВСКИЙ – ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ефимова Валентина Алексеевна
*г. Лодейное Поле, методист ГорОНО,
учитель русского языка и литературы*

Алексей Алексеевич ЯКИМОВСКИЙ. Это имя знают многие поколения лодейнопольцев, так как, прежде всего, это школьный учитель и его многогранная личность нашла отражение в очень многих судьбах. Неумимый, ищущий художник и музыкант, требовательный, душевный Педагог и умный, тонкий, высоко эрудированный Просветитель, значение которого для нас и нашего района трудно переоценить.

Родной край, его история, природа, река Свирь воспеты в его песнях и картинах. А сколько сделано для общества: здесь и восстановление краеведческого музея, и создание замечательного хора, прославившего наш город далеко за его пределами, и хлопоты о возрождении Александро-Свирского монастыря, и соборание материалов по истории города, и опубликование книги о сельской музыкальной самодеятельности.

Но самым ценным его талантом была человечность самой высокой пробы, способность развивать в людях лучшие человеческие качества.

Алексей Алексеевич в течение многих лет был воистину душой Лодейного Поля. Он обладал удивительным умением находить радость, испытывать подлинное счастье от красоты природы, от искреннего и доброго движения души, общения с людьми всех возрастов. Именно такое отношение к жизни и делает человека Человеком.

Ему присвоено звание «Почетный гражданин города Лодейное Поле». Из военных наград самая любимая - медаль «За боевые заслуги», его труд в мирное время оценен орденом «Знак Почета». Но выше всех наград любовь и уважение

к Алексею Алексеевичу не только его земляков и учеников, но всех, кто его знал, кто как-то общался с ним. А знали его многие и в Москве, и в Ленинграде, и в Петрозаводске, где руководимые им коллективы на смотрах художественной самодеятельности занимали первые места. Замечательный экскурсовод, изучивший историю нашего края, он известен и космонавтам, и писателям и многим-многим людям, которым довелось побывать в нашем городе. Он любил всех и все любили его. А еще он был поэт:

*Не слышен ход минут.
Нам время не прощает
Закрытые и луище уста.
И годы вдали идут
В мгновеньях исчезают.
И остается только пустота.*

Стихотворение написано в 1926 году, когда Алексею Алексеевичу было 24 года. Через много лет мы можем возразить молодому стихотворцу:

- Нет, Алексей Алексеевич, не пустота. Вы живы в памяти людей. Память и в песне о Лодейном Поле, и в живописных картинах, раскрывающих тихую красоту русского Севера, и в учениках и последователях.

18 февраля 2002 года общественность города отметила 100-летний юбилей А.А. ЯКИМОВСКОГО. Все в городе хранит память о нем.

Древнерусская ладья, покачивающаяся на синих свирских волнах, - знак, разработанный ЯКИМОВСКИМ, встречает всех, кто приезжает в наш город. Герб города - символ единства истории и современности - им придуман. Созданная им визитная карточка достойно представляет наш город. Его текст выбит на памятном камне на месте усадьбы художника В.Д. ПОЛЕНОВА в д. Акулова гора. Его исторической справкой об уникальном памятнике каменного зодчества XV-XIX в.в., архитектурном ансамбле Александрo-Свирского монастыря, для создания которой он немало поработал в библиотеках, архивах и музеях Ленинграда, пользуются нынешние экскурсоводы.

Средняя школа № 68 (ранее железнодорожная школа № 6) - старейшая в городе. Ее история в полной мере отражает историю всей страны. Тысячи ее выпускников прославляли Родину и ратным и мирным самоотверженным трудом. 15 февраля 1992 года на здании школы появилась скромная мемориальная доска «В этой школе работал с 1936 по 1965 г. учитель. Почетный гражданин города А.А. ЯКИМОВСКИЙ». Доска установлена к 90-летию со дня рождения А.А. ЯКИМОВСКОГО. Память об Алексее Алексеевиче живет в стенах его родной школы, где он преподавал пение, рисование, черчение, географию и вел огромнейшую внеклассную работу. Создал хоры младших и старших классов, танцевальную и балетную группу, занимался с солистами, ставил с кружковцами кукольные спектакли; организовал кружок чтецов-декламаторов, занимался с одними индивидуально, других увлек хоровой декламацией. Школьные вечера, праздничные или предметные, всегда сопровождался выступлениями коллективов, руководимых Алексеем Алексеевичем. И на все и на всех хватало у него времени, терпения, любви. Признанием в любви к Учителю станет книга воспоминаний об А.А. ЯКИМОВСКОМ. В инициативную группу по созданию такой книги вошли его ученики, единомышленники, соратники. Авторы воспоминаний - это и довоенные и послевоенные ученики, и те, кто пел в хоре, школьном или позже в хоре районного Дома культуры, кто играл в оркестре народных инструментов, а также те, кто был рядом с Алексеем Алексеевичем во всех его делах и начинаниях.

В школе № 68 день рождения А.А. ЯКИМОВСКОГО, 18 февраля, объявлен Днем школы и отмечается ежегодно. В такие дни в школе проводятся линейки, встречи с теми, кто работал с ЯКИМОВСКИМ, общешкольные вечера, готовятся тематические выставки и экскурсии в школьном музее. Школа принимала участие в Торжественном вечере «Душой и сердцем Ваш», посвященном 100-летию со дня рождения А.А. ЯКИМОВСКОГО, который прошел 17 февраля 2002 года в Доме народного творчества.

Огромную работу выполняли учителя и старшеклассники, которые перенесли с магнитных пленок на бумагу, а после внесли в компьютер материалы всех вечеров Памяти, посвященных Алексею Алексеевичу, которые проводились в школах города, в Детском центре эстетического развития, в Доме народного творчества. Все эти материалы войдут в книгу воспоминаний.

Недалеко от школы стоял деревянный дом, окруженный садом, в котором жили ЯКИМОВСКИЕ. Это был очень теплый дом, в котором было всегда много гостей. Это были дети и взрослые. Всем здесь были рады, всем здесь было интересно. Славу этому дому принесли не только знаменитые «четверги у ЯКИМОВСКИХ», но и та доброта, которую излучали Алексей Алексеевич, его жена Елена Михайловна, музыкант, кулинар их дочь Марина, милые тетушки - Екатерина Семеновна и Елизавета Семеновна, и та любовь, которая царил в этом доме, ставшем центром притяжения для очень многих людей.

В связи с 300-летием г. Лодейное Поле и 100-летием со дня рождения А.А. ЯКИМОВСКОГО Администрацией города принято решение назвать сквер на улице Ленина Сквером имени А.А. ЯКИМОВСКОГО и установить на нем Памятный камень-валун с надписью: «А.А. ЯКИМОВСКОМУ. Учителю. Просветителю. Гражданину».

В 1992 году в Лодейном Поле вышла книга «Я уйду, оставив след собою». Автор этой книги - А.А. ЯКИМОВСКИЙ «Стихи, отрывочки из детства, строки о войне, рассказы для детей и про детей, записки о путешествиях по родному краю. И маленькие рассказы и побольше Алексей Алексеевич хотел объединить в сборник и назвать его «Лоскутное одеяло». Из кусочков, из лоскутков - цельное и согревающее, так необходимое человеку, когда ему холодно, неудобно. Эта книга - попытка земляков Алексея Алексеевича при помощи его творческого наследия как можно более полно воссоздать образ этого удивительного человека - Учителя. Просветителя», - пишет О.В. АБРАМОВА, составитель и редактор книги, которая стала настольной не только для лодейнопольцев, но и для тех, кто сейчас здесь не живет, но помнит и любит свою малую родину, гордится ее людьми. Если книга «Я уйду, оставив след собою» познакомила читателей с внутренним миром Алексея Алексеевича, то книга воспоминаний, несомненно, дополнит его образ и станет своеобразным памятником той истории, которую творит народ.

Песня - душа народа. Бывало, на празднике песни в парке «Свирская победа» Алексей Алексеевич руководил хором, который объединял до 600 человек. Ныне праздники проводятся по-другому, да и интерес к хоровому пению поутих, но традиции живут. Есть энтузиасты, которые продолжают его дело.

Это, в первую очередь, самодеятельный народный коллектив «Академический хор имени А.А. ЯКИМОВСКОГО» (руководитель Нелли Михайловна ШВАРЦ). Лауреат Всероссийского фестиваля «Салют, победа!» (2000 г.), дипломант областных смотров-конкурсов, постоянный участник ежегодных концертов духовной музыки в г. Тихвине в День явления Тихвинской иконы Божьей Матери.

Сегодня в народном академическом хоре имени ЯКИМОВСКОГО 25 участников. Это учителя, врачи, инженеры, экономисты. В репертуаре хора произведе-

дения БАЛАКИРЕВА, БЕРЕЗОВСКОГО, ШУМОВА, ЧАЙКОВСКОГО, БЕТХОВЕНА, ШОСТАКОВИЧА, ДУНАЕВСКОГО, КОЛМАНОВСКОГО.

Большая концертная деятельность хора по пропаганде духовной, классической музыки, песен советских композиторов, русских и зарубежных песен - достойная память о нашем замечательном земляке А.А. ЯКИМОВСКОМ.

С успехом выступает и хор ветеранов «С песней по жизни», в котором поют те, кто когда-то начинал петь в хоре А.А. ЯКИМОВСКОГО.

Да и знаменитые наши «Северные узоры» (руководитель М.Г. ЗАХАРОВА) выросли не на пустом месте, а продолжают традиции ЯКИМОВСКОГО, прославляя русское искусство пения и танца у себя на родине, а также в Европе и Америке.

Не сотвори себе кумира, но последуем его примеру, и пусть никогда не гаснет свет, зажженный Учителем, свет великой любви к людям.

*Я хотел бы быть поэтом
Для того, чтобы моя любовь
Могла уместиться в ряде слов и букв
И тогда... Ты могла бы знать
Что мое сердце
Повторяет одну и ту же мелодию, -
Начиная и заканчивая словом «люблю».*

ИСТОКИ РУССКОГО СЕВЕРА

Жданова Галина Владимировна

г. Москва, философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Сведения о далеком прошлом русского севера неглубоки и поверхностны. Русские, естественно, не вечно жили по Сухоне, Шуге, Шейбухте, Векшеньге, Шипарям и другим северным рекам. Сюда они пришли, по-видимому, не ранее XI столетия и постепенно осваивали эту огромную территорию. Кто же населял эту территорию до появления здесь русских?

Согласно наиболее распространенной версии, некогда север Европы был подвержен великому оледенению, и потому жить здесь было невозможно. И лишь потом, всего за несколько тысячелетий до нашей эры, на огромной территории от Урала до Скандинавии произошло заселение людей. Считается, что это были племена финно-угорской группы.

Однако ряд исследователей¹ пытается взглянуть на проблему гораздо глубже. Оледенение в Европе было отнюдь не вечным. Ему предшествовали примерно пятьдесят тысяч лет благоприятных для людей природно-климатических условий. На плодородных лесных почвах расстились широколиственные леса, свободно бродили мамонты и другие гиганты животного мира. При раскопках в селе Нюксенице вместе с костями бизона и мамонта найдено кремневое орудие, изготовленное руками человека примерно 20-25 тысяч лет назад. По всей видимости, с тех времен сохранилось и вязовое урочище в Темном мысу в устье реки Вологды.

Оледенение, несомненно, сузило ареал обитания людей и животных, но не погубило жизнь. В Европе ледник распространился до широты Берлина, в России – до Белого озера. К востоку и юго-востоку от него вплоть до Урала климат становился все теплее. В XIV тысячелетии до н.э. ледник растаял. Подвижки индо-европейского населения идут в эту пору с территории Восточной Европы в

¹ См.: *Жарникова С.В.* Архаические мотивы северорусской орнаментики (к вопросу о возможных праславянско-индоевропейских параллелях). Канд. Дисс. Защищена в Институте этнографии АН СССР.

Западную. Затем осваиваются пространства Причерноморья, Прикаспия и далее пути переселения ведут в Иран и Индию.

В индийском народном эпосе «Веды» речь идет о том, что прародиной ариев был север. Здесь, в приполярных широтах, в легенду были оформлены наблюдения людей за сменой дня и ночи.

Ученые отмечают значительное сходство орнаментов на арийской керамике II тысячелетия до н.э. с традиционным северорусским орнаментом, несомненное языковое родство. Например, на санскрите тарнога – бегущая вода, где первая часть слова означает нечто текучее, а «га» является символом движения. В северо-русской местности немало подобных слов: Авне-га, Ва-га, Векшень-га, Волга, Шилень-га. Естественно, они не могли не обогатиться смыслом, который в них вкладывали народы, пришедшие сюда на смену индоевропейскому населению: мордва, финны, заряне. Например, слово Авнега можно перевести на современный русский язык как отдаленная, отделенная, пустынная вода, слово Векшеньга - как беличья река.

Свидетельством того, что северная земля была удобна для земледелия, служит тот факт, что в XVIII веке академик Лепехин обнаружил здесь дикорастущие сельскохозяйственные культуры, такие как ячмень, горох, рожь. А в 1911 году американцы при экспертизе своих видов пшеницы признали шенкурскую, берущую свои начала в северной архангельской земле. Да и лен – растение длинного светового дня – до сих пор благоденствует на северных землях.

Для сбора дани киевской княгиней Ольгой был создан такой опорный пункт как становища и погосты. В дальнейшем ими были охвачены все славянские земли. Академик Б.А. Рыбаков определяет количество погостов в Псковской, Новгородской, Владимиро-Суздальской, Рязанской, Муромской землях ориентировочно от 500 до 2000. «Погосты были как бы узлами огромной сети, накинута князьями X-XI вв. на славянские и финно-угорские земли Севера; в ячейках этой сети могли умещаться и боярские вотчины, и общинные пашни, а погосты представляли собою те узлы прочности, при помощи которых вся сеть держалась и охватывала просторы Севера, подчиняя их князю»².

Погост предположительно крупнее становища: люди здесь должны были иметь коней для транспортировки дани, скот для прокорма приезжающих, фураж, кладовые и склады. Б.А. Рыбаков пишет: «Единственный случай, когда археологом был обследован погост, упоминаемый в грамоте 1137 года, это погост Векшеньга при впадении одноименной реки в Сухону, в 89 километрах к востоку от Вологды»³ (имеется в виду не город Вологда, а река Вологда, устье Вологодское. – Авт.).

А.В. Никитин обследовал место рядом с селом, до сих пор называемое погостом. «Это обычное мысовое городище треугольной формы, у которого две стороны образованы оврагами, а с третьей, соединяющей мыс с плато, прорыт ров. Городище небольших размеров. Укреплено оно было, по всей вероятности, тыном. Культурного слоя на самом городище почти нет: люди проживали, очевидно, на месте современного села Векшенги»⁴.

В книге Ю.И. Чайкиной «Географические названия Вологодской области» сказано об этом так: «Воробьево, д. Кожуховское с/с Междуреченского района. Одно из самых древних селений Вологодского края, первоначально называлось

² *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 108.

³ Там же. С. 107.

⁴ *Никитин А.В.* Отчет об археологических разведках на Сухоне 1958 г. Архив ИА АН СССР.

погост (церковное селение) Векшеньга. Ойконим Векшеньга восходит к наименованию реки, притока Сухоны.

Впервые упоминается в уставе кн. Святослава Ольговича 1137 г. в числе новгородских погостов: «Урядил есмь аз... святей Софии... Векшензе... два сорочка» (Барсов, 26). Речь идет о десятине с дани, десятина шла новгородскому архиепископу. Название Воробьево отмечено в источниках XVII в.: «д. Векшеньга, Воробьево то ж» (ВОКМ, № 4368, л. 52 об.), от древнерусского м. л. и. (мужского личного имени) Воробей, которое было весьма активным в XV-XVII вв. (Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903). Давалось оно людям невысокого роста: в русских говорах воробей, воробейчик – мужчина маленького роста (СРНГ, V, 102)⁵.

Грамота (устав) князя Святослава Ольговича Новгородской епископии 1137 года ценна тем, что впервые в письменном источнике официально упоминается часть территории современного междуречья в составе Новгородской земли.

Открывая все новые и новые страницы русской истории, мы не перестаем удивляться многообразию нашей русской культуры, складывавшейся под влиянием столь многочисленных традиций других народов.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ в 1610–1620-х гг.

Жуков Алексей Юрьевич

г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Крах российской государственности в 1610 г. привел к польско-шведской интервенции и оккупации Речью Посполитой Смоленщины, а Швецией Новгородского уезда. Восстановление суверенитета России над северными землями и воссоздание здесь структуры и твердого порядка государственного управления падают на 1610-е – первую половину 1620-х гг. Данный период составил особый и ответственный этап общей эволюции российской государственности. Весьма показательно он проявился в восточном Приладожье и всем Посвирье, административно входивших тогда в Заонежские погосты Новгородского уезда.

Поначалу, в 1610–1617 гг. шло прямое военное противодействие оккупации шведами новгородских земель, а с 1613 г. – и постепенное распространение политической власти законного правительства России на земли Севера. Уже командование Первого Земского ополчения зимой 1611/12 г. послало в Сумский острог отряд стрельцов под началом воеводы М.В. Лихарева, передав ему гражданские и военно-политические полномочия главы местной российской администрации, в т.ч. во внутривластной налоговой сфере. В подчинении у Лихарева оказался Соловецкий округ, Лопские погосты, самый север Заонежских погостов. Своевременно прибывшие в Суму земские войска заставили Швецию отказаться от попыток завоевать северную половину Карелии.

Активное освобождение Новгородчины, в т.ч. всех Заонежских погостов, началось только с 1613 г. Опорой центральной российской власти тут стал Тихвин, восставший и изгнавший шведских захватчиков весной 1613 г. Тихвинские воеводы получили широкие полномочия властей Новгородского уезда в услови-

⁵ Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск: СЗКИ, 1989.

ях оккупации Швецией самого Новгорода. Они координировали действия русских войск по освобождению уезда от захватчиков. В марте 1614 г. русские казаки под командой ногойца Барай-мурзы Кутумова были отозваны воеводой Тихвина Ф.К. Плещеевым из-под Ладogi и направлены им к Олонцу для отражения рейда нанятых шведами польских казаков полковника Барышпольца и прибывшего на подмогу последним шведского отряда Ханса Мунка. Русские разбили интервентов и окончательно освободили Олонец. Но первое противодействие захватчикам началось уже осенью 1613 г. Тогда в Карелию Москва направила другой отряд русских казаков под командой Богдана Чулкова, которые построили Андомский, Шунгский и Толвуйский остроги и, опираясь на них, отстояли для России земли вокруг Онежского озера. Летом 1614 г. остатки отрядов Барышпольца потерпели поражение у Сермаксы на нижней Свири.

В 1614 г. все Заонежские погосты были освобождены от власти шведов. Тогда же, с лета 1614 г. тихвинские воеводы перестали нести прямые военные обязанности по командованию войсками уезда, а на Север прибыл воевода-военный князь Б.М. Лыков, получивший от столицы необходимые военные полномочия по командованию всеми русскими казаками на Севере для противодействия оккупантам. Под началом Тихвина остался только гарнизон самой Тихвинской крепости. Но за тихвинскими воеводами сохранились обычные гражданские полномочия и, что особенно показательно, проведение писцовых «дозоров» Заонежских погостов (1614–1615 гг.). Тихвин контролировал территорию всей северной половины обширного Новгородского уезда, от южного Посвирья и до Выгозера у Белого моря. Также его воеводы обеспечивали ход прямых российско-шведских переговоров, шедших с 1615 г. у Тихвина и завершившихся в феврале 1617 г. в деревне Столбово, на полпути между Тихвинским и Ладогой.

Примеры Тихвина и, добавим, Вологды, Белоозера, Каргополя и Архангельска корректируют давний тезис отечественной историографии об ускоренном оформлении воеводского военно-административного типа областного управления именно в годы Смуты, типа, который затем, на протяжении XVII в. оставался атрибутом уездной власти. В Смуту и в годы борьбы с захватчиками военная власть гражданских воевод на местах была вынужденной и временной мерой; чрезвычайной являлась сама обстановка. Полномочия северных воевод в ответственный момент открытого военного противостояния и по 1617 г. в целом повторяли обязанности воевод пограничных уездов России, таких, как Корельского в самые отчаянные годы Ливонской войны (особенно в 1570-е гг.). Последние совмещали гражданские, дипломатические и, случалось, военные полномочия во вверенных им уездах. В 1610-е гг. этот уже наработанный ценный опыт администрирования возобновился: просто «прифронтовыми» на время стали почти все уезды центра и севера страны, столкнувшиеся с открытой интервенцией Речи Посполитой и Швеции. С уходом захватчиков за воеводами сохранялись гражданские полномочия и командование гарнизонами уездных центров. Но как только возникла очередная военная внутренняя или внешняя опасность, возрождалась и военные полномочия у воевод уездов.

Обычный порядок уездного воеводского управления из освобожденного Новгорода воссоздавался с 1617 г. По принципам устройства он воспроизводил воеводскую власть рубежа XVI–XVII вв. Воеводская администрация Новгорода, под бдительным надзором и при прямом участии верховной власти, в 1617–1625 гг. наладила системное управление Заонежскими погостами и приграничьем. При этом столица с успехом применила административный прием «советования» с местным самоуправлением по поводу размеров и видов налоговых пла-

тежей. До начала 1620-х гг. государственными агентами московского правительства на местах являлись писцы (в Заонежских погостах), «межевые судьи» на линии пограничного разграничения со шведами, и «приказной» Олонейского стана Дома св. Софии (новгородской митрополии). Поскольку воеводы Новгорода исполняли роль главных внешнеполитических представителей России по связям с приграничными шведскими властями, то конфликты между подданными обеих стран разрешались под новгородским надзором, а верховное управление всем процессом урегулирования отношений со Швецией со стороны России взяли на себя царь Михаил Романов с патриархом Филаретом и Посольский приказ.

После отъезда из Карелии писцов и «межевых судей», в первую половину 1620-х гг. власть столицы тут осуществляли воеводская администрация Новгорода прямо и через назначенного в Ошту «судью», а в олонейском приграничье – через «приказного» новгородского митрополита, ставшего местным приграничным начальником. Но главным начальником всего приграничья со Швецией оставался воевода Новгорода, которого новгородский митрополит информировал обо всех приграничных конфликтах и спорах со шведскими подданными, ставшими известными владыке по донесениям его олонейского «приказного».

С 1626 г. в Оште утвердились воеводы. По воле Москвы они оказались твердо подотчетными «старшей» воеводской администрации Новгорода во всех сферах управления, особенно в землевладении, налоговом-бюджетной и в судопроизводстве. При этом ставки хозяйственных податей и судебных пошлин столица и Новгород определили загодя, к тому же в погостах новгородские власти заведовали сбором с доходных мест окладных «питевой прибыли» и та-моженных пошлин. Контроль за приграничьем, в т.ч. за сохранением в неизменности самой линии границы, оставался в руках новгородской кафедры Дома св. Софии, воеводской администрации Новгорода и столичного Посольского приказа; воеводы Ошты были лишены права надзора за самим приграничьем.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Зотов Анатолий Фёдорович

г. Москва, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Люди моего поколения, знакомясь с азами общественных наук, с самого начала оказывались в плену идеала «научной объективности», который представлялся тогда непререкаемой аксиомой научного подхода к любому предмету. Рассуждая о процессах общественного развития (и, конечно же, культуры тоже) мы для характеристики этих процессов чаще всего применяли определения «социальный прогресс» и «объективная историческая необходимость». Причем эти определения, как правило, звучали для ученого уха «в резонанс»: все, что было «объективно необходимым» (или выражало объективную необходимость в научных концепциях) в силу этого было и исторически прогрессивным, и «подлинно научным». До сих пор в большом ходу у обществоведов выражение «история не знает сослагательного наклонения», которое означает гораздо больше, чем житейскую мудрость относительно прошлого – «что сделано, то сделано». Ведь если история – это специфический способ человеческого бытия, и если она

«не знает сослагательного наклонения» (и потому, кстати, «ничему не учит»), тогда нет ни исторической ошибки, ни исторической заслуги, ни исторической вины. История *объективна*, хотя «одних она ведет, а других тащит». С таким мировоззренческим «гарниром» нам подавали (и мы тоже...) и петровские реформы, и крещение Руси, и опричнину, и октябрьскую революцию вкупе с гражданской войной, и индустриализацию с коллективизацией.

2. Конечно, в истории был и «субъективный фактор» – ведь у «прогресса» всегда были противники и даже враги, а борьба с ними обычно требовала жертв, которая входила в состав совокупной «цены прогресса». Однако победа «прогрессивных сил» представлялась столь же неизбежной, как ход самого объективного исторического процесса, и в этом плане уподоблялась, например, восходу солнца. Галилея могли принудить отказаться от своего учения, но с объективной истиной, которая в нем выражалась, ничего поделать не могли – потому что *на самом деле* Земля вертится! Могли принудить, напротив, заставить изучать и почитать труды Птолея – но сделать его концепцию истинной не могли. Все это относилось и к социальным концепциям: «марксистское учение все-таки верно, потому что оно верно» – писал Ильич. А вот концепции его противников заведомо обречены на поражение – потому что все они неверны. *Подлинная* общественная наука (как и наука вообще) вдохновлялась идеалом объективности и была уверена, что следование этому идеалу есть ее *служение прогрессу*.

3. Когда такая наука обращалась к вопросам, права, морали и вообще ценностям параметрам, то они выступали как нечто «вторичное», и, в конечном счете, отражали, правильно или извращенно, глубинные характеристики объективных социальных процессов. В случае «правильного» отражения все эти феномены были и сами, как раз в силу своей правильности, «прогрессивными», а «извращенные» – «реакционными». Такая социальная наука, в силу своей подлинности и объективности, была вправе не делать предметом своего внимания «факты произвола», «чиновничьей тупости», «волонтаризма» и «бюрократизма», передав этот материал журналистике. Тот несомненный факт, что «рабочий класс» тоже «выпить не дурак», не был аргументом против тезиса о том, что «пролетарская» мораль была прогрессивной, а буржуазная была «реакционной», даже в том случае, если многие представители этого класса соблюдали все христовы заповеди (впрочем, последние входили в состав «живой» религиозной морали, а религия, понятно, была средством «оболванивания» трудового народа).

4. Хотя сказанное ранее носит черты шаржа, тем не менее, я далек от того, чтобы расценить такую установку как «ошибочную» и насквозь «идеологическую». Я считаю, что марксистская ориентация социального исследования была не просто одним из «великих нарративов» прошлой истории европейского человечества. Напротив того, в основных своих чертах она и в самом деле соответствовала объективным характеристикам той фазы развития европейской культуры, в которой она возникла и стала базой коммунистических социальных программ и проектов! То, что называлось «историческим материализмом», достаточно адекватно отражало строение и механизмы развития того общества, которое в коммунистической литературе называлось «капиталистическим», а сейчас подчеркнuto лояльно называется «промышленным» или «индустриальным». «Капитал» К. Маркса был отнюдь не измышленным извращенным метафизического ума – он был выдающейся научной теорией *капиталистического общества*, адекватной этому предмету. И уж если не ограничиваться эмоциональным отторжением марксистской социальной концепции (что имеет к науке только то отношение, что само это явление может стать предметом научного изучения), а пытаться его критиковать, то начать следует с постановки вопроса, является ли

постиндустриальное общество равнозначностью общества индустриального, и к тому же капиталистического, т.е., таким, каким было оно во времена Маркса и вплоть до второй мировой войны.

5. Программы строительства социализма сохраняли в качестве базовых ряд важнейших характеристик марксовой концепции – уже потому, что социализм тоже трактовался как общественно-экономическая формация. Поэтому в разделе, посвященном национальному строительству, «национальные окраины», к которым похода относили территории Севера, Сибири и Дальнего Востока, не были территориями, населенными народами с иными культурами – они были «отсталыми»! Причем отсталыми и в экономическом, и (что следовало из первого) в культурном отношении. В какой системе отсчета? В той, которая стала для России «естественной» после Петровских реформ – ведь он «решительно повернул Россию на путь прогресса», т.е. на путь ее превращения в промышленно-развитую страну. Под этим углом зрения большевики ничуть не сомневались, что являются продолжателями «дела Петра»: даже такие программы, как достижение «поголовной грамотности», и такие меры, как поддержка Нижегородской радиолоборатории были только частично определены политическими целями; главное было в том, что они были моментами индустриализации страны. Индустриализация, стремление «догнать и перегнать» промышленно развитые страны стала ведущей темой культуры; более того, она стала культурным фетишем. «Развитие Севера» понималось, прежде всего, как его *промышленное* развитие. То, что в ходе такого промышленного развития, вместе с открытием гигантских залежей полезных ископаемых и, соответственно, созданием городов с многотысячным населением, в эти регионы хлынули (добровольно и по принуждению) массы «некоренного населения», не рассматривалось обычно как источник практически неизбежной культурной катастрофы. Скорее напротив, если не считать лагерного населения, приездные были самым важным действующим фактором программы культурного развития! Его действие «органически соединялось» с обучением «детей Севера» в Ленинградских институтах, где из них готовили, прежде всего, инженеров, врачей, учителей. Даже ассимиляция расценивалась как безусловно положительное явление, не говоря уж о том, что происходила деградация традиционных видов производственной деятельности – оленеводства, рыболовства, охоты.

6. Конечно, нельзя изображать фигуры умолчания в отношении программ сохранения и развития национальных культур: в ряде случаев создавалась даже письменность и возникла печатная литература малых народов. Однако ведь и здесь происходила неизбежная «деформация» культурной традиции (даже если не обращать внимания, скажем, на сознательное уничтожение «национальных предассудков»). Так что современный феномен превращения Абрамовича в чукчу был подготовлен десятилетиями предшествовавшего цивилизаторского процесса. Не останавливаясь на деталях, даже если они очень важные, я подчеркиваю (разумеется, это моя личная точка зрения), что «социалистическая» и «капиталистическая» программы развития «отсталых народов» (на примере Чукотки и Аляски) были в основном конвергентными. Это значит, что социальное бытие в условиях «глобализирующегося» промышленного общества имело преобладающую тенденцию к разрушению культурных границ. Поскольку как крупная промышленность требовала стандартизации технологий и знаний, и по мере того, насколько производство было не только основой общественного бытия, но и основной сферой «жизненного мира» подавляющего большинства населения развитых стран, культура в целом была чем-то вроде платья, скроенного по мерке «стандартного» человека промышленного общества – это была не только «надстройка» над экономическим базисом – это была «рабочая одежда» челове-

чества! Соответственно, «усреднение» культур, образование «интернациональной» культуры как следствие образования интернациональной промышленной сферы жизнедеятельности – и, конечно, вымирание культур малых народов (либо их превращение в разновидность экзотической игры на потребу рынка индустрии отдыха) было закономерно – что и подтверждает статистика. Здесь едва ли не полная аналогия с процессами в биоценозах.

7. Подводя итог этой части доклада, сформулирую важный тезис: глобализм начинается в индустриальном обществе, неизбежно носит империалистический характер и детерминирован «объективно-экономически». Тогда появляется *мировая экономика* (как «базис»), *мировая политика* (как «продолжение экономики») и «зачатки» *мировой культуры* (прежде всего интернациональная «западная» наука, языковая экспансия экономически ведущих держав и их же «образовательная экспансия»). Однако, сохраняются весомые включения «доглобалистской» фазы, прежде всего, «национальные интересы» в экономике, политике и «стратегии».

8. Иная ситуация сложилась в обществе по мере его перехода к постиндустриальной (или информационной) фазе. Эта фаза *сделала возможной культуру постмодерна, которая значительно менее зашорена «экономическими» характеристиками, чем культура индустриального общества*. То, чтобы было либо невозможно, либо маловероятно в культуре модерна, стало возможным в культуре постмодерна.

9. Самое существенное, пожалуй, то, что постиндустриальное общество проявляет черты «*постэкономического*» общества! Это значит, что постиндустриальное общество – это не очередное звено в цепочке «социально-экономических формаций» (по определению, являющихся «вариациями на общую тему»), а переход к новому типу цивилизации, где законы экономические перестают быть базисными социальными законами. Впрочем, из прошлых «экономических» формаций ближе всего к «экономическому» обществу был капитализм. В нем соединились такие черты, как развитое *материальное* производство, в качестве не только первейшего условия человеческого бытия, но и все пронизывающей характеристики человеческой жизни в целом: «экономический интерес» в нем превалирует над всеми остальными – «голый чистоган», «власть денег», «погоня за прибылью», «превращение всего в товар» – вот разные названия этого универсального мотива и механизма. Именно на этом этапе развития западной цивилизации спор «булата» со «златом» закончился очевидной победой последнего! Нужно, однако, добавить, что «власть злата» означала всевластие промышленного, а не торгового капитала. Индустриальное общество было таким, в котором правил *промышленный* капитал, а источником его доходов была эксплуатация пролетариата («неоплаченный труд рабочего»). Поэтому львиную долю жизни большинства населения должно было составлять «рабочее время» (каковым, согласно концепции Маркса, измерялась стоимость товара). Классовая борьба угнетенных, т.е. большинства населения и *начиналась* с экономической борьбы, и велась в *конечном счете* ради экономического освобождения – более того, ее конечным итогом было, по Марксу, «устранение труда». Удел пролетариев, труд, создавал, однако, возможность существования такой культурной надстройки, которая была нацелена на «потребление свободного времени» (которого сначала трудящийся человек был почти лишён). И чем больше была степень эксплуатации рабочего (а также уровень производительности его труда – тогда они были хорошо коррелированы друг с другом), тем больше был размер этого потребления свободного времени (в расхожей марксистской политической литературе оно именовалось «паразитическим потреблением»).

10. В информационном обществе изменилось почти все: несколько «прорывных революций», потом «научно-техническая» вкюпе с «зеленой революцией» привели не только к гигантскому росту «производительности труда», но и к изменению облика производства, изменению *понятия труда*. Но главное – к изменению соотношения «общественно-необходимого рабочего времени» и времени «свободного». Можно сказать, что *одним из наиболее социально-значимых продуктов современного производства является свободное время*. Причем это «продукт массового потребления». Изменилась радикально структура производства и рынка: одной из самых мощных отраслей экономики стала «индустрия отдыха». То, что в социальном учении марксизма было не только «первичным», но и наиболее значимым в жизни – «есть, пить, одеваться, иметь жилище и человека другого пола» отодвинулись на периферию жизни и существенно деформировались.

11. Человек стал «человеком играющим». Об этом говорит не только высокий статус профессионального игрока по сравнению со всеми другими, но даже лингвистическая реальность: о своей деятельности как виде игры говорят политики, финансисты, военные...

12. Наконец – по счету, не по важности – характеристикой современного мира стала универсальность глобализации. Она свойственна экономике, политике, отдыху, всей культуре. Этот процесс облегчается эмоционализацией всей жизни – чего еще ждать от «играющего человека»?! Эмоционализированные глобальные средства массовой информации, в которых видео- и звукоряд куда важнее рационального смысла, делают глобальную культуру все менее рациональной и все более дезорганизованной, «размытой». Понятие «структуры» уже мало подходит для обозначения любого социального образования, в том числе традиционного, начиная с семьи и кончая государством. Более того – само их существование ныне ставится под вопрос. То же относится к таким категориям, как «народ» или «нация». Тем более это касается «культурных единиц» - профессиональных объединений, всякого рода «малых групп» и пр. Все они в высшей степени переменчивы, а их совокупность лишена устойчивой структурности.

13. Отсюда «кризис человека» - прежде всего угроза человеку как *личности* (хотя и не только – как показывают научно-технические исследования, индивидуальная биологическая «природа» человека может быть изменена в чрезвычайно широких пределах). Однако коль скоро речь идет о проблеме социальной (личностной) идентичности, то сомнительными (т.е. не просто неясными в некоторых деталях) становятся понятия автономии, выбора, свободы, ответственности и пр.

14. Истоки этого кризиса (точнее, того, что *воспринималось* как *кризис личности*, а по сути было как раз «кризисом социальности») – в развитом промышленном обществе. В философии это выразилось, прежде всего, как тема «отчуждения» в марксизме и как тема «безличного бытия» (Man) в экзистенциализме. Важно иметь в виду, что этот «кризис социальности» имел свое основание в том, что в результате развития производства стало возможным (хотя бы для некоторых, число которых растет) противопоставление человеком «собственного Я» условиям своего бытия и своей деятельности, т.е. возможность изменения своего «предметного мира». Это – *продолжение* процесса «выделения человека из природы», т.е. его исток – в появлении культуры. Иначе говоря, социальность в самих своих истоках «заражена» отчуждением: сначала «от природы», потом «от форм деятельности». Не потому ли в постиндустриальном обществе ликвидация отчуждения оказывается в то же время и кризисом личности, и кризисом социальности?

15. Теперешний человеческий индивид обретает личностные (и даже «индивидуальные») свойства не столько потому, что есть некие «неотъемлемые», или «присущие ему от рождения» качества, а скорее потому, что *как раз в поле культуры образуется нечто вроде динамических «виртуальных образований», исполняющих некие функции*. В этой Вселенной не «функция» вторична в отношении «субстанциональной единицы», а «субстанциональная единица» есть эфемерное функциональное образование – вроде колечка дыма, которые испускает опытный курильщик (или атома «по Резерфорду»). Понятно, что личность становится все более протеческой, эфемерной – т.е. превращается в *виртуальное образование*.

16. В итоге, «самоидентичность» уже не «дана», и, может быть, даже не «задана» как априорное условие возможности социума – она существует скорее в «возможном мире» (подобно скульптуре в куске мрамора). Так оборачивается, применительно к человеку, биоинженерия или исследование человеческого поведения: и то, и другое фактически уже сегодня способны превратиться в «конструирование» своих «предметов». И возможность такого конструирования тем более реальна, чем более пластичен, лишен изначальной формы и структуры, «человеческий материал». Признаки такого «перерождения человеческого начала» буквально во всем – от «диктатуры моды» и появления перед выборами политических партий-однодневок до безразличия к собственной жизни у террористов-самоубийц.

17. Что это такое – то ли переход к новой форме бытия сознания (от «человейника» к «Солярису»), то ли проблемная ситуация: если человечество хочет сохраниться (возродиться?!), в качестве сообщества свободных личностей – *тогда самоидентификация должна стать абсолютной этической ценностью*

18. Таким образом, если в индустриальном обществе проблема социальной идентичности сводилось к исследованию (и пониманию) структуры «диалектического конфликта» субъективного с объективным, личного с общественным, свободы с необходимостью и пр., а типы социальности могли быть *объективно* классифицированы согласно акцентам в этой «диалектике» (например, «демократия» и «тоталитаризм»), то в условиях постиндустриального общества такие отсылки к «объективному основанию», к «объективной необходимости» кажется, все больше лишаются смысла. Человек сам не заметил, как рост технического могущества и связанной с ним прогресс свободы сделал культуру не только сверхсложным, но и крайне неустойчивым образованием: свобода и могущество обернулись экзистенциальной непредсказуемостью – если этические нормы не станут онтологическими «принципами запрета». Если люди не хотят, чтобы их «сегодня» превратилось в новое издание вальтасарова пира, то они сами должны написать на стене своего дома огненными буквами: «НЕОБХОДИМА ОСТОРОЖНОСТЬ!»

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И СВОБОД КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

А.Н. Калабанов, А.М. Пекина

г. Петрозаводск

Становление и развитие гражданского общества в современной России очень тесно связано с реализацией закрепленных в действующей Конституции прав и свобод ее граждан, реорганизацией системы местного, локального (на уровне промысловой общины, деревни или поселка) самоуправления и создания действенных механизмов сохранения национальной этнической культуры, языка, традиций, обычаев, способов организации социального пространства, окружающей среды и

хозяйственной деятельности всех без исключения народов Российской Федерации. Однако в силу ряда социально-экономических причин и вытекающих из этого последствий в равных условиях оказались далеко не все из них. Особенно больно реформы и преобразования в экономике ударили по наименее защищенным в социально-правовом отношении этническим общностям – народам Крайнего Севера.

Динамика сегодняшних социально-экономических и политических процессов явственно свидетельствует о том, что в период трансформации общественных ценностей и приоритетов, в условиях экономических реформ и демократических преобразований под угрозу полного исчезновения оказались поставлены не только этническое самосознание, духовная и материальная культура аборигенов Севера но и само их физическое существование¹. Именно поэтому сегодня так важно решить проблему социально-правовой и государственно-правовой организации их жизнедеятельности и жизнеобеспечения, которая была бы в состоянии обеспечивать и поддерживать их культурное и хозяйственное своеобразие. В связи с этим уже в самое ближайшее время предстоит сделать решающий выбор между патернализмом и социальной опекой, ведущими к этносоциальному иждивенчеству и потере личной инициативы, и развитием созидательной социальной активности. При этом следует заметить, что выбор жизненной стратегии не является сугубо двойственным, поскольку между диаметрально противоположными полюсами жизнедеятельности существует еще и третий путь - путь социального конструирования, сочетающий в себе как социальную опеку, так и социальную активность. Прежде всего - это развитие различных форм и способов местного самоуправления - от организации хозяйственно-промышленных общин до создания самоуправляющихся территорий, поселков и деревень и поощрения местной инициативы. Существующий международный опыт (Норвегия, Австрия, Канада, Китай, Австралия) показывает, что такой способ вполне успешно может быть применен и по отношению к коренным малочисленным народам Крайнего Севера. Разумеется, определить условия и способы его применения с учетом рыночной экономики, промышленного освоения территорий Севера и патернализма будет достаточно сложно, поскольку одним из главных вопросов местного самоуправления является вопрос о праве собственности на землю, праве на использование земельных ресурсов, пастбища, хозяйственных и промысловых угодий, разработку и освоение недр (нефть, газ, другие полезные ископаемые), автоматически провоцирующий затяжной конфликт с ведомственными и корпоративными интересами предприятий и организаций добывающей и перерабатывающей промышленности. Поэтому, вероятно, наиболее оптимальным на нынешнем этапе развития государственности стало бы применение различных форм и способов местного хозяйственного и этносоциокультурного самоуправления, основы которых уже достаточно хорошо разработаны и апробированы на практике рядом общественно-политических, национально-региональных и территориальных объединений и партий. Прежде всего - это общественные организации граждан, создаваемые в целях развития и поддержания своей национальной культуры, искусства, образования, а также формируемые самоуправляющиеся территории, большая часть населения которых принадлежит к числу коренных малочисленных народов Крайнего Севера.

В докладе будет рассмотрено, как это решается сегодня на практике - в Республике Карелия, Архангельской области и Ненецком автономном округе.

¹ Соколова З.П. Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. – М.: Изд. ИЭА РАН, 1995.

На сегодняшний день первенство в развитии форм местного самоуправления бесспорно принадлежит Карелии, что официально было отмечено уже в октябре 1995г. во время встречи в Петрозаводске полномочного комиссара Совета государств Балтийского моря по демократическим институтам и правам человека Оле Эсперсена с делегацией Карельского конгресса².

В Архангельской области и Ненецком автономном округе решением проблем местного самоуправления наряду с официальными органами государственной власти и управления занимаются национально-культурные и общественные объединения («Поморское Возрождение» и «Демократическое Возрождение Севера» Архангельской области и ассоциации ненецкого народа «Ясавей» в Ненецком автономном округе).

Особенностью национально-политических процессов на Европейском Севере России стал тот факт, что, несмотря на численное преобладание русского населения, оно не только не оказывает сильного политического давления на структурирование системы региональной исполнительной и законодательной власти, но и не поддается давлению со стороны некоторой части радикально настроенных лидеров национально-культурных организаций. Так, например, была отклонена идея лидера Карельского конгресса А. Григорьева, предложившего объединить территории трех «карельский» районов — Калевальского, Олонецкого, Пряжинского и Вепсской национальной волости в единую Карельскую область, в которой официальными языками стали бы карельский, финский и русский.

Следует отметить, что динамика современной политической жизни России за последние пять лет подтверждает - органы местного самоуправления постепенно становятся реальной политической силой в провинции, особенно там, где велика удаленность от федерального и региональных центров. Таким образом, можно предположить, что повсеместное решение организационных вопросов, связанных с формированием органов местного территориального самоуправления и различных форм его осуществления позволит сориентировать население на решение проблем местного характера, а также, в какой-то степени, снять социальную напряженность в обществе, устранить противоречия в региональной политике, сплести отношения между центром и регионами и, наконец, создать условия для выбора коренными малочисленными народами Крайнего Севера нового пути развития - между традицией и новацией.

² Рембот Н.К. Проблемы становления местного самоуправления Вепсской национальной волости // Государственное управление и местное самоуправление на Европейском Севере. Исторический опыт и современность. Тезисы докладов конференции. – Петрозаводск.: 1996. С.79-80

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Калашиник Егор Григорьевич

*г. Петрозаводск, аспирант кафедры культурологии
Петрозаводского государственного университета*

В последнее время в России ускоренными темпами происходят процессы все большей «федерализации» как общественной, так и культурной жизни общества. Семимильными шагами российское правительство идет к тому, что само же и называет «укрепление вертикали власти». С одной стороны, такое желание вполне понятно и обоснованно с точки зрения модернизации государственного управления. С другой стороны, все чаще в отдельных действиях властей в этом процессе проявляются тенденции, указывающие на стремление федерального центра подчинить себе все аспекты жизни и деятельности российского общества. Естественно, что при усилении чего-то одного, ослабевает что-то другое. В данном случае государство, активно проводя жесткую политику по укреплению власти федерального центра и снижению авторитета региональных лидеров субъектов федерации, еще и активно работает по пути насаждения «федеральной идеологии». Следует отметить, что никаких особенно идеологических посылов не видно и не слышно, в чем и заключается опасность. Вся, так называемая, «федеральная идеология» заключается всего лишь в безоговорочной поддержке действий федеральной власти. В такой ситуации уверенны в том, что традиционные национальные и региональные культуры не понесут никаких потерь, не вызывают доверия по нескольким причинам. Во-первых, единообразие и единоначалие — основные принципы, в соответствии с которыми действия федеральной власти могут достичь успеха. Конечно, никто и никогда не скажет о том, что государство откажется от поддержки региональных культур и от сохранения традиций тех или иных этнических групп. Другое дело, что идеология будет попросту вытеснять традиционные культурные, ценностные ориентиры и в конечном итоге узнавать о тех или иных культурных традициях мы сможем, лишь глядя на музейные экспонаты. Таким образом, поддержка национальных и региональных культур будет осуществляться, что называется «за стеклом», а не в реальной жизни. Естественно, что это не сможет не отразиться и на культурной идентификации каждой личности в современном российском обществе. Вполне вероятно, что скоро процесс культурной идентификации можно будет образно охарактеризовать фразой из известной песни: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз».

Наиболее ярким примером, подтверждающим, что процессы, о которых идет речь, не являются плодом большой фантазии автора, может служить инициатива создания семи федеральных округов, а также в перспективе перенос функций субъектов федерации на эти административно-территориальные деления. В данном случае не столь важно, как будет происходить процесс управления территориями, сколько обращает на себя внимание инициатива упразднения самих названий субъектов. Таким образом, вполне возможно, что Республика Карелия будет известна лишь как территория, входящая в состав Северо-Западного округа. Представим себе, что со страниц всех СМИ исчезло название Карелия и появилось Северо-Запад. В такой ситуации абсолютно точно, что это изменение затронет не только сферу государственного управления, но и, может даже в большей степени, культурное пространство. Изменение названия территории самым коренным образом отразится на факторах, влияющих на региональную идентичность и, как следствие, идентификации каждого индивида. В целом же коренным образом это отразится на самоидентификации всех жителей данной терри-

тории, а в особенности, на подрастающем поколении, идентификация которых и так уже довольно далека от традиционных ценностей.

Вряд ли государственные мужи не имеют представления о том, какое влияние их действия оказывают на культурное пространство, скорее они сознательно идут на это. Вся ситуация очень похожа на попытку некой «консервации» региональных культур, желании оставить лишь внешний образ и начисто удалить все ценностное наполнение, заменив его единой государственной идеологией. Объяснение всем этим действиям можно найти, просто сопоставив два понятия: «единообразие», применительно к государственной идеологии, и «многообразие», применительно к региональным культурам. Даже исходя из исключительно лингвистического содержания, становится ясно, что одновременно существовать в одном культурном пространстве эти два принципа не могут. Если, конечно, не брать в расчет идеалистический посыл о том, что государство не пытается влиять на все сферы жизни современного российского общества.

Конечно, довольно сложно представить, что на современном этапе развития российского общества возможен полный возврат к тоталитарному режиму, которым сейчас активно пугают общество оппоненты действующей власти. Вряд ли это произойдет. Опасность в другом: сама попытка активного насаждения ценностей государства, взамен культурных может свести на нет все попытки сохранить традиционные культурные формы и ценности и не только в качестве музейных экспонатов, но в виде мировоззренческих установок и жизненных ориентиров. Уже сейчас пропасть между поколениями выражается не только во внешней атрибутике и длинных волосах. С каждым годом все меньше и меньше количество представителей «нового поколения» россиян вообще имеет хоть какое-либо представление о культуре своего народа, этноса, региона, в котором он проживает.

Каков бы ни был пафос моего заявления, но похоже, что речь идет о фактическом разрушении основ культуры — в масштабах невозможных на «бездуховном» Западе, который при всем своем прагматизме (а во многом и благодаря ему) достаточно осторожен, чтобы усилиями государства и меценатов создавать «экологическую нишу» для «чудаков», занимающихся непопулярными в «обществе потребления» и потому неприбыльными исканиями в сфере духа.

Увы, российское государство и нарождающийся «новый класс» предпочитают пока занимать позицию своеобразного культурдарвиниста, считающего, что все «экономически нежизнеспособное» в духовной сфере должно быть обречено на «медленную и справедливую гибель». При всех реальных сложностях кризисной экономики и активных действиях, направленных на усиление собственной власти над регионами со стороны федеральных властей, такая позиция самобуйственна для страны и грозит ей многими бедами, включая действительную утрату культурной идентичности, с чем следует бороться, не жалея сил.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ПРИЧАСТИЕ»

Карпук Светлана Юрьевна

г. Лодейное Поле, учитель русского языка и литературы

«Самая большая роскошь на земле – роскошь человеческого общения» - эти слова Антуана де Сент-Экзюпери стали своеобразным девизом литературного клуба «Причастие», существующего уже несколько лет в средней школе №3 города Лодейное Поле Ленинградской области.

Клуб объединяет учащихся, учителей, родителей и многих тех, кто стремится к такому общению, которое обогащает духовно, дает силы, помогает разобраться в себе и людях, ответить на многие вопросы нашего времени.

Полюбившаяся всем форма встреч в клубе – это литературно-музыкальные вечера. Тематика их разнообразна: от путешествий в древнерусскую литературу и мир людей древней Греции до поэзии Серебряного века и литературы века XX.

Часто в клубе со своими программами выступает муниципальный ансамбль «Классика», поэты и писатели Лодейного Поля, а порой (обычно это бывает в конце учебного года) и учащиеся школы, чьи стихи и рассказы вошли в очередной выпуск «Литературного альманаха».

Каждый год тематика вечеров меняется. Так, в 1999-2001 году проходили встречи в клубе под названием «Охранители наши» (цикл был посвящен поэтам и писателям конца XIX – начала XX века), а в 2001-2002 году – «Люблю тебя, мой край родной» (встречи в клубе были посвящены творчеству тех, кто воспел землю лодейнопольскую и непосредственно приурочены к празднованию 300-летия Лодейного Поля).

Следующий год связан с 300-летием Санкт-Петербурга и обращен к литературному Петербургу.

Литературный клуб «Причастие» дал рождение и новому объединению – Гуманитарному Центру «Свеча». На базе этого центра проводятся районные семинары (например, «Христианские мотивы в русской литературе»), встречи учителей-словесников и интеллигенции района и города. Идея проведения региональной конференции «Приладожье и русский Север. История. Традиции. Современность» была с энтузиазмом подхвачена инициативной группой «Свечи» и клубом «Причастие».

Сохранение богатых культурных традиций России, воспитание любви к Родине и родной земле, развитие творческого потенциала подрастающего поколения, создание условий для духовного общения – вот, пожалуй, главные наши ориентиры. Приращение к святыням нашего народа через искусство, через культуру.

Лев Николаевич Толстой написал однажды в «Дневнике»: «Истинная жизнь начинается тогда, когда она становится связью между прошедшим и будущим, только тогда она получает настоящее и радостное значение».

Связь между прошедшим и будущим ... Да, в этом, наверное, и заключается истинная жизнь.

РУССКОЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Козолупенко Дарья Павловна

*г. Москва, кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философской антропологии философского факультета
МГУ им. Ломоносова*

Мифология и мифопоэтика предполагают совершенно особый тип мировосприятия. Наиважнейшее значение для этого типа мировосприятия имеют два аспекта, которые во многом и определяют его специфику: особенности взаимодействия или, точнее, со-бытия героев мифопоэтического мира и связанный с этими особенностями тип причинности, который встречается в мифологии и в мифопоэтике.

Изучение фольклора показывает, что различие в языке и в представлениях о причинности присуще не только разным стадиям в развитии общества, частично называемых соответственно «дикой» и «цивилизованной», как это можно было бы предположить, но и присутствует на одной стадии развития одного и того же общества, когда два типа представлений о причинности вполне мирно сосуществуют в одном культурно-историческом контексте. Причинность, восприятие пространства и времени, роль и восприятие героя в фольклоре (но только в фольклоре, а никоим образом не в авторской традиции) весьма сходны с теми, что можно обнаружить непосредственно в мифологии.

В частности, это довольно четко проявляется при сравнительном анализе русских мифа, сказки и былины – настолько четко, что позволяет говорить об общих, «мифопоэтических» чертах мировосприятия. К тому же, в рамках русской культуры сходство проявляется не только на структурном, но и на содержательном и этиологическом уровнях.

Именно поэтому в данном случае кажется оправданным говорить не о чисто «мифологическом», но именно о «мифопоэтическом» типе мировосприятия, существовавшем не только в рамках т.н. «мифологических обществ», но и проявляющемся так или иначе на всех стадиях развития общества и по ряду черт весьма близком к «поэтическому» мировосприятию, встречающемуся в народном творчестве.

И эта странная, загадочная и притягательная форма культуры имеет свои законы развития, построения и свой тип мировосприятия, настолько отличные от научно-логического типа мышления и миропредставления, что само определение специфики мифопоэтического требует нового нюансирования языка и вызывает к жизни ряд аксиоморнов.

Глядя на возникающие даже на уровне языка противоречия кажется, что, касаясь вопросов мифологии и мифопоэтики лучше говорить не об особом типе мышления или миропонимания или же представления о мире, а, скорее, о способе или форме **мировосприятия**, поскольку, по признанию большинства этнологов, «миф совершенно равнодушен к требованиям логики» и не подчиняется правилам рациональности, характерным для мышления вообще и для такого процесса как понимание в частности. Относительно фольклора замечания такого рода встречаются также довольно часто, хоть и не в столь категоричной форме. Тем не менее, тезис об а-логичности, например, сказки, достаточно распространён. Бессознательные, эмоциональные, даже точнее – эмоционально-волевые элементы слишком сильны в мифопоэтическом, чтобы можно было назвать это мышлением о мире или миропониманием в привычном смысле слова.

Пожалуй, именно понятие мировосприятия лучше прочих подходит к мифопозтике, ибо сочетает в себе все те черты, что наиболее для неё характерны: и слитность эмоционально-волевого и образного компонентов, и невиделенность героя из мира, и так называемое соединение «сакрального и профанного», «реального и чудесного» (разделение которых также происходит уже на более позднем уровне, когда возникает и «понимание», и анализ), и даже универсальность и изменчивость.

Хотим мы того или нет, но приходится признать, что мифопоэтическому миру свойственны другие типы закономерностей, настолько явно отличающиеся от закономерностей научного и философского плана, что иногда и вовсе кажется неясным: а считать ли их закономерностями? Или, быть может, для закономерностей такого типа, который можно условно назвать «гуманистическим» (так как основу этих закономерностей составляет взаимодействие субъектов), имеет смысл ввести новый термин? Тем более, что, хотя наиболее очевидно специфика этого типа закономерностей проявляется именно в мифопоэтике, различное, более или менее явное, их действие встречается в самых различных областях человеческой деятельности и на самых различных уровнях.

Мифопоэтическое представление о мире предполагает, что если некто или нечто появляется в этом мире, то мир не может отнестись к этому появлению безучастно и, следовательно, будет так или иначе заботиться о нём или, напротив, если оно, это нечто-ничто, миру вредит - отвергать его. В любом случае, ничто не может быть оставлено без внимания. Ибо в мифологическом мире всё не всё равно и главный закон его может быть назван **законом участного внимания**.

Можно сказать, что это несколько противоречит отсутствию мотивировок в мифологическом и мифопоэтическом повествовании. Однако, именно это (то есть осознание собственной «нужности» и ответственности и связанная с этим знанием постоянная обращённость к Другому, характерная для мира мифопоэтики) и является своего рода мотивировкой, только мотивировкой *иного порядка*, можно сказать, *скрытой мотивировкой*. В самом деле, как можно объяснить, что в сказках, к примеру, герои оказываются «в нужное время в нужном месте»? И в то же время - постоянные «вдруг» и «оказывается» сопровождают их по ходу всего повествования. В неразрешимой обычным образом ситуации возникают чудо-помощники: вырастают из-под земли, падают с неба, в конце концов, просто выходят из-за соседнего дерева. И потом так же бесследно исчезают.

Но так ли уж случайны все эти «случайности»? К тому же, встречающие, как правило, хорошо знают и о герое, и о его пути. Об этом говорит и обращение к герою, которого всегда как бы ждут и к которому, даже встречая его впервые и, на первый взгляд, случайно, всегда обращаются по имени, как к старому знакомому. «Нейтральных» встреч мифологический мир, кажется, не знает вовсе. Да и герой попадает неизменно туда, где он необходим, хоть, вроде бы, и выезжает «в никуда». Безо всяких видимых причин, он всегда оказывается в самом центре событий, заезжая дорогой не в спокойные и благополучные места, а в тяготящиеся неизбывной бедой, от которой никто до него не мог избавиться. Хотя, как и в случае со встречаемыми, никогда заранее об этих бедах не знает и не догадывается. Они как бы сами собой возникают на его пути.

В целом мифологическое делает акцент скорее на **неповторимости**, на **различии**, нежели на единстве. Если для нас очевидным кажется «единство многообразия» (где, кстати говоря, смысловой акцент для исследователя неизменно ставится именно на «единстве»), то для человека с мифопоэтическим мировосприятием непререкаемой истиной будет существование «единства различного», где

именно различие, неповторимость являются необходимым условием и предпосылкой единства. Именно неповторимое особенно важно для мифопоэтики и требует к себе особого внимания.

Боги, да и вообще все живые существа говорят каждый по-своему и с каждым по-своему. Видимо, именно поэтому одинаковое восприятие чего-либо (как у нас было бы в случае свидетельства нескольких очевидцев) выглядит для мифологического мира менее достоверным, чем восприятие особенное. И поэтому же опыт играет не самую большую роль в доказательстве и веровании: нет такого опыта, который не может быть в некоторый (любой) момент опровергнут, и нет такой ситуации, которая с точностью повторила бы предыдущую. Изменчивость и многообразие должны быть замечены не менее, а даже более, чем сходство, ибо именно они тают в себе неожиданность и требуют каждый раз новой реакции, а значит - и повышенного внимания, дабы не ошибиться в этой реакции. Для мифопоэтического мира вообще ценно особое, различающееся мировосприятие, и отличие и необходимость обуславливают друг друга, поскольку именно особость, отличие делает нечто незаменимым для мифопоэтического мира, и множество отличных сущностей и видений дополняют друг друга и имеют каждое свою непререкаемую ценность.

Перетекание одного в другое и возможность различного проявления сущности и различной символичности образа предполагают не перевоплощение, как в случае оборотничества, но, скорее, со-образность существа и ситуации, взаимное со-чувствование, а отсюда - и со-видение, характерное для мира русской мифопоэтики, ибо чувство и видение в нём неразрывно связаны друг с другом. Этот мир предполагает также изменение позиции таким образом, что подразумевается **связь между ситуацией, местом в ней участвующего (оказавшегося), его видением этой ситуации, его ощущением и его поведением**. Причём в мифопоэтическом представлении образ чего-либо, эмоция и поведение слиты воедино настолько, что не возникает и мысли о возможности их разделения. Образ вне эмоциональной окраски или образ, не требующий ответа-действия, для этого мира невозможен.

Собственно говоря, эти особенности мифопоэтического мира: нераздельность образа и его эмоционально-действенной окраски, незаменимость героев, оборачивание - легко выводимы из основного его правила, о котором шла речь вначале, **закона участного внимания**.

В самом деле, закон этот, на первый взгляд совершенно простой, предполагает принципиально другую картину мира, нежели та, что может основываться на абстрактных понятиях и общих законах, содержать принцип объективности и принцип противоречия как свои основные столпы. Заинтересованность и особенность каждого существующего исключают вопрос об обобщении и типичности. Напротив, **отличие и необходимость связаны** между собой таким образом, что одно обуславливает другое.

В сказках выбор попутчика происходит странным образом: встретившиеся как бы «узнают» друг друга; так, коня герой выбирает по ответному ржанию. Баба-Яга встречает путника словами: «Ну, вот и ты, Иван.» Ошибок не бывает, как не бывает и замены одного помощника другим. Если же говорить о мифологии, то божество и вовсе незаменимо, иначе какое же это божество? Соответственно, повышается и степень ответственности. Ибо, во-первых, нарушение одного приводит к искажению всего мира (а потому в мифопоэтическом мире нет неважных мелочей и все стремятся помочь исправить любое нарушение), а во-вторых, - нет возможности «переложить ответственность» на другого (ибо то, что делает один, доступно только ему одному - другой неизбежно, в силу его отличия, сделает иначе).

Поэтому «в эпосе нет одинаковых судеб и одинаковых героев. Былины про Чурилу Пленковича и Василия Игнатьевича вполне могут начинаться одинаково, но сами герои - разные. Разные по характеру, по типу и даже по социальному положению... И жену Ставра Годиновича никак не спутаешь с женой Ивана Годиновича... И никто из богатырей не умирает так, как Дунай, как Сухман, как Данило Ловчанин или Василий Буслаев. И никто из богатырей не спускается на дно Ильмень-озера к самому царю морскому - это суждено только Садко, как только Михайло Потыку суждено оказаться в подземном царстве и выйти из него»¹. Так же, как и в сказках Иван-царевич и Иванушка-Медвежье ушко - совсем иные герои, чем Иванушка-дурачок, и судьбы у них разные, и помощники. Да и Иван-царевич в разных сказках не один и тот же, в зависимости от того, один ли он сын, либо есть у него братья или сестры, и каковы они. В мифах сказания о разных божествах порою кажутся на первый взгляд похожими, но иное имя - иной образ, иное действие, иная ситуация - иной миф.

Отсюда - особое внимание к мелочам, к частностям и случайностям: ведь именно в них проявляется особенное, а следовательно необходимое для этой конкретной ситуации, а следовательно - самое важное.

Повторяемое, сходное, устоявшееся, принимается как бы само собой и не требует особого внимания. Оно не обращено ни к кому конкретно, то есть, с точки зрения мифопоэтического мира, немотивировано, а значит и не требует ответа и участия. Потому его замечают, но не задерживают на нём внимания надолго: устойчивое и текущее «само собой» такого повышенного внимания не требует.

Свойства живого существа в мифопоэтическом мире имеют не меньшее значение, чем физические законы для мира науки, и кажущаяся случайность дорожных встреч и событий объясняется именно этими особыми свойствами. Силы притяжения и отталкивания имеют здесь эмоционально-действенную окраску: герои всегда встречают нужных попутчиков и советчиков, равно как и своих противников и свои препятствия. Можно сказать, что качества встречающихся и встречающегося определённым образом соответствуют друг другу - герою могут попасться по дороге разные существа и задачи, здесь нет строгой предопределённости, хотя бы уже и потому, что сам герой многогранен и меняется от ситуации к ситуации, но никогда не случается ни бесполезных встреч, ни непреодолимых препятствий, равно как и препятствий слишком лёгких.

Потому же невозможны и факт, и наблюдение - ничего нейтрального, одинакового, ничейного для мифопоэтики, по крайней мере, для русской мифопоэтики, не существует. Невыделенность и взаимозависимость героя и ситуации здесь столь же несомненны, как и нераздельность и взаимозависимость эмоции, образа и действия.

Многоликость, изменчивость, оборачивание появляются как следствие такой причинной взаимосвязи события и героя и слитности эмоции-образа-поведения.

Причинность мифопоэтического выступает каждый раз как причинность некоторого со-бытия, то есть взаимо-действия, а взаимодействие оказывается связано с сущностью и отношениями друг к другу участников этого со-бытия или взаимо-действия. И каждое такое со-бытие определяет изменение каждого из его участников и его дальнейшую участь.

¹ Былины. М., 1990, с.15-16

СВЯТОЙ СРЕДИ ПИРАТОВ. ПРЕПОДОБНЫЙ АДРИАН ОНДРУСОВСКИЙ Коняев Николай Михайлович

г. Санкт-Петербург, писатель, секретарь Союза писателей России

1

В «Житиях» описана встреча Андрея Завалишина с преподобным Александром Свирским.

И для Завалишина, и для преподобного Александра Свирского эта встреча оказалась поворотной. После нее преподобный прерывает свой затвор...

Хотя он и взял с гостя слово не рассказывать о нем, но Андрей вскоре вновь появился у отшельника «со отроки своими, несый бремя хлебов, и два пуда ржи, также и ячменя, и глаголаше: прими сие отче мой святей, и подаждь ми благословение, и моли о мне Бога»¹.

Вскоре, следом за Андреем Завалишиным, потянулись к преподобному Александру и другие ученики. Среди первых насельников создаваемой обители был родной брат преподобного - Иоанн, и инок Афанасий - сподвижник святого по Валааму...

Поворотной стала эта встреча и для самого Андрея Завалишина. Он оставляет богатства, связи, родню, и удаляется в монастырь, чтобы явиться миру Адрианом Ондрусовским, чудотворцем, основателем Ондрусовской обители.

Составленное на Валааме «Сказание о Преподобном Отце нашем Адриане Чудотворце, основавшем около 1520-го года по Р.Х. на берегу Ладожского озера в 25-ти верстах от города Олонца монастырь, именуемый ныне Ондрусова пустыня»² подробно рассказывает о встречах преподобных.

«Сказание» приводит развернутые цитаты из жития Александра Свирского³, где описано и прозрение Андрея Завалишина...

«И разумех аз не еленю быти гониму мною, но Божия некая сила приводе мя твоему преподобству, до сподоблося святого твоего благословения и молитвы», и признание, что и прежде во время охоты видел он над этим местом столп огненный или Божественное сияние, «а иногда яко дым светел от земли к высоте восходящ», но никогда не мог добраться «дондеже благоволи Бог».

- Молно тебя, отче святей! - спрашивает в этом «Житии» Андрей Завалишин у отшельника. - Не утай от меня, Бога ради, како ты пришел в пустыню сию? И какое у тебя имя? И сколько лет здесь живешь? Паче же яви мне добродетельное житие твое, да приобрящу пользу души моей...

И прозрение Андрея Завалишина, и признание о видениях, бывших ему, принципиально важны.

В них - объяснение выхода Александра Свирского из затвора...

«Преподобный Александр вельми опечалися, яко не возможе утаитися от челоуек; клятвы же ради имени Божия не восхоте утаити тайны своя»⁴.

Диалог строится, как диалог учителя с учеником. Преподобный Александр Свирский раскрывает *тайну* отшельничества.

¹ Олонецкие Епархиальные ведомости, 1902, №22, стр.725

² Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф.1, он. 7

³ Олонецкие Епархиальные ведомости, 1902, №22, стр. 723-725

⁴ «Олонецкие епархиальные ведомости», 1902, № 22, стр. 724

В словах, на уровне современного мышления, воспроизводится лишь малая часть поведенного, но очевидно, что Андрею Завалишину было раскрыто и неведомое нам... Доказательство этому преображение, что происходит с Завалишиным...

Казалось бы, роль Андрея в Житии Александра Свирского исчерпывается ролью вестника. Он сообщает преподобному об огненном столпе, стоящем над кельей, и других небесных знаках, знаменующих, что наступила пора прервать уединение.

Кстати сказать, бегло упомянув о втором свидании преподобного Александра с Андреем Завалишиным, когда тот привозит в пустынь «бремя хлебов», автор «Жития преп. Александра Свирского» более и не упоминает о Завалишине... Чудо преобразования оставлено для другого жития - жития преподобного мученика Адриана Ондрусовского, в которого превращается Андрей Завалишин.

Приведенный чудесным «еленем» к келье преподобного отшельника *вестник*, после беседы с ним сам становится *вестью*, чудесным образом осуществляя в своей душе всё, чему научил его Александр Свирский.

Как сказано в валаамском «Сказании о преподобном отце нашем Адриане Чудотворце»: «он гоня Еленя, и сам как елень притекши к сладкому источнику, к досточудному пустынножителю Александру Свирскому, и дважды от него напившись воды душеполезных бесед его, положил в уме своем и никогда не разлучается с сею независтною и в живот вечный приводящею струею Господнею»⁵.

2

Встреча Андрея Завалишина и преподобного Александра Свирского произошла год рассчитывается по житию преподобного Александра Свирского - в 1491 году... Достаточно точно, по свидетельству Никоновой летописи → «Лето от Адама 7057, от Христа 1549» - известна и дата участия Адриана Ондрусовского в крестинах дочери царя Иоанна Грозного Анны.

От этой даты (Адриана убили, когда он возвращался с царских крестин) рассчитывается и кончина преподобномученика. К сожалению, все остальные события пятидесятисемилетнего подвижничества Адриана Ондрусовского датируются приблизительно.

Предполагается, что вскоре после встречи с Александром Свирским он уходит в монастырь. Где Андрей Завалишин принимает монашеский постриг, точно неизвестно.

Автор⁶ валаамского «Сказания» утверждает, что Завалишин вступает в монастырь к самому Александру Свирскому.

«Сего ради оставив по времени свое потомство, прилепися к лику собираемой тогда по Божию повелению преподобным Александром братии и наречен быв, при пострижении в монашество Адрианом, вкупе с ними подвизаяся в постнических трудах, утешая себя присно медоточными учении Богомудрого отца Александра и во всем ему, яко пастырю и учителю своему усердно подражая»⁷.

Жития преподобномученика Адриана, составленные Преосвященным Филаретом⁸ и архимандритом Никодимом⁹ утверждают, что монашеский постриг Андрей Завалишин принял на Валааме.

⁵ «Сказание о преподобном отце нашем Адриане...», стр.5-6

⁶ Автором «Сказания...» является игумен Валаамского монастыря Иннокентий. Ему обязана Ондрусовская пустынь восстановлением.

⁷ «Сказание...», стр.6

⁸ *Филарет*. Русские свв. 11, 33- 37 стр

⁹ Олонецкий патерик или сказание о жизни подвигах и чудесах Преподобных и Богоносных Отец наших. Просветителей и Чудотворцев Олонецких. «Олонецкие Епархиальные ведомости» № 14, 1910 г.

Косвенно в пользу валаамского пострига Завалишина свидетельствует и отсутствие упоминания Адриана среди учеников преподобного Александра Свирского в его Житии...

И все же противоречие это, как представляется нам, достаточно мнимое... И Александр Свирский, и инок Афанасий, и другие насельники пустыни на Рошинском озере были валаамскими монахами и, вероятно, ощущали себя частью Валаамского монастыря, во всяком случае до 1507 года, когда преподобный Александр Свирский сподобился лицезреть Пресвятую Троицу. Ведь только с этого Богоявления и начинается собственно история Александро-Свирского монастыря.

3

Семь лет провел в затворе Александр Свирский.

Если мы отмерим в житии Адриана Ондрусовского семь лет от преобразившей его встречи с преподобным Александром Свирским, то попадем в 1498 год.

Это год кончины преподобного Киприана Стороженского - святого, которого не было бы без Адриана Ондрусовского, как и самого Адриана не было бы без Александра Свирского...

Прежде, чем приступить к изложению этой, словно из приключенческого романа списанной истории, надо подробнее рассказать о географическом положении пустыньки, основанной Адрианом...

Находилась она на Ондрусовском полуострове, на восточном берегу Ладожского озера... И хотя не так и сильно удалена пустынька от населенных пунктов, но попасть сюда непросто. С суши путь преграждают тонкие болота.

Очевидно, этим и объясняется тот факт, что остров Сала, являющийся продолжением Ондрусовского полуострова, издавна был облюбован в качестве надежного укрытия озёрными разбойниками-пиратами. Кстати сказать, и само название мыс получил от имени обитавшего здесь разбойника Ондруса.

На южном берегу озера, на столь же трудно доступном со стороны суши Стороженском мысу, обитала другая пиратская шайка...

Места для разбойного промысла были подходящие.

Между островом Сала и Стороженским мысом собираются в единое русло три большие реки - Свирь, Оять и Паша.. В купеческих судах недостатка не ощущалось.

Как дальнейшее эхо древнего промысла, звучат здешние названия: Медвежья кара... Черная кара... Разбойная кара...

Вобщем, все было, должно быть, как в рассказе старца Иоаннушки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

*Господу Богу помолимся,
Древнюю бль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.*

*Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр - атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан...*

Не трудно догадаться о досаде пиратов, обнаруживших, что вблизи их укрывища обосновались монахи-отшельники. Явившись к Адриану, атаман потребовал, чтобы святой убирался прочь.

«Скорбно было преподобному расстаться с местом, благословенным ему на жительство святым его наставником. Он умолял гонителя оставить мирное убежище труженикам Божиим. Не имея ни серебра, ни злата, чтобы предложить выкуп разбойнику, Адриан обещал ему ходатайствовать о нем в молитвах своих

перед Господом, советуя ему притом покинуть пагубный промысел. Разбойник, не понимая пустычника, посмеялся словам его, но потом, Божиим произволением, слезы Адриана смягчили ожесточенное сердце грабителя и отшельники были им оставлены в покое»¹⁰.

Между тем, как и положено, между Сальской и Стороженской группировками начались разборки.

И вот наступил день, когда обе шайки встретились. Счастье изменило сальским пиратам.

Их предводитель попал в плен. Сквозанный лежал он в ладе врага.

И тут, в ожидании страшных мучений и смерти, и вспомнились ему обещания пустычника. Раскаянье возникло в суровой душе, и вот - о, чудо! - он увидел перед собою Адриана.

- Милосердием Господа, ради которого я просил у тебя пощады братству нашему, ты свободен! - сказал отшельник и оковы упали с разбойника - он очутился на берегу, но Адриана уже с ним не было!

Недоумевающий разбойник побрел в обитель преподобного и здесь нашел Адриана, который никуда не отлучался из монастыря, всю ночь проведя на обшей молитве...

Адриан же несколько не был удивлен.

Он разъяснил, что причина чуду не он, а сила Божия, вспомоществующая по молитвам работающих Ему.

Разбойник пал к ногам преподобного и попросил научить служению Господу. Он остался в монастыре, и здесь и закончил, в молитвах и покаянии, свою жизнь.

Столь же успешным было «перевоспитание» Адрианом и обитателя Стороженского мыса. Пробудилась совесть и у этого пирата... Все произошло, как в поэме Н.А. Некрасова:

*Сон отлетел; противели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать - не сочтешь!*

Раскаявшийся пират основал на месте разбойничьего вертепа иноческую обитель и постригся в монахи сам. Раскаяние его было столь велико, что Господь прославил раскаявшегося грешника после кончины многими чудесными знаменами, и он почитается, как преподобный Киприан Стороженский...

Год кончины преподобного Киприана устанавливается по дате выбитой на его надгробьи, которое сейчас, к сожалению, утрачено. Но сохранились свидетельства людей, видевших надпись: «На сем месте погребен Киприан, начальник и строитель обители сей, лето от сотворения мира 7006».¹¹

Семь лет прошло с того дня, когда явился на Ондрусовом мысу преподобный Андриан...

Разумеется, семь лет - ничтожно малый срок для свершения столь дивных преображений.

Не случайно игумен Иннокентий саму дату основания Ондрусовской пустыни передвигает на 1520 год, сообразуясь с хроникой жития Александра Свирского. (Около тридцати лет провел Александр Свирский в монашестве, прежде чем

¹⁰ «Олонекский патерик», «Олонешские еп. вед.», 1910, № 14, стр. 308-309

¹¹ А.П. Андреев, «Ладожское озеро», 1875

основан был Александро-Свирский монастырь, около трех десятков лет должно пройти между этими событиями и в жизни его ученика.)

Однако метод подобия, как мы видим, не всегда срабатывает.

Стремительность происходящих преобразений может быть объяснена тем величайшим духовным напряжением, которое устанавливается в Приладожье... Уже совсем близко одно из самых великих событий в истории Святой Руси - явление преподобному Александру Свирскому Пресвятой Троицы.

И как величественно, как значимо в предверии этого **Богоявления** преобразование бандитских притонов по обе стороны устья Свири - реки, вблизи которой и произойдет явление Пресвятой Троицы в святые обители Николая Чудотворца. Слева поднимется Андрусово-Николаевская обитель. Справа - Киприано-Стороженский Никольский монастырь.

4

Преподобный Андриан Ондрусовский был одним из образованнейших людей своего времени...

Существует предположение (его высказал в 1905 году историк А.Петров), что Андриан и был автором знаменитой «Валаамской беседы» - одного из популярнейших на протяжении двух веков сочинений...

«Месяца сентября в 11 день пронесение мощей преподобных отец наших Сергия и Германа, Валаамского монастыря начальников, из великого Нова-града в Корельской уезд, во обитель всемилостиваго Спаса, на остров Валам, на озере Неве. И написан бысть образ их, Сергия и Германа, по благословению иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа великаго Новаграда, новаго чудотворца. И исписав сие утверждение и исправление святым божиим книгам и утверждение православная христианския веры, на их память чести. Сице обличение на еретики и на неверныя вся, победа и одоление на царевы враги, и поправление на вся премудрости их. Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа Валаамского монастыря начальников, иноков, о Бозе на большее спасение. И достоит тому тако быти. Провидели святыми божественными книгами в новой благодати царей и великих князей простоту и иноческую погибель последняго времени будет. Послушаем сего, отцы и братия, со умилением и вниманием. Благослови Отче».

Преподобный Андриан был и умелым хозяйственником. Монастырь быстро богател при нем.

Как сообщает архимандрит Никодим, «Слух о богоугодной жизни отшельников Ондрусовой пустыни дошел до Царя и Великого Князя Василия III Иоанновича. Благочестивый Государь дал им грамотою милостивно из своей казны, повелевая выдать «преступая чрез два года на третий безволочитно» и вместе с этим воспрещал наместникам брать пошрины с монастырских ловцев и тоней».

Царь Иоанн Грозный подтвердил льготы данные монастырю родителем и пожаловал рыбные тони в Ладожском озере¹².

5

В правление Иоанна Грозного достигает своего апогея земная слава Адриана Ондрусовского. Но не в радость была она преподобному.

Адриан Ондрусовский **первый** ученик Александра Свирского, святого, являющего пример высочайшего смиренномудрия.

¹² Вяцниши, Гачу, Утицу, Чунбуру

Мы рассказывали, как однажды к Александру Свирскому, когда он был уже игуменом монастыря, слава о котором распространилась по всей Руси, пришел монастырский эконом и сказал, дескать, кончаются дрова, и надо бы послать в лес какого-нибудь праздного монаха, чтобы нарубить их.

- Я празден... - отвечал Александр.

Взял топор и отправился в лес.

Этому смиренномуудрию преподобный Александр сумел научить и своих учеников. Вот и Адриан Ондрусовский тоже обладал столь великим смиренномуудрием, что и совершая с Божией помощью чудеса, всегда удивлялся своему участию в них.

Поразительна история, сделавшая его крестным отцом дочери Ивана Грозного - Анастасии.

Предание говорит: чтобы упрочить долгоденствие и здравие ожидаемого младенца, бояре, руководствуясь древним суеверием, посоветовали Царю взять в воспитанники первого попавшегося путника...

Опять-таки, поскольку считалось, что встреча с монахом в таком случае приносит несчастье, отдан был приказ, чтобы ни один черноризец, под страхом смертной казни, не смел показываться на улицах, пока не будет совершено крещение царственного младенца.

В ночь на первое августа 1549 года у Иоанна Грозного родилась дочь. Ведено было привести с улицы первого встречного. Едва посланец вышел из царских палат, он с ужасом увидел пред собою престарелого инока!

Когда его ввели в царские покои, приближенные узнали в чернце Завлишина. Заподозрив, что все это подстроено, царь разгневался.

- О, злобесный собачий умысел! - вскричал он. - А ты окаанный, как же ты, позабыв про свой иноческий сан согласился участвовать в нем?! Однако святой Адриан не уstraшил.

- Великий Государь! - с безмятежным спокойствием отвечал он. - Повели справиться: еще вчера вечером я был за сто слишком поприщ от престольного твоего града и сам недоумеваю, как теперь очутился здесь.

Иван Грозный приказал послать гонцов, чтобы проверить сказанное, но слова преподобного полностью подтвердились. Царь узрел в этом событии Волю Божию и велел назначить святого Адриана воспитанником своей дочери.

Как свидетельствует Никонова летопись: «Лета от Адама 7057 от Христа 1549 года Августа в 1-й день, в субботу на неделю в ноши той в начале 4-го часа родился Царю и Великому князю Иоанну Васильевичу, всея России Самодержцу, дщи царевна Анна от Царицы и Великой княгини Анастасии от дщери Романа Юрьевича, а крестил ея Благоверный Царь в новом монастыре девича, в церкви Святых Праведных Богоотец Иоакима и Анны в новопоставленном храме во имя ея; приехал Царь и В.К. в субботу в монастырь и обложил храм Святых Праведных Богоотец Иоакима и Анны и ту слушав всенощную и заутреню, и во утрия день в неделю Августа в 18 день церковь свящал и дщерь свою царевну Анну, а крестил ея старец Адриан Ондрусовской пустыни, да старец Геннадий Сарайския пустыни Корнилев ученик, а действовал священническая Игумен Троицы Сергиева монастыря Серапион Курцов».

Крещение царской дочери - последнее из известных нам земных деяний преподобного Адриана Ондрусовского...

На обратном пути из Москвы, Господь судил блаженному старцу окончить земное поприще мученической смертью и стяжать венец страстотерпца. Случилось это так...

Крестьяне соседнего с пустынью села Обжи, узнав о милостивом приеме старца в Москве, «научаемые диаволом», решили завладеть царскими дарами. Распаленное воображение рисовало им немислимые богатства царского кума.

15 мая 1550 года Адриан попался в руки поджидавших его разбойников. Каково же было удивление, когда они обнаружили, что странническая сума составляет все богатство преподобного.

Думая, что он где-то спрятал царские дары, разбойники принялись избивать Адриана, и били в остервенении до тех пор, пока он не предал Богу душу.

Чтобы скрыть преступление, убийцы бросили тело преподобного в болото в тридцати верстах от обители...

Два года там ничего не знали о судьбе своего настоятеля, пока преподобномученик не явился во сне к монастырским старцам и не указал место, где находится его тело. Он повелел похоронить его в обители.

Угодник Божий назначил даже путеводителя к временной могиле своей. В видении святой Адриан сказал инокам, чтобы они, встретив близ селения Обжи крестьянина, пашущего на белой лошади, выпрягли бы ее и пустили на волю, а сами следовали за ней.

Братия так и поступила и белая лошадь привела их к его могиле. Скорбящие иноки в болоте, под грудой мха, обрели нетленное тело страстотерпца.

Еще в конце прошлого века вблизи Обжи можно было видеть деревянный крест, установленный на месте временной могилы Адриана Ондрусовского.

Отсюда со слезами и молитвами перенесла братия тело святого учителя в монастырь и погребла - подле северной стены церкви святителя Николая. Впоследствии над могилой преподобного была сооружена часовня, превращенная затем в Храм Введения Пресвятыя Богородицы, где и сейчас почивают под спудом святые мощи, «изливая многообразными чудотворениями, осеняющую их благодать Божию на всех, притекающих к ним с верою»¹³.

Интересно, что в год обретения мощей преподобного Адриана, обители был пожертвован новгородцем Василием Иониным Котельниковым одиннадцатипудовый колокол. Этому колоколу и суждено было известить округу о чуде обретения святых мощей преподобномученика...

«Все то, како убиен бысть святый, и како явился братия, повелевая принести тело свое в обитель, - сообщает валаамское «Сказание о преподобном отце нашем Адриане чудотворце», - можно видеть на древних иконах в обители его обретающих».¹⁴

¹³ *Ол. еп. вед.*, 1910, №14, стр.312.

¹⁴ Архив Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, ф.1,оп.7,с.14

ДИЗАЙН И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Коськов Михаил Алексеевич

г. Санкт - Петербург, доктор философских наук, профессор
кафедры культурологии Санкт-Петербургского
государственного университета

Понятие «Дизайн» всегда было многозначно и аморфно, а сегодня вовсе утратило осязаемые очертания. Что только не называют этим словом в нашей стране! В быту и средствах массовой информации, воспроизводящих и формирующих бытовое понимание слов, под дизайном, как правило, имеется в виду внешний облик вещей (в первую очередь — импортных), а также интерьеров и графической продукции; гораздо реже — сфера деятельности. При этом не делается различий между продуктами ручного труда и промышленного производства, между объектами преимущественно практическими и преимущественно художественными. Поэтому большинство искусствоведов называют современным словом «дизайн» прикладное искусство.

В профессиональной среде, т.е. в кругу людей, причисляющих себя к дизайну, дело обстоит еще сложнее. На практическом уровне дизайном занимаются и ювелиры, и модельеры, создающие уникальную обувь или одежду, и оформители витрин, эстрадных площадок, книг, магазинов, выставок, ярмарок, и создатели рекламы в различных ее проявлениях (вплоть до телевидения), и разработчики обрядов, шествий, праздников, избирательных кампаний, программ производства, сбыта, обслуживания, круизов, телевизионных игр, и создатели кованых решеток на окна и двери, и организаторы музеев, выставок, экспозиции, и, наконец, проектировщики бытовых вещей, средств транспорт, приборов, машин, тканей, графики и упаковки, рисунков для обоев, пленок, плиток и т.п.

Анализ этого множества, а также практики дизайна, позволяет сделать вывод, что данным термином в подавляющем большинстве случаев обозначается прежде всего проектирование элементов предметной среды. Однако на создание подобных объектов направлены все виды предметного творчества. Очевидно, в дизайне этот общий объект должен иметь определенную специфику. Попробуем определить ее через такие основные стороны объекта как его ведущая функция, способ изготовления и форма. Будем исходить из того, что **ведущей** в продуктах дизайна всегда является **практическая функция**, что они изготавливаются **промышленным способом** и что форма их должна быть **эстетически совершенной**.

Итак, **дизайн** может быть определен как **проектирование эстетически совершенной формы практически полезных объектов промышленного производства**.

Такое обобщенное определение локализует область дизайна в пространстве культуры, но не раскрывает его конкретных проявлений, которые, как мы убедились, весьма многообразны. Отсюда неоднократные попытки разобраться в видах дизайна, подвергнуть его классификации. При этом за основу принимались различные плоскости, которые зачастую смешивались. Так, по назначению объекта проектирования выделяют дизайн одежды, дизайн обуви, интерьера, транспорта, городской среды, машин, приборов и т.п.; по предмету проектирования выделяют виды дизайна, направленные на создание функций вещи, ее образной структуры, ее современной формы и т.д.; по проектному подходу выделяют дизайн единичных предметов и систем, отраслевой дизайн и «тотальный»; по характеру организации службы — независимый и штатный; по целям хозяев

производства — коммерческий и гуманитарный; по характеру потребления — массовый и элитарный; по стилистическим особенностям функциональный, ретро-спективный, авангардный, по странам, периодам и т.д. Сегодня, имея ясное представление о пространстве предметного мира, можно смело выделить еще виды дизайна по обобщенному объекту (дизайн плоскости, дизайн вещей, дизайн среды и дизайн процессов), а также — по способу проектного производства, условно говоря, промышленный дизайн (традиционный «ручной») и компьютерный дизайн (информационный).

Сказанное, во-первых, еще раз свидетельствует, что дизайн объединяет принципиально различные виды проектирования и во-вторых, приводит к выводу о необходимости для осуществления научной классификации этих видов выяснить основную, главную плоскость рассмотрения — признак, определяющий их сущность.

Для этого мы обращаемся к теории деятельности, которая позволяет сделать вывод, что **основным классификационным признаком деятельности должен служить ее предмет**, т.е. та сторона объекта, точнее, всех объектов, которая подлежит преобразованию. С данной позиции мы и рассмотрим различные концепции дизайна и его практику.

Виды дизайна

Основным обобщенным объектом дизайна являются, как уже установлено, элементы предметной среды, вещи. По-видимому, они всегда будут базисным звеном дизайна, поскольку его даже самые глобальные замыслы в конечном счете реализуются посредством вещей. Проектирование подобных объектов, как правило, осуществляется коллективом, в который входит и дизайнер.

Возникает вопрос, что является основным, непосредственным предметом деятельности дизайнера в коллективной разработке проекта?

По этому поводу существует две исходные точки зрения. Первая состоит в том, что дизайнер должен проектировать прежде всего содержание вещей — **новые функции**.

Данная точка зрения имеет полярные тенденции — утилитарно-техническую и художественную. В первом случае сущность дизайнерской деятельности приближается к изобретательству и, как правило, сводится к разработке остроумных конструкций и комбинаций старых функций: кресло-кровать, стенка-стеллаж, плавучая дача и т.п. Во втором случае она состоит в открытии новых «культурных смыслов» нового художественного содержания. Примером такой деятельности может служить «обработка» вещей в музейной экспозиции, где «угасает» их практическое значение и поэтому свободно моделируется образно-

коммуникативная функция. В целом подобная деятельность по созданию функций имеет весьма скромное практическое распространение.

Другая точка зрения состоит в том, что потребные действия, функции, новые представления о них складываются в обществе и выступают в качестве основы технического задания, а предметом дизайнерского проектирования является **форма** вещи, соответствующая уже заданным функциям, которые лишь развиваются, обогащаются в процессе проектирования. При этом имеется в виду различная форма. В зависимости от характера исходных функций существует спектр вещей, протянувшийся от полюса материальной полезности — практичности к полюсу общественно-духовной полезности — художественности. В данном спектре дизайну соответствует определенный участок, на котором можно выделить, по крайней мере, три типа вещей и, соответственно, три типа формы, три предмета и три метода дизайнерского проектирования.

К полюсу практичности тяготеют вещи, у которых все богатство функций носит в основном утилитарный характер. Здесь предметом деятельности является конструкция или **техническая форма**, а в качестве адекватного метода выступает инженерное проектирование, опирающееся на технические законы и рациональный расчет. К данной позиции тяготеет так называемый **инженерный дизайн**. Сущность дизайнерской деятельности в этом случае приближается к техническому творчеству. Для подобной деятельности характерно отсутствие художественных целей и стремление к красоте вещей как следствию их всестороннего практического совершенства. В ряде случаев таким следствием оказывается своеобразная эстетическая выразительность (изящество, величие и т.п.), достигаемая зачастую непроизвольно. Образцами подобного дизайна служат мосты, телевизионные башни, ангары, паровозы и т.п. Инженерный дизайн широко распространен и в сфере крупносерийного производства, особенно орудий труда: инструментов, станков, приборов. Нам знакомы подобные изделия, вызывающие эстетическое удовольствие современностью материалов и технологии, остроумием конструкции, совершенством и точностью обработки поверхностей, наконец, удобством и многофункциональностью. Ярким примером является здесь и военная техника с ее суровой красотой.

К противоположному полюсу на рассматриваемом участке спектрального ряда тяготеют вещи, в которых ведущую роль играет художественно-образная сторона. Основной предмет дизайнерского проектирования здесь — **выразительная форма**, а в качестве адекватного метода выступает стилизирующее формообразование, опирающееся на интуицию и чувство композиции. Сущность дизайнерской деятельности в данном случае приближается к декоративному творчеству. Продуктом стилизирующего дизайна — стайлинга — является масса вещей широкого потребления в экономически развитых странах, где он служит основным средством конкурентной борьбы. И у нас имеет место аналогичная деятельность. Достаточно вспомнить изготовление различных корпусов для единого но своей утилитарно-технической сущности телевизора или часового механизма, проектирование мебели, одежды, обуви и т.д.

Между охарактеризованными участками спектра находится зона создания вещей, где все богатство функций органично совмещает практическую и эмоционально-идеологическую направленность. Основным предметом проектирования является здесь **целостная форма**, вбирающая в себя свойства технической и художественной форм, а в качестве адекватного метода выступает метод целостного формирования вещей и их систем. В данном случае сущность дизайна состоит в художественном освоении практической основы вещи. Такому предмету, ориентированному на потребности человека, на гуманистические

идеалы обучают в государственных школах дизайна во всем мире. Дизайн, опирающийся на этот, пришедший из глубин народного творчества и классической архитектуры метод, называют «академическим». В СССР для его обозначения применялся термин «художественное конструирование».

Итак, перед нами три вида дизайна вещей, для каждого из которых характерен свой метод проектирования и свой тип дизайнера.

Однако вещи — не единственный обобщенный объект дизайна. Другим его объектом является плоскость, причем различного назначения: ограждающая, информирующая, декорирующая. И здесь предметом деятельности служит форма, соответствующая заданной идее, но на этот раз форма двухмерная — **композиционное решение** плоскости. Здесь также прослеживается спектр переходных видов проектирования от преимущественно практических, опирающихся на эстетические эффекты материалов (текстур, фактур, цвета, рельефа, их сочетаний) и технологий (плетения, прессования, механической обработки, покрытий и т.п.) до преимущественно декоративных. Если конкретными объектами технологического дизайна являются различные покрытия и облицовочные материалы (линолеум, пленки, плитки, слоистый пластик, кафель, фактурное стекло и т.п.), то объектами **декорирующего дизайна** — драпировки, тюль, ковры и т.п. Центральную позицию в этом спектре занимает **промышленная графика**, совмещающая практические функции информации и упаковки с эмоционально-идеологическими, художественными функциями.

Широко охватывается дизайном и такой обобщенный объект, как предметная среда, начиная от производственных помещений и территорий и кончая художественными интерьерами (при условии опоры на машинное изготовление составляющих его элементов) — рестораны, магазины, квартиры-музеи, концертные залы и т.п. Здесь также можно условно выделить три вида дизайна: проектирование **производственной среды, уникальных интерьеров и жилых ячеек**.

Наконец, существует еще один обобщенный объект дизайна — социальные действия людей. В качестве содержания здесь выступают задаваемые заказчиком социальные отношения, а в качестве формы — групповое **поведение людей**, которое и подлежит проектной организации. Указанное содержание также вписывается в спектральный ряд между отношениями преимущественно практическими и преимущественно художественными, определяя виды организационного дизайна.

Так называемый **нон-дизайн** характерен в первую очередь для лидеров американского дизайна — методистов, организаторов исследователей, мастеров коммерческой стратегии и тактики. Предметом такого проектирования является **поведение социальных групп**. Примером служит проектирование организации производства и сбыта, систем обучения, избирательных кампаний, программ развития целого штата, различных служб, решение экологических проблем и т.п. Сущность подобной деятельности — организационно-методическая. В этой сфере главную роль играет дизайнер-социолог и экономист, обладающий техническими знаниями и социальным воображением.

В нашей стране охарактеризованная деятельность находит место прежде всего при разработках так называемых комплексных программ, нацеленных на организацию проектирования, производства, потребления, сбыта, обслуживания и т.п.

К подобному пониманию предмета своей деятельности в определенном смысле близки представители **художественного проектирования** в Союзе художников. Однако в данном случае речь идет о проектировании ситуаций художественного восприятия, **эмоциональной активности социальных групп**. Примером такой деятельности служит разработка церемоний, обрядов, шествий,

выставок, музейных экспозиций, демонстрации мод и т.п. Эта деятельность по своей сути приближается к работе сценариста и режиссера.

Между полюсами практически и художественно ориентированных действий существует спектр переходных форм, в котором еще недавно на наших глазах приобретало вес проектирование, более или менее гармонично совмещающее эти полярные начала. Подобное проектирование называют системным или программным дизайном. Его обобщенным объектом также являются социальные действия людей, а основным предметом — эмоционально окрашенное поведение.

Итак, проделанный беглый обзор различных теоретических позиций и форм практической деятельности в плоскости основного предмета проектирования позволяет наметить схематическую структуру видов дизайна.

Мы видим, во-первых, что дизайн как проектирование выходит за пределы лишь мира вещей, и, во-вторых, что во всех случаях **основным предметом деятельности является форма**, будь то материальная организация вещей, композиция плоскости или пространства, поведение социальных групп.

Однако работе над формой осознанно или подсознательно всегда сопутствует (а чаще предшествует) работа над содержанием, главным образом — его осмысление. Предмет такой концептуальной деятельности — **совокупность требований** к будущему объекту, формулирование идей, функций и социальных отношений, подлежащих реализации в форме процессов, предметных пространств и вещей. При разработке сложных систем концептуальное проектирование выделяется в особый этап и проводится соответствующими специалистами, иногда целыми коллективами. Продукты **концептуального дизайна** (установки, концепции, требования, принципы) имеют непосредственный выход лишь в идеальные сферы (проектирование, оценивание) и только через них — в сферы производства и потребления.

Отметим, что выделение предметной плоскости классификации дизайна в качестве основной никак не отрицает правомерности иных плоскостей рассмотрения. Каждая из них свободно «накладывается» на охарактеризованную выше основу, ибо любой из названных видов дизайна может быть коммерческим и гуманитарным, «независимым» и «спленным», может обращаться к разным объектам и слоям населения, стилям и т.д.

Теперь, имея достаточно определенное и развернутое представление о дизайне, мы можем, наконец, обратиться к его перспективам на Северо-Западе.

Из сказанного ясно, что дизайн — это проектирование, неотрывное от промышленности, объекты которого локализуются в четырех пластах. Основной из них — пласт дизайна вещей — сегодня в условиях застоя развития отечественной промышленности практически отсутствует, хотя перспективы его развития, например в производстве мебели, для Северо-Запада безграничны (особенно учитывая наличие в Санкт-Петербурге мощнейшей базы дизайнерских кадров).

Разумеется, выход из этой ситуации обеспечивается прежде всего экономическими рычагами, но необходимым инструментом при этом является дизайн, причем на любом уровне: от модернизации единичных изделий до разработки комплексов новой продукции, от благоустройства рабочего места до организации производства, территории и стиля жизни предприятия. В наше время без активнейшего подключения дизайна немисливо равноправное вхождение в мировой рынок, требующее конкурентоспособности продукции, т.е. наряду с функциональными и экономическими достоинствами самобытности и высочайшего эстетического уровня.

Среди плоскостных объектов сегодня в стране процветает лишь графический дизайн, занятый разработкой рекламы и фирменной документации. На этом узком участке есть успехи и очевидны широкие перспективы.

Относительно благополучно обстоит дело с проектированием средних объектов и прежде всего уникальных: офисов, магазинов, квартир, особняков. Здесь, к сожалению, дизайнеры вынуждены следовать в русле зачастую сомнительных вкусов заказчика.

Нужно отметить также вторичность творчества архитекторов и дизайнеров в этой сфере, т.к. они опираются, во-первых, на принципы, приемы и формы известных стилей и, во-вторых, на элементы мебели и оборудования, поставляемые зарубежными фирмами. Отсюда характерный для постмодерна эклектизм.

Наконец, на уровне организационного дизайна Северо-Запад раскрывает широчайшие перспективы, особенно в сфере программного проектирования комплексных объектов различной специализации. Среди них прежде всего следует назвать индустрию отдыха — разработку концепций, программ, планировок, комплексов оборудования таких объектов, как детские лагеря, санатории, парковые зоны, аквапарки, аттракционные городки вплоть до дисней-лендов. К этой сфере примыкают спортивные базы, туристские маршруты, особенно водные, организация заповедников и музеев, вплоть до таких масштабных объектов, как город Тихвин, Соловецкие острова и т.п.

Понятно, что любые замыслы упираются в финансирование. Здесь стержнем стратегии выступает обоюдное взаимодействие названных, так сказать, «культурных» объектов с объектами коммерческими: магазинами, отелями, рынками, казино, ресторанами, барами.

Дизайнеры ждут заказов.

ПО РАЗМЕРУ ЛИ РОССИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ КАФТАН?

Кузнецов Валерий Григорьевич

г. Москва, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Поменьше так называемых прав, поменьше мнимого блага! Вот в чем дело! Тем более, что права-то, в сущности, дают очень мало субъективного блага, т.е. того, что в самом деле приятно. Это один мираж! Надо знать, как сочетаются их и наши начала.

Константин Николаевич Леонтьев

Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье ...

Владимир Владимирович Маяковский

Сейчас уже заметно поутихли разговоры о том, по какому пути должна развиваться российская государственность, как должны происходить реформы в переходный период от СССР до некоего образования, черты которого даже приблизительно не представляют себя наши доблестные реформаторы. Кроме отрицания некоторых характеристик, которыми *не должно* обладать будущее российское государство,¹ ничего вразумительного заявлено не было. Заранее пред-

¹ Такое государство не должно быть империей, не должно иметь однопартийную систему с одной правящей партией, не должно иметь всеобщей государственной собственности,

вижу возражение, содержательно подкрепляющее основную концепцию реформаторов: «Наше общество *должно* развиваться в направлении правового либерально-демократического государства». Но здесь как раз и возникает главный вопрос, является ли это направление развития единственно возможным.

Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно обратить внимание на одно обстоятельство, которое обычно не учитывается. В естественных языках практически всех народов мира есть слова, к которым люди привыкли и которые воспринимаются ими без каких-либо трудностей. К таким словам относятся, например, «государство», «право», «народ», «общество», «гражданин» и пр. При переводе с одного языка на другой обычно не возникает затруднений при подборе соответствующих эквивалентов этим словам. Но не следует забывать, что язык является средством выражения мысли и что за каждым из указанных слов стоит понятийное содержание, жестко зависящее от конкретного контекста использования данного слова. А точнее говоря, слов без смысловой нагрузки просто не бывает. Если мы обратим внимание на этот простой факт, то невольно возникнет вопрос, а действительно ли каждое из приведенных выше слов имеет одно единственное значение, которое можно было бы выучить, прописать во всех учебниках, с детского возраста зафиксировать в человеческом сознании, и устранить даже намеки на путаницу в этом вопросе.

Либерально-демократическая модель понимания государства и права выработана в ходе становления государственности Западной Европы и США и с незначительными вариациями является в настоящее время господствующей в современных теориях государства и права. Эти теории опираются на определенные основания, специфика которых зависит от исторических, национальных и социокультурных условий, в которых происходило становление и развитие западноевропейской государственности.

Начиная приблизительно с середины Средневековья (XI-XII века), в Западной Европе возникает единое цивилизационное пространство, основанное на единой религии и романо-германской культуре, которая представляла собой специфическое сочетание феодальных отношений с городами. Приблизительно в это же время начинает формироваться одинаковая правовая традиция, основанная на университетском образовании, рецепции римского права, двойственной природе права, становление которого происходит под влиянием христианства и королевских властей.

Право постепенно становится основной формой социального регулирования (мораль, религия и обычаи медленно, но неуклонно отодвигаются на периферийный план), оно призвано обеспечить условия жизнедеятельности общества. Поэтому право понимается как способ предоставления свободы и одновременно ограничения внешней свободы таких действий граждан, которые приводили бы к нарушению общественного порядка. Обязанности правового регулирования жизни общества возлагаются на государство, которое понимается как учреждаемая по договору суверенная власть для проведения внутренней и внешней политики данного общества. Соотношение ветвей власти в государстве зависит от формы правления. Государство не может существовать без права, оно на самом деле является осуществленным правовым порядком. Но, получив однажды в свои руки власть, государство может ею злоупотреблять, поэтому, согласно либерально-демократической теории, необходимо иметь средства для «укрощения» государства, если деятельность последнего направляется против его граждан. Таким средством является право, в котором под контроль закона ставятся *все* граждане.

не должно иметь жесткой плановой экономики, препятствующей свободной конкуренции и пр.

Кроме того, для сдерживания властных амбиций проводится политика минимизации государственных функций за счет передачи их под контроль гражданского общества. Под гражданским обществом понимается совокупность граждан, права и свободы которых обеспечиваются действующим законодательством. Государство, в котором реально достижимы такие идеалы, называется правовым.

В начале XX века в патриотически настроенной среде русской эмиграции возникает новая концепция государства и права, основатели которой стремятся теоретически обосновать специфику государственного устройства России, исходя из геополитических и исторических особенностей возникновения и развития России-Евразии, т.е. особого географического региона, населенного многочисленными народами, каждый из которых имеет свою уникальную культуру и общую историческую судьбу.

Основные отличительные признаки западноевропейской и евразийской концепций государства и права могут быть сведены в следующую таблицу.

<i>Западноевропейская концепция государства и права</i>	<i>Евразийская концепция государства и права</i>
Государство предназначено для создания условий жизни общества, путем предоставления гражданам охраняемых законом прав. На этом функции государства заканчиваются. Всевластие государства следует ограничивать путем передачи других функций гражданскому обществу.	Государство предназначено для создания условий жизни общества, путем предоставления гражданам охраняемых законом прав. Государство берет на себя все функции управления обществом во всех сферах его жизнедеятельности от экономики до организации культуры.
Государство – надстройка над обществом, субъект права и организатор правового порядка.	Государство – живая целостность, принцип самосохранения и развития общества.
Государство возникает на определенной ступени развития общества.	Государство существует всегда, отличаются друг от друга лишь формы его существования.

Существует много других отличий этих двух концепций, анализ которых не может быть осуществлен из-за недостатка места для публикации. Но уже указанных в таблице отличий достаточно для того, чтобы задать вопрос: «Какие основания были у реформаторов российской государственности для утверждения, что Россия должна ориентироваться на развитие цивилизованные страны Западной Европы и США?» Существует один ответ на этот вопрос: «Основным основанием является убеждение в том, что культура романо-германского мира в ходе своего развития выработала абсолютные и универсальные ценности, которые свидетельствуют о высшем этапе развития этой культуры». Евразийская концепция исходит из принципа равноценности и несоизмеримости всех культур народов мира, поэтому не существует высших и низших культур и народов. Понятие культуры в этой концепции относится к духовным явлениям, которые у каждого народа весьма своеобразны и уникальны. Приобщение духа какого-либо конкретного народа к общечеловеческой культуре ведет к его духовному одичанию. Один из основателей евразийства Н. Трубецкой в книге «Европа и человечество» писал, что общечеловеческая культура ломает «... своеобразные духовные устои жизни и культуры каждого отдельного народа, она не заменяет и не может заменить их никакими другими духовными устоями и насаждает только внешние формы быта, покоящиеся лишь на материально-утилитарных

или рационалистических основаниях». В Западной Европе государство, функционально ограниченное гражданским обществом, не вмешивается в организацию и создание культуры. Теоретически гражданское общество берет на себя духовно-культурные функции, а практически последние отданы на откуп частному капиталу и подчиненным ему средствам массовой информации. Следствием этого является утрата западными народами чувства реальности государства. На место живого союза народа и государства была поставлена абстрактная человеческая личность (некая юридически исходная атомарная частица).

Основной тезис евразийцев состоит в утверждении, что культура требует государственной организации. И это является главной нравственной миссией государства. Но поскольку развитие духовных начал является следствием развития всех сфер хозяйственной деятельности, постольку государство обязано взять на себя организацию экономики и постоянное управление ею (принцип этатизма, подчиненной экономики). Создание такой культуры требует огромного напряжения сил народа. Именно этатизм соответствует историческим особенностям России-Евразии. Максимальное участие государства в экономической жизни подрывает идею обслуживания интересов господствующего класса и частного капитала, выдвигает на передний план служение общему делу, грандиозность замыслов и силу организации (Савицкий П. Евразийство как исторический замысел). Так как евразийцами личность понимается не как наделенный правами абстрактный представитель государства (именно отсюда вытекает возможность злоупотребления правами), а как живая часть «симфонического» целого, то ее призванием является служение общему делу, и «правообязанность» (органическая связь прав с обязанностями) распространяется на личность и на государство (государство наделяется не только правами, но и обязанностями по отношению к обществу). Личность обретает определенные права (в том числе право частной собственности) лишь в том случае, когда обязанности перед обществом ею выполнены.

В евразийской теории мы наблюдаем гибкое сочетание прав и обязанностей, оправдавшее себя в истории России. В современных законодательствах мы видим реальное движение в сторону тех требований, которые выдвигали евразийцы (антимонопольные законы, защита прав потребителей, регулирование отношений собственности в зависимости от объекта собственности и пр.). Но эти меры являются, скорее всего, требованиями момента времени, спорадическими всплесками на запросы практики, а не проведением в жизнь целостной теории.

Современные реформы мало связаны с построением органической культуры, которая позволяла бы сохранять и развивать уникальные культуры огромного многообразия народов России.

НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Кузнецов Михаил Васильевич

*г. Москва, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Всероссийского института аграрных проблем и информатики*

В социальных науках под «устойчивым развитием» традиционно понимают сбалансированное, самоподдерживаемое, самодостаточное развитие, улучшающее качество человеческой жизни и в тоже время находящееся в пределах несущей способности жизнеподдерживающих экосистем. Устойчивое развитие подразумевает, что запас основных ресурсов общества остается неизменным или

растет во времени. Эти ресурсы включают человеческий капитал (умения, знания и навыки людей); произведенный или воспроизводимый капитал (машины, механизмы, сооружения, здания, пути сообщения и т.д.), и экологический, или природный капитал (леса, воздух, вода, почвы, экосистемы и т.д.)

Очевидно, что территориальное сообщество устойчиво развивается, если достигается соответствующий уровень жизнеобеспечения населения. Действительно, стратегические цели жизнеобеспечения – это рост благосостояния, увеличение доходов, сокращение социально уязвимых групп населения, улучшение продовольственной безопасности, повышение эффективности использования природных ресурсов. Достижение этих целей непосредственно влияет на качество жизни, определяющее устойчивое развитие. Ключевая проблема, которая решается в процессе деятельности по жизнеобеспечению, – это снижение бедности. Таким образом, необходимым атрибутом устойчивого развития является деятельность, направленная на снижение бедности.

На уровень бедности существенным образом влияет занятость, поскольку трудовые доходы непосредственно формируют более высокие душевые доходы семей работников. Уровень доходов работника и членов его семьи определяется типом занятости, хозяйственной формой предприятия, на котором работник трудится; возможностью подработок (дополнительная занятость).

Основываясь на опыте работы по программам территориального развития, реализуемых в ряде регионов России, можно предложить следующие *направления поддержки занятости и борьбы с бедностью в рамках концепции устойчивого развития сельской местности*:

мероприятия, направленные на поддержку трудовой и предпринимательской инициативы граждан, осуществляемой в рамках законности; содействие развитию способностей к производительному и творческому труду; содействие в реализации основных направлений государственной политики в области поддержки занятости сельского населения;

мероприятия, направленные на обеспечение социальной защиты в области занятости населения и способствующие обеспечению занятости граждан, особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности в поиске работы (инвалиды; граждане, имеющие на содержании лиц, которым по заключению уполномоченного на то органа необходимы постоянный уход, помощь или надзор; лица, освобожденные из мест лишения свободы; молодежь в возрасте до 18 лет, впервые ищущая работу; лица предпенсионного возраста (за два года до наступления возраста, дающего право выхода на пенсию по старости); беженцы и вынужденные переселенцы; граждане, уволенные с военной службы, и члены их семей; одинокие и многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, детей - инвалидов; семьи, в которых оба родителя признаны безработными; граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф);

мероприятия, направленные на предупреждение массовой и сокращение длительной (более одного года) безработицы;

координация деятельности в области занятости населения с деятельностью по другим направлениям экономической и социальной политики в рамках реализации «Концепции устойчивого развития сельской местности» с учетом национальных, культурных традиций, а также исторически сложившихся видов занятости;

участие в разработке и содействие принятию федеральных законодательных актов и региональных нормативных правовых актов, направленных на реализацию государственной и муниципальной политики в сфере занятости населения;

формирование и содействие в реализации принципов социальной защиты работников неплатежеспособных (несостоятельных) коммерческих и некоммерческих организаций и предприятий, осуществляющих структурные изменения производства;

мероприятия, направленные на контроль за соблюдением прав и интересов граждан в сфере законодательства о занятости населения;

разработка мероприятий, направленных на стабилизацию положения на рынке труда для отдельных местностей, где особо остро стоят вопросы безработицы, в том числе мероприятий по предупреждению массовых увольнений работников, сохранению существующих рабочих мест и созданию новых рабочих мест, организации временных и общественных работ, упрощенной регистрации (перерегистрации) безработных граждан, изменению порядка и условий назначения и выплаты пособия по безработице, стипендий и др.;

разработка мероприятий, способствующих реализации прав граждан на консультации, профессиональную ориентацию, профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и получение информации в органах службы занятости;

участие в разработке и реализации целевых государственных и муниципальных программ содействия занятости, создания дополнительных рабочих мест и специализированных организаций (включая организации для труда инвалидов), установления квоты для приема на работу инвалидов, предоставления услуг по профессиональной ориентации, а также путем организации обучения по специальным программам и другими мерами.

Опыт работы по программе сельского развития в Лодейнопольском районе Ленинградской области позволил выделить следующие основные направления деятельности, направленные на устойчивое жизнеобеспечение села:

1. Организационное обеспечение развития частного предпринимательства в сельской местности путем

выявления и обоснования эффективных и высокодоходных видов хозяйственной деятельности в сельской местности;

содействия сельским предпринимателям в подготовке правовых документов, технико-экономических обоснований, бизнес-планов и других документов по организации сельскохозяйственного производства, кооперированию хозяйственных форм, их рыночной интеграции;

содействия сельским предпринимателям в получении лицензий, патентов, регистрационных документов для ведения своего бизнеса.

2. Формирование устойчивых механизмов финансового обеспечения сельских предпринимателей путем

предоставления займов (микрокредитов) из Фонда поддержки сельского развития региона (района) и иных кредитных организаций;

поддержки предпринимателей за счет средств бюджета муниципального образования;

кредитования сельских предпринимателей коммерческими организациями (в основном через товарный кредит);

мобилизации собственных финансовых средств населения путем создания сельских кредитных кооперативов;

выделения местной администрацией денежных средств Фондам поддержки сельского развития (при участии центров социального обслуживания населения) для предоставления безвозмездных ссуд или низкопроцентных займов малообеспеченным гражданам, а также семьям с несовершеннолетними детьми для организации собственного дела;

3. Внедрение механизмов разрешения конфликтов в хозяйственной сфере. Укрепление правового положения сельских предпринимателей путем организации Третейских судов для разрешения хозяйственных и имущественных споров.

4. Улучшение доступа сельских предпринимателей к рынкам материально-технических ресурсов, услуг, сырья, в том числе совершенствование взаимоотношений и развитие интеграционных связей малых предприятий и индивидуальных частных предпринимателей с коммерческими организациями, транспортными, перерабатывающими, сервисными и торговыми предприятиями, организациями потребительской кооперации, создание потребительских кооперативов; формирование частных, муниципальных и смешанных предприятий (организаций) по представлению услуг для сельских жителей.

5. Информационно-консультационное обслуживание и повышение квалификации сельских предпринимателей, включающее:

организацию информационно-консультационного центра(службы);

проведение обучающих семинаров, тренингов и других учебных мероприятий;

создание демонстрационных (опытно-показательных) мастерских, цехов, малых предприятий и др.

6. Проведение мероприятий, способствующих развитию лизинговых и иных имущественных отношений, содействующих передаче имущества и обременения гражданам для предпринимательских целей.

7. Разработка и реализация мероприятий, позволяющих сохранить и увеличить рабочие места для инвалидов (организация подсобных цехов, мастерских, предприятий при общественных организациях или центрах социального обслуживания, реабилитационных центрах и др.; проведение выставок-ярмарок продукции, произведенной на предприятиях инвалидов и т.д.).

8. Создание надомных производств на базе уже действующих предприятий, мастерских или создание новых центров ремесел, которые организуют производство изделий народных промыслов (плетеная мебель, корзинки, бочки, резба по дереву, игрушки, половички и многое другое) в сельских семьях.

9. Развитие профессионального образования молодежи, в первую очередь с целью подготовки местных квалифицированных кадров. Организация при общеобразовательных школах классов с профессиональной подготовкой, поддержка действующих профессионально-технических училищ, детских школ ремесел и т.д. Привлечение в учреждения, занимающиеся профессиональной подготовкой, в первую очередь детей из проблемных семей, предоставление льгот таким детям (питание, одежда, учебные принадлежности и т.д.).

10. Работы, направленные на поддержку трудоустройства и обеспечения жильем вынужденных переселенцев. Оказание помощи вынужденным переселенцам в обустройстве их новых жилищ, например, путем создания при содействии миграционных служб малых предприятий в строительстве (деревообрабатывающие, столярные мастерские и т.д.). Часть продукции таких предприятий предоставляется вынужденным переселенцам по льготным ценам.

11. Проведение мероприятий, способствующих развитию некоммерческих организаций (НКО), оказывающих консультационные и информационные услуги, - региональным агентствам поддержки предпринимательства, бизнес пар-

кам, консалтинговым компаниям, фондам поддержки развития малого предпринимательства; бизнес центрам, ресурсные центрам, бизнес школам, бизнес клубам, инкубаторам для развития предпринимательства и др.

12. Содействие при участии местной администрации и заинтересованных предпринимателей развитию НКО, занимающихся созданием корпоративных сетей по информационному обеспечению местных предпринимателей, включая:

создание корпоративных сетей информационного обмена коммерческой информацией между субъектами предпринимательства;

создание механизмов продвижения информации о программах поддержки малого и среднего бизнеса а, инвестиционных проектах;

формирование банков и баз данных по маркетингу и результатам маркетинговых исследований;

содействие интеграции местного бизнеса в региональное и федеральное информационное пространство;

реклама и продвижение информации об оказываемых участниками сети услугах.

13. Максимальное вовлечение местного населения и всех заинтересованных сторон в решение вопросов социально-экономического развития и получения доходов путем регулируемой хозяйственной деятельности; организация общественных советов, проведение собраний, сходов, круглых столов, тематических встреч с представителями администрации для обсуждения вопросов, касающихся социально-экономического развития территории и обеспечения занятости местного населения.

14. Содействие реализации законодательных инициатив, направленных на развитие местного хозяйства и предпринимательства, поддержку граждан, испытывающих проблемы с трудоустройством. Создание координационных советов, включающих представителей местной исполнительной власти (районная и сельская администрация), некоммерческих и общественных организаций, предпринимателей, для разработки и продвижения законодательных инициатив в сфере поддержки занятости и местного предпринимательства.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ПАРАДИГМА НАРОДНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ)

Кузнецова Татьяна Викторовна

*г. Москва, доктор философских наук, и.о. профессора кафедры
эстетики философского факультета МГУ им.Ломоносова*

Народность - понятие философии культуры, эстетики, художественной критики, выражающее одну из главных доминант русской мысли XIX века. Проблематика народности восходит к работам Дж.Вико и И.Г.Гердера, рассматривавших коллективное творчество народов как исходную форму культуры и первооснову всех позднейших её форм, ориентированных на принципы индивидуальности и личного авторства.

Оформление идеи народности в русской мысли осуществляется в тесной связи с распространением под влиянием мысли идейно-эстетических импульсов романтизма. Важную роль в этом процессе играло выработанное мнение под влиянием немецкого философа Гегеля.

Народность трактуется преимущественно как выражение «духа народа». Однако практически с самого начала эта трактовка была тесно связана и со специфически российскими проблемами.

С начала 90-х годов Россия вступает в новую эпоху своей истории. В стране происходит полоса резких и быстрых социальных, экономических и политических сдвигов, совершенно изменивших весь контекст, в котором стояла до того проблема народности искусства, начиная от организационно-финансовых и кончая идеологическими её аспектами. Серьёзно изменился общественный климат: идеологические ограничения советского времени были сняты, однако культуроцентричные ориентации постсоветской эпохи чрезвычайно быстро трансформировались в культ экономики и «экономического» человека. Узко понятый экономический рационализм стал вытеснять далеко на периферию внимания всё то, что не укладывается в рамки стандартизованного индустриального потребления.

Впервые за все время своего существования российское общество оказалось без идеи служения (царю и Отечеству, прогрессу, революции и т.п.), задающей ему некий обобщённый и вместе с тем относительно единый смысловой вектор. Показательно, что когда беспокоенный разложением социальных ценностей Президент РФ высказался в пользу формирования новой национальной идеи, это, в сущности говоря, ни к чему не привело. В такого рода ситуации оказалось невозможным сформулировать сколько-нибудь ясный критерий народности применительно к творческой деятельности профессиональной интеллигенции, потому что такие критерии всегда были не идеологическими. Какой могла бы быть народность современной литературы, изобразительного искусства, кинематографа - совершенно не ясно. Остаётся история, историческая память, исторические формы народности (например, народность Пушкина или передвижников). Остаётся также традиция народной культуры и осуществляемое в рамках этой традиции живое творчество. Благодаря прямой многовековой преемственности эта народность обладает достоинством бесспорности и может быть выражена исключительно на языке культуры без каких-либо идеологических опосредований.

Другое дело - нужна ли она в условиях всеобщей глобализации и найдётся ли ей место в обществе, создаваемом под «экономического человека» с его специфическим («экономическим») рационализмом и столь же специфическим эгоизмом?

Интересно с этой точки зрения мнение зарубежных экспертов. Если первый этап становления «информационного общества» и глобальной экономики (70-е - 80-е г.г. XX века) характеризовало убеждение в постепенном «снятии» национальных границ, вера в «мультикультурное общество и грядущую универсальную «глобальную культуру», то начиная с середины 90-х годов начинают всё громче звучать иные ноты и мотивы. Нации и народности не исчезают и не сливаются. Национальное самосознание народов не исчезает, а лишь приобретает новые формы, тогда как перспективы «глобальной культуры оказываются очень неясными в силу её недостаточной содержательности».

Разумеется, форсированная перестройка общественной жизни в России по модулю сугубо экономической полезности серьёзно ударила по устоям народного бытия по всей сфере народного творчества и механизмам воспроизводства его социологической среды. Многие проекты в области народной культуры, в частности, крупные и широкомасштабные, в одиночку лишились государственной поддержки. Идея народности, на которую не мог не упасть определённый отблеск советского официоза, автоматически попадает в жернова мощной идеологической ломки, очередной попытки разрушить и начать «всё заново», которыми отличается российская история последнего столетия. Идеология приобщения к «нормальным», «цивилизованным» странам в такой её интерпретации

² См., например, *M.Carnoy, M.Castells et al. The New Global Economy in the information Age, 1993, Epilogaе.*

предполагала принципиальный отказ от своеобычности, и поэтому отнюдь не стимулировала обращения к национально-народным традициям. Значительный перевес получила поп-культура Запада, взятая к тому же в самых примитивных своих вариантах.

О том, что это было не «перегибом», а сознательной линией, говорят многие публикации тех лет, объясняющие, зачем и почему России нужен коренной перелом в культурной политике. Например, возглавивший в начале 90-х годов информационное управление администрации Президента А.И.Ракитов прямо писал о том, что условием восприятия нашей страной рыночных моделей информационно-технической цивилизации «развитых стран» является взлом ядра русской культуры³.

В дополнение к общественным катаклизмам начала 90-х годов следует сказать ещё об одном, не связанном с «громкими» общественными событиями, но наложившемся на них фактом, ставшим определённым естественным рубежом в культурно-историческом развитии и также существенно повлиявшим на контекст бытования народной культуры. Речь идёт о том, что к этому времени практически полностью уходят из жизни носители народно-фольклорных традиций, усвоившие их ещё в старой дореволюционной деревне, ю которой не коснулись веяния стремительной урбанизации, идеологического насилия и ломки векового хозяйственного уклада.

И дело не только в том, что отныне огромный пласт традиционного народного искусства оставался жить лишь в *репродуктивной*, а не в непосредственной форме (запись, воспроизведение на основании изучения и т.д.), а в том, что исчез определённый канал влияния культурной истории, уходила особая форма эстетического общения поколений, растворялась невидимая аура, всегда окружавшая очаги живой исторической памяти.

В период ломки сложившихся стереотипов, негативных тенденций отрицания всего и вся, ослабления вертикальных связей, пишет современный исследователь-практик, было поставлено под сомнение само существование институциональной системы народного искусства, и прежде всего, научно-методических центров народного творчества и культурно-просветительской работы.

С начала следующего десятилетия в сфере теории и философско-эстетическом осмысления народности наступает известный спад. Значительных теоретических работ по проблематике народности не появляется. Зато научно-методические центры народного, а также некоторые учебные заведения (преимущественно, соответствующие кафедры институтов культуры), чрезвычайно широко развернули выпуск малотиражных, но тематически исключительно разнообразных изданий репертуарного, методического и информационно-рекламного плана. Уделяя значительное внимание сохранению чистоты традиции в сугубо фольклорных жанрах, научно-методические центры в своих изданиях часто ориентированы на эксперимент и импровизацию в сфере собственно самодельности, организации народных празднеств и в так называемых комплексно-досуговых программах, где в настоящее время идёт интенсивное взаимопроникновение нескольких разнопорядковых «эстетических рядов». Это ре-

³ См.: А.И.Ракитов. Цивилизация, культура, технология и рынок. – Вопросы философии, 1992, № 5. Справедливости ради надо отметить, что впоследствии А.И.Ракитов пересмотрел столь крайнюю постановку вопроса, но в начале 90-х она отразила настроения очень влиятельных кругов.

⁴ См.: Т.В.Зорина. Отражение проблем народного творчества в информационных изданиях. Народное творчество. Социокультурная деятельность в сфере досуга. Вып.4., М., 1996, с.40.

минисценции фольклорного наследия, приёмы и методы советского культуросвета, и наконец, сугубо современные, новейшие формы зрелищно-игровых телешоу (например, «Играй гармонь» на ТВ).

Ослабление влияния и роли «строгой» теории избавляет от необходимости отводить обвинения в эклектике и размывании эстетических ориентиров народности. Но всё же следует заметить, что здесь перед нами действительно поток приобретающего всё новые формы *народного* творчества, хотя в него включены авторские элементы и приёмы, взятые из других пластов культуры.

В чём же тогда следует усматривать критерии или признаки народности, которые могут быть использованы при научной классификации данных явлений? В обширной и теоретически проработанной литературе 80-х годов мы вряд ли найдём исчерпывающий и точный ответ данный вопрос. Что, впрочем, понятно, поскольку круг элементов, из которых синтезировано всё это многообразие за последнее время существенно расширился уже за последние годы. Да и степень творческой раскованности, проявляющейся в нарушении, казалось бы, выведенных в теоретических дискуссиях нормативных жанровых границ сегодня возросла. Думается, что основное значение в этой меняющейся эстетической ситуации приобретает творчески импровизирующая стихия коллективного самовыражения, отождествляющего себя с народной позицией, с народом, как субъектом, сохраняющим эстетическую, а во многих случаях ещё и нравственную дистанцию по отношению и к академическому художнику, и к современному шоу-мену и к учёному-фольклористу, какие бы принадлежали им элементы художественного языка и приемы он не использовал.

В конце концов, и в XVIII, и в XIX веке народные художники ограниченно включали в свои произведения «штатать» их «господской» культуры: классические вазоны, коринфские капители, детали орнаментов и одежды, отдельные, нередко трансформировавшиеся в просторечии, слова и выражения.

Однако от этого их творчество не утрачивало своего народного характера, и в первую очередь, как раз потому, что это были именно *цитаты*. Художник сохранял по отношению к ним духовную свободу, он находился *вне* исходного контекста этих цитат, и наоборот, включал их в собственные контексты и осмысливал их так, как ему подсказывали народное мировоззрение и народные вкусы, в лоне которых он на самом деле и находился. Иногда он трактовал «господскую» эстетику как символ «иной» социальной жизни, использовал её как «подсказку» для собственной импровизации, но чаще делал её предметом иронии или даже пародирования.

Почему же аналогичная позиция должна быть исключена из отношений *сегодняшнего* народного творчества к внешней по отношению к ней эстетической среде? Суть вопроса в данном случае не в самом по себе факте использования «чужеродных» по отношению к народно-фольклорной стихии элементов, а в отношении к ним, в формах их включения в рамки творческого процесса, осуществляемого по собственным законам народного мирозерцания. От того, к примеру, что в частушке вдруг возникает «пальто из журнала «Бурла Молен», а в сценарии фольклорного праздника наряду с матрёшками и Петрушкой вдруг появилась кукла Барби с комично-выразительными осколочками английской речи⁵, они вовсе не выпадают из рамок того явления, которое М.Бахтин назвал народной смеховой культурой. Если, конечно, всё сделано тактично, со вкусом и верным чувством собственных эстетических принципов.

⁵ Примеры из: Т.В.Зорина, цит. раб., С.21, 25

В 90-е годы отношение к народности, в особенности, к фольклорным и фольклоризированным её формам теряет характер интеллектуальной и бытовой моды, который был ей присущ ещё десятью-пятнадцатью годами раньше. Однако «демонстративная» народность 60-х, 70-х, отчасти 80-х годов оставила в мироощущении россиян достаточно устойчивые следы. Будучи сама по себе, безусловно, достаточно поверхностной (как впрочем и все явления моды), в острой ситуации выбора между различными цивилизационными моделями, различными путями развития России она, по-видимому, трансформировалась в более глубокое, хотя и менее определённое чувство ценности самобытного. Увлечение народным, через которое прошло в «эпоху застоя» российское общество стало проявлять себя в новых культурно-исторических оппозициях. В частности, оно было, по видимому одним из факторов, которые не дали «взломать» стереотипы культуры и создали почву для зафиксированного рядом социологических исследований процессов реставрации национальных особенностей, казалось бы, совершенно отгеснённых западничеством времен «демократической волны» конца перестройки и постлегалтустовских реформ.⁶ Социальный запрос на народность не исчез, но изменил свой характер и как бы переместился в иную социокультурную плоскость.

Прежде всего, необходимо отметить, что определяющим мотивом в трактовке народности, тесно увязывающим концептуальный подход к проблеме с тем действительным пространством возможностей, в котором отныне только и может развиваться вся многообразная деятельность по изучению, собиранию, сохранению и развитию народного искусства, на сегодня становится *регионализация*.

Разумеется, народное искусство во многих своих проявлениях и раньше несло на себе сильнейший локальный отпечаток, гораздо более ярко выраженный, чем в профессиональном искусстве, опирающемся на академическую школу. В последнем она чаще проявляется в порядке рефлексии и лишь в связи со специфическими эстетическими задачами, связанными, опять-таки, с реконструкцией черт народного быта (казачий колорит у Шолохова, эстетическое преображение «малой Родины» в деревенской прозе и т.п.). Фольклор же, к примеру, вообще может существовать, а значит, изучаться и воспроизводиться, только в локально-этнографических вариантах. Если, продолжим, понятие «русское классическое искусство» имеет смысл реального содержательного описания, то понятие «русский фольклор» - это в значительной степени условное собирательное наименование, в жизни же существует не «русский фольклор» как таковой, а новгородский и киевский эпические циклы, дымковская игрушка и хохломская роспись, ростовские финифти и северная резьба по кости, волжские частушки и донские казачьи песни. Однако, хотя данный факт в принципе никогда и нигде не отрицался, в советское время он как-то отошёл на задний план и оказался как будто бы сравнительно второстепенным. Понятие народности соотносилось с народом – нацией как некоторым единым целым. Что, кстати, отразилось и на подходе к фольклору.

Как известно, в советском менталитете понятие «малой родины» не было особенно значительным, магистральным. Доминантой был образ «необъятной страны» и динамика свободных перемещений в её разные точки. Типичный советский человек мог родиться в Костроме, проходить военную службу на Сахалине, учиться в Ленинграде, в студенческие годы участвовать в освоении целинных земель в Казахстане или строительстве БАМа, получить распределение на Украину, а через несколько лет – новое престижное назначение на один из индустриальных гигантов Урала. С историческим бытом места происхождения, его

⁶ Горшков М.К. и др. Граждане России: взгляд на самих себя. НГ-сценарии, 1998, ноябрь.

«корнями» такой человек мог быть связан, скорее всего, только своеобразной умозрительной ностальгией, и это естественно, отражалось на эстетическом сознании, явно или неявно проникая оттуда и в эстетическую теорию.

Локальные фольклорные явления (например, палехский стиль или городецкая игрушка) описывались и изучались, начиная, по крайнему мере, с 30-х годов – но, чаще всего, без осознанной задачи комплексного воссоздания целостных эстетических контекстов, неповторимых культурных миров, формировавшихся на территориально-областнической основе (например, крестьянское искусство Вологодчины, фольклор Владимирского края, нижегородские художественные промыслы и т.п.). По сей день не угас гончарный промысел на лодейнопольской земле (село Алеховщина). Мастерство оятских гончарных умельцев, изготавливающих посуду вручную из местных экологически чистых глин, радуют нас и сегодня. Во время участия в июле 2002 г. в научно – практической конференции «Приладожье и Русский Север. История, традиции, современность», посвященной 300-летию г.Лодейное Поле, удалось более подробно познакомиться с искусством народных промыслов – гончаров Алеховщины. Преобладало, если можно так выразиться, не системно-территориальное, а жанровое видение художественного потока, подобно тому, как в народном хозяйстве территориальный принцип развития также в конце концов был полностью подчинен отраслевому.

В публикациях же последних лет, напротив, народное творчество представлено прежде всего регионально. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы только назвать некоторые из изданий, выпущенные в последние годы. А.Макяшина. Уральский орнамент на расписных изделиях из металла (1994); Б.Ф.Нустроев, Якутские орнаменты (1994); П.Д.Пономарёв. Народный костюм Воронежской губернии (1994); Фольклор Читинской области (1996); Вятские родники: песенный фольклор (1995); Песни Ивановской области (1995); Солнышко-ведрышко. – Детский музыкальный фольклор Архангельской области (1994); В.М.Щуров. Песни Усердской стороны (1995); В.Жекулина. Валдайская свадьба (1994); «Северные узоры» г.Лодейное поле и т.д. и т.п.

Примечательно, что в региональном разрезе стараются сегодня рассматривать не только чисто фольклорные жанры, но и художественную самодельность, которая как особый вид творчества всегда развивалась в значительно более широкой, чем регионально-локальная перспективе и ориентировалась как на лучшие общенациональные, так и на мировые образцы.

Региональные публикации стали довольно быстро приобретать взаимодополнительный характер, создавая как бы «стереоскопическое» отражение народного художественного творчества в различных его проявлениях. Почти одновременно или друг за другом выходят публикации, касающиеся различных сторон и форм народной культуры региона (сборник «К истории псковского театра»; «Музыкальный фольклор Рязанской области» и «Детский музыкальный фольклор Рязанской области» Н.Г.Гиларовой хорошо дополняют книги Б.Г.Горбунова «Традиционные... народные игры и забавы Рязанского края» и «Традиции русских народных игр военно-прикладного характера в Рязанском крае»).

Примером целостного исследования региональной культуры стала 4-томная «Историко-культурная энциклопедия Самарского края», подготовленная областным центром народного творчества совместно с административной области.

Эта тенденция, безусловно, связана со структурными изменениями в отношениях «центр-периферия». В условиях хронического дефицита федерального

⁷ См., напр.: Ю.К.Шмальбаум. Любительский театр в Кузбассе. Кемерово, 1995.

бюджета и общего невнимания центральной власти в культуре, очаги народного творчества и центры его изучения обычно находят поддержку на уровне местных администраций, а также у некоторых местных предпринимателей. Однако рассматриваемая тенденция отражает определённую трансформацию культурных аутентичностей, сдвиги в самосознании российской провинции, постепенно освобождающейся от чувства приниженности по отношению к столицам.

Одной из важнейших по своей социальной значимости форм участия народного творчества в жизни региона является массовый праздник, который теперь, после отмены общесоветских идеологических праздников, чаще всего принимает фольклорный оттенок. Сочинение сценариев таких праздников на все случаи жизни уже превратилось в самостоятельное направление творчества и издательской деятельности.

Другим фактором, обеспечивающим народному искусству и народной культуре достаточно устойчивую в современных условиях сферу бытования является школа, для которой идея народности (с большим или меньшим акцентом на народные начала национального бытия) становится одним из приоритетных духовных ориентиров.

«В целом, - отмечает один из ведущих специалистов по преподаванию основ народной художественной культуры, - можно констатировать возникновение (а точнее - возвращение) в современной отечественной педагогике этнокультурной парадигмы, которая в определённой мере пересекается с другими педагогическими парадигмами - гуманистической, когнитивной, креативной, православной», при этом «в основу большинства авторских этнокультурных образовательных программ, разработанных к настоящему времени, положены исконные традиции русской художественной культуры в их взаимосвязи и взаимодействии с национально-культурными традициями других народов России и зарубежных стран».⁸

Важным шагом в институциональном закреплении данной тенденции стало выделение в качестве особой формы и направления в среднем образовании так называемой этнокультурной школы (школы с этнокультурным компонентом). В условиях переходного общества, трансформация которого идёт в ситуации глубокого внутреннего кризиса и глобальной неопределённости, размывающей геополитические и цивилизационные очертания постсоветского пространства, наследие народной культуры оказывается одной из немногих ценностей, которые не подвергались девальвации и могут служить ориентиром для проектирования будущего. Именно поэтому оно всё больше становится компонентом воспитания.

Элементы народной художественной культуры, в 60-70 годы игравшие знаковую роль как символ того, что англичане называют *privacy*, и символически определяющие сферу частной жизни от жизни огосударственной, сегодня в таком качестве уже не воспринимаются. Потеряв символическую нагрузку, они перестали быть стилиобразующим элементом быта, постепенно уступив эту функцию другим вещам и обозначениям. Но уступая сферу частной жизни, народная художественная культура всё активнее переходит в жизнь публичную. Сегодня россияне уже редко украшают свои жилища расписной хохломой и вывешивают из деревьев прялками и пряслицными досками. Но, судя по всему, это не означает её угасания интереса к народности. Просто отношение к ней становится серьёзнее и глубже. Из факта моды, пусть даже связанной с выжкими жизненными потребностями, из своеобразной игрушки для взрослых, народная культура становится инструментом *социализации личности*. Функция, которую она с переходом от традиционного крестьянского общества к урбанизации и индустриализации практически повсеместно утратила.

⁸ Т.И.Бакланова. Народная художественная культура. Авторские программы., М., 1999. С.3-4.

СУДЬБА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГОРОДОВ ПО ДРЕВНЕРУССКИМ ИСТОЧНИКАМ*

Куценко Наталья Александровна

г. Москва, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии ИФ РАН

Старинный русский город Лодейное Поле, официально отмечая своё 300-летие, является более древним, и не вызывает сомнений тот факт, что поселение на этом месте существовало ещё в допетровскую эпоху, а возможно и во времена процветания Великого Новгорода. Для определения точной даты возникновения здесь древнерусского поселения необходимы кропотливые совместные исследования археологов, историков, филологов, этнографов, краеведов. Как правило, датой основания городов считается их упоминание в летописных источниках и документах. На примере нескольких исторических городов мы рассмотрим значение и потенциал древнерусских письменных источников в данном вопросе.

Культура русского и украинского народов имеет немало общего, особенно это касается исторических городов, возникших во времена Древней Руси - живых свидетелей былого единства. Переселение древнерусского населения с юга на север, с Южной Руси в Северо-восточную повлекло за собой и перенос географических названий городов, рек, озёр. Наиболее выделяется в этом плане название Переяславль, иллюстрирующее также и общецивилизационный вектор развития.

Государственное освоение территории Волго-Окского междуречья началось в X веке из Новгорода. Первоначально мера платила дань варягам, получавшим её через Новгород, затем зависимость на время была прервана и возобновлена при князя Игоре. Данинческие отношения вновь прервались при Святославе Игоревиче, который в своей экспансии ориентировался на юг. В 968 г. киевская флотилия вошла в устье Дуная, Святослав занял 80 городов, а Переяславль на Дунае стал его новой столицей, где он и намеревался остаться жить, покинув Русь, и собирать дань с соседних племен. Город был на время переименован в «Переяславль русский», ранее он звался «Переяславль Малый», «Великим» же был Преслав - столица первого болгарского государства. Однако после поражения от Византии Святослав вернулся на Русь, изгнанный с помощью печенегов и из Переяславца Малого.

Его сын Владимир Святославич не только возвратил выплату дани, утерянную при отце, но и укрепил собственные границы от печенегов на южных притоках Днепра. Пограничная линия была отнесена на реку Трубеж, где самым крупным из городов стал Переяславль, основанный в 992 г. Название означает место, где «перята слава». В «Повести временных лет» этому историческому эпизоду полностью посвящена глава «В лето 6500», повествующая о битве между русским отроком-кожемякой и сильнейшим воином-печенежином. По уговору между Владимиром и печенежским князем, которые находились с войсками по разные берега реки и не решались на битву, исход их противостояния должен был решить поединок между двумя воинами. Если победит русич, не будет три года войны, если же печенег - три года будет русская земля разоряема. Отрок на испытании разорвал разъярённого быка - и доверил Владимир ему биться. Отрок тот удавил печенежину руками и бросил его о землю - побежали печенеги от места того, и «заложил Владимир на том месте град Переяславль, занеже отрок перяет тогда славу печенегом».

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 02-03-18077а

Годом позже князь Мстислав Владимирович Тмутараканский убил великого князя Мстислава, завладел Косожскою землею и заложил на том месте также град Переяславль (на территории нынешнего Краснодарского края), стремясь закрепить победу.

Пятым по нашему условному подсчёту стал Переяславль-Эрзянский, основанный муромским князем Ярославом Святославичем в 1095 г. на земле финно-угорского племени эрзя. Этим князь почтил место своего рождения, ведь именно Переяславль на Трубеже был ставкой его отца - черниговского князя Святослава II Ярославича и его брата Всеволода при обороне южных границ Руси от половцев и в борьбе со старшим братом Изяславом. Также Ярослав Святославич назвал местную реку «Трубеж», а впадавшую в неё речушку - «Лыбедь». Затем город стал носить имя Переяславль-Рязанский, а после разорения Рязани татарами-монголами по сути стал новой Рязанью, ведь от старой Рязани осталось лишь пепелище, и город вместе с названием занял местоположение Переяславля-Рязанского⁹.

Становление Переяславля-Залесского приходится на время княжения в суздальской земле Юрия Долгорукого. Многолетняя борьба Юрия Долгорукого за Киевский престол в 1151 г. заканчивается его уходом в свои суздальские владения на великое княжение: Изяслав Мстиславич изгоняет его из Переяславля Южного или Русского. Как тогда думали, из Переяславля Южного навсегда уходит династия переяславских князей, основанная Всеволодом I Ярославичем в 1054 г. Большая часть местного населения, более 100 лет служившая переяславским князьям и поддерживающая Юрия в его борьбе за Киевский престол (Киев с окрестностями назывался «русской землёй»), боялась мести киевского князя, а также надвигающихся половцев, поэтому переселилась вслед за князем на северо-восток. В следующем году Юрий «многи церкви созда»: святых страстотерпцев Бориса и Глеба уа Нерли, заложил город Юрьев Польский и в нём церковь Георгия, во Владимире также заложил церковь Георгия и город Переяславль-Новый, а в нём церковь Спаса. Переяславль-Новый был княжеской крепостью, княжеским замком. О «вотчинном» характере городов говорят и их названия.

Среди городов, основанных на Залесской земле, большинство названы не в традициях Киевской земли, что явно прослеживается со времени основания Владимира, а в традициях Переяславской и Галицкой земель - это уже сам Переяславль на Трубеже, основанный в 1152 г., и города Звенигород, Галич, Перемышль, Микулин. С политической точки зрения это вполне понятно, поскольку Юрий Долгорукий в своей борьбе с Изяславом Мстиславичем опирался как на Переяславль Южный, вотчину одного из своих сыновей (последним из них был Глеб Юрьевич), так и на поддержку галицких князей, особенно своего свата Владимира Галицкого. Каменное монументальное строительство в Залесье, особенно храмовое, также свидетельствует об этом. Церкви, построенные в Переяславле-Залесском и в Кидекше в середине XII века сооружены в галицкой белокаменной технике.

На примере общих истоков, культурно-политической и типологической близости названий и судеб шестерых славянских, в том числе четырёх древнерусских одноименных городов, можно проследить и действие общецивилизационного вектора развития, направленного с юга на север: от Византии через Балканы и Русь, являвшегося важнейшим в эпоху раннего Средневековья отечественной истории¹⁰.

⁹ См.: *Кученко Н.* Значение малых городов в изучении исторического прошлого // *Малые города России – проблемы истории и возрождения.* М.- Переяславль-Залесский. - 1999. - С.37- 42.

¹⁰ Одним из наиболее информативных научных исследований по вопросу о международных связях Древней Руси является вышедшая в 2001 г. в Москве монография А.В.Назаренко «Древняя Русь на международных путях».

Что касается современного состояния Переяслава-Хмельницкого и Переяславля-Залесского, то они представляют собой одни из интереснейших исторических древнерусских городов, у которых и дальнейшая история не уступала древнейшей. Переяслав-Хмельницкий связан с проходившей там Переяславской Радой. Здесь имеются несколько крупных музеев (Историко-краеведческий, Народного быта и зодчества, Григория Сковороды, Шолома Алейхема), отражающие богатое историческое прошлое города. Сохранены храмы, монастыри, несколько улиц со старинной застройкой, остатки укреплений епископского дворца и церкви X-XII веков. Памятники украинского барокко XVII-XVIII веков в Переяславе-Хмельницком представляют собой одни из наиболее характерных образцов данного архитектурного стиля, отражающего общий подъём украинской культуры, наступившей в это время в мирных благоприятных условиях. Являясь своеобразным городом-музеем, часто посещаемым туристами со всего мира, он подобен Переяславу-Залесскому, выполняя сходную функцию небольшого по размерам, но весьма значительного по историко-культурному потенциалу малого города.

Переяславль-Залесский - райцентр в Ярославской области, он расположен на берегу Плещеева озера и входит в города «Золотого кольца России», также посещаем туристами и паломниками со всего мира. В 1688-1693 годах Пётр I построил там учебную «потешную» флотилию, почему город и считается родиной военно-морского флота России. Из древнерусского историко-архитектурного наследия сохранились земляные валы XII века, белокаменный Спасо-Преображенский собор (1152-1160). Сохранились церкви и монастыри (Данилов, Никитский, Фёдоровский, Горицкий) нач. XVI-XVII веков и более позднего времени. Историко-художественный музей расположен на территории Горицкого монастыря. Оба Переяславля, можно сказать, процветают как исторические древнерусские и средневековые города, поскольку сохранили в своём облике определяющие черты данных эпох.

Есть и такие малые исторические города, которым не так повезло или вовсе не повезло с сохранением исторических ценностей, однако история которых, и прежде всего летописная, дополняет наши представления о едином культурно-политическом и экономическом пространстве Древней Руси. Обратим внимание на то, что в древнерусском летописном наследии упоминаются и три города под названием Дорогобуж. Это Дорогобуж Вольнский, Дорогобуж Смоленский и Дорогобуж Тверской.

Совсем недалеко от города Ровно на берегу реки Горынь в Гошанском районе находится село Дорогобуж. От летописного Дорогобужа, который в XI-XIII столетиях являлся значительным экономическим и культурным центром Южной Руси, центром удельного княжества, стоявшем на торговом пути из Владимира-Вольнского в Киев, а также на пути «из варяг в греки», сохранились лишь заметные земляные валы и широкие рвы, обозначенные табличкой археологического памятника. Древнего княжеского города нет. Всё, что от него осталось в прямом смысле слова «зарыто в землю», но и оно предоставляет археологической экспедиции Ровенского краеведческого музея, работающей под руководством Ю.Никольченко и Б.Прищепы с начала 70-х годов уже прошлого столетия, бесценный материал для исторического анализа, а для культурологов и филологов - для культурно-исторических обобщений¹¹. Б.Прищепца продолжает работу, начатую известным ленинградским археологом Павлом Александровичем

¹¹ См.: *Прищепца Б.А., Никольченко Ю.М.* Летописный Дорогобуж в период Київської Русі. - Рівне. - 1996.

чем Раппопортом и В.В. Аулихом. П.Раппопорт обследовал Дорогобужское городище в 1960 году, первые раскопки были произведены В.Аулихом в 1968 году. Заметим, что полный анализ летописных сведений о княжеском Дорогобуже был собран и издан О.Фотинским в историческом альманахе «Труды общества исследователей Вольныи» ещё в 1902 году.

Впервые в летописях Дорогобуж Вольнский упоминается под 1084 г., и связано это с передачей великим киевским князем Всеволодом Ярославичем города Давиду Игоревичу - внуку Ярослава Мудрого (Повесть временных лет (далее - ПВЛ), под 1084 г. - С. 135. - М., Л., 1950). О том, что город существовал ранее, следует из статьи 23 «Правды Ярославичей», связанной с убийством старшего конюха, относимым историками ко времени киевского восстания 1068 г.: «... его же убили Дорогобудци»¹². В период междуусобицы права Давида Игоревича на Дорогобуж, которые он терял за это время несколько раз, были подтверждены на Любечском съезде князей (ПВЛ, под 1097 г. - С.170), в это время Погорынье входило во владения великого киевского князя, а через три года Дорогобуж вновь вернулся Давиду Игоревичу, где он и правил до своей смерти в 1112 г., Святополк Изяславич (ПВЛ, под 1100 г. - С.181).

Дальнейшая история Дорогобужа Вольнского связана с борьбой ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого и владимиро-вольнского князя Изяслава Мстиславовича за Киевский престол. Для закрепления своих преходящих успехов в этой борьбе, Юрий V Долгорукий стремился в города Погорынья, являвшиеся хорошим плацдармом для окончательной победы над вольнским соперником. Вячеслав Владимирович, княживший в Погорынье с 1149 г., обращается к Юрию Долгорукому со словами, полными обиды: «... А ты же - Киев себе, а к тому же Пересопницу и Дорогобуж у меня отнял еси. И ты меня ... сильно обидел, а мне один Вышгород дал еси...» (Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ), М, 1962. - Т. II - С.429). Летописи конца XI - середины XII столетий свидетельствуют, что Погорынье было некоей демаркационной зоной, разделяющей Киевскую и Вольнскую земли и «резервным фондом» киевских князей, окончательно оно отошло к Вольни в последней четверти XII века.

В 1151 г. дорогобужским князем называется внук Мономаха Владимир Андреевич, который в борьбе Долгорукого и Изяслава Мстиславовича стоял, как мы сказали бы сейчас, «по обе стороны баррикад», настолько она была непредсказуема. После битвы на реке Лыбедь под Киевом, в которой победил Изяслав Мстиславович, Юрий послал Владимира Андреевича за помощью к своему союзнику Владимиру Галицкому, тогда Владимир и занял Дорогобуж (ПСРЛ - Т. II - С.433). В летописях есть забавный и поучительный эпизод, касающийся «двурушничества» Владимира Андреевича, и предвосхищающий печально известную битву на реке Пьянь в 1379 г., когда потеря бдительности и самонадеянность повлекли гибель уже русского войска от татар. В 1151 г. Владимир Андреевич посылает в знак своего дружелюбия много питья Мстиславу Изяславовичу, идущему с наёмным войском утров в Киев на помощь отцу, а также предупреждает об опасности встречи с войском Владимира Галицкого, верного союзника Юрия Долгорукого. Питье было выпито, предупреждением пренебрегли - и войско спящих пьяных утров легко было перебито отрядом Владимира Галицкого (ПСРЛ - Т. II - С.441).

Владимир Андреевич с небольшим интервалом княжил в Дорогобуже Вольнском до своей кончины в 1170 г. Далее владельцы-князья весьма часто сменяли друг друга, преуспевая в неутешительной междусобной борьбе, а после монголо-татарского нашествия город был разрушен. От него осталось лишь укрепленное

¹² Российское законодательство. - М.1984. - С.48.

место. Дорогобуж Вольнский как удельный княжеский город прекратил своё существование. В средние века во времена польского владения на этом месте возникло поселение типа местечка с правом на проведение одной ярмарки в год.

Раскопки на месте Дорогобужа Вольнского свидетельствуют о том, что в городе были развиты обработка железа и гончарное ремесло. Обнаружены 49 видов гончарных клеев и выделены 3 основные группы керамического теста и полива, среди них изделия из белой и розовой глины, в том числе и местного производства¹³. Такой тип изделий преобладает, и, как предполагают, данные изделия изготавливались на месте. В домонгольское время в Дорогобуже Вольнском была построена Успенская церковь, для её строительства и было организовано производство плитки и облицовочных плит. Не исключено, что в дальнейшем эти строительные материалы в качестве предметов торговли поставлялись и в Среднее, а также Верхнее Поднепровье, поскольку основными путями сообщения в Древней Руси были реки, а из Дорогобужа водный путь вёл вниз по Горыни к Припяти, а затем в Днепр, далее - вверх или вниз по течению. Если отправиться вверх по течению, то можно достичь княжеского Дорогобужа Смоленского, если поблуждать в поисках древних волоков, то можно схематически представить себе водный путь и подальше - уже в водах Волжского бассейна к княжескому Дорогобужу Тверскому. Судьба этих исторических древнерусских городов не менее драматична, чем и у Дорогобужа Вольнского.

Дорогобуж Смоленский - первый город в верховье Днепра - главной реки Древней Руси, или как её ещё называют «главной Иордани Древней Руси». Осваивает этот город возникший близ него в XVI веке Свято-Троицкий Болдин монастырь. День памяти основателя монастыря Преподобного Герасима Болдинского отмечается 14 мая по новому стилю. Монастырь славился своими красносцами, а по сути - хранителями истории, создателями рукописных посланий, запечатлевающих устные рассказы паломников. Интересен тот факт, что в Болдинском монастыре, начало основанию которого положено в 1528 году, за первые 80 лет его существования подвизались четверо церковных деятелей, причисленных к сонму святых - Герасим и Аркадий Дорогобужские, епископ Вологодский и Великопермский Антоний и архиепископ Тверской и Кашинский Феофан. Последний был казнён поляками под Москвой в 1610 году. В начале XVII века около 40 лет монастырь принадлежал иезуитам, дальнейшее возвращение монастыря православной церкви совпало с расколом (его настоятель был осуждён за раскольническую деятельность). В XVIII веке после Петровских реформ о новом расцвете монастырской жизни говорить не приходится. Далее - разорение обители отступающей французской армией, затем более спокойное существование вплоть до ликвидации монастыря в 1920 году, что вылилось, по сути, в полное уничтожение, завершённое фашистами в 1943 году взрывом главного Троицкого собора. В 60-е годы работы по восстановлению Болдинского монастыря были начаты под руководством П.Д.Барановского, выдающегося историка, учёного-реставратора, внесшего неосценимый вклад в сохранение и изучение архитектурных памятников Древней Руси.

Практика среди князей северных земель давать вновь основанным городам названия южнорусских городов подтверждается существованием ещё одного исторического Дорогобужа - Дорогобужа Тверского, о котором есть и летописные упоминания, указывающие на него как на удельный княжеский город. К сожалению, место нахождения Дорогобужа Тверского ещё точно не определено. Его поиском занимается П.Д.Мальгин - заведующий отделом археологии Все-

¹³ См. указ.соч. Прищепы Б.А., Никольченко Ю.М. - С.49-51

русского историко-этнографического музея. По его мнению город мог находиться либо на территории Кашинского района на реке Медведице, либо на реке Дёрже, правом притоке Волги возле села Погорелое городище. Так что поиски Дорогобужа Тверского, о котором говорят летописи, продолжаются.

Приведём ещё один пример. Древнерусский город Торопец, являющийся сегодня районным центром Тверской области, ведёт своё летоисчисление с 1074 года. Именно «в лето 6582 (1074)» упоминается в Повести временных лет некий черноризец Киево-Вечерского монастыря Исакий, который был в мирской жизни богат, ибо был купцом, из Торопца родом. Далее повествуется об искушении его бесами на протяжении трёх лет и борьбе братии за монаха, который скончался в благочестии. Отметим, что купеческий город Торопец существовал и ранее, однако упоминание в летописи считается официальной датой летоисчисления истории города.

В заключение отметим, что до монгольского нашествия наблюдается общий процесс для всей территории Древней Руси, а именно - развитие региональных центров и связей, местных удельных княжеств, многие из которых в соперничестве с другими городами в дальнейшем уступили свои позиции, попав под влияние более сильных центров. Некоторые древнерусские города, именуемые сегодня как «малые исторические города», такие, как упомянутые здесь Переяслав-Хмельницкий, Переяславль-Залесский, Торопец, а также многие другие играют и поныне важнейшую культурно-просветительскую роль являясь сохранившимися жемчужинами общего для всех россиян древнерусского наследия, подтверждающими эту общность во времена известной политической агрессивности, а древнерусские летописные источники - неисчерпаемым кладом исторических и географических сведений.

ПРИЛАДОЖЬЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА Литвинова Татьяна Анатольевна

г. Лодейное Поле, завуч школы-интерната, учитель истории

Изучение истории Приладожья с применением научных методов началось во второй половине XIX в. силами, в основном, петербургских ученых. Стали накапливаться материалы археологических, этнографических, географических экспедиций. Современная историческая мысль шагнула далеко вперед, но при этом публикации 1870–90-х годов остаются интересными и ставят темы для размышления.

Итак, в I тыс. н.э. Приладожье заселяется представителями финно-угорской языковой семьи; бассейн р. Ояти становится одним из центров расселения веси, определяемой как предок вепсов, (она же «чуть белоглазая» в летописях). Рубеж I и II тыс. – время начала индоевропейской колонизации края и начала контактов веси с германцами и славянами. Началось постепенное отгеснение финно-угров в глубь территории, к истокам рек, началось взаимовлияние культур и постепенная ассимиляция. В эпоху древнерусского государства край пережил варяжское влияние; началась христианизация. К новгородскому периоду относятся наиболее древние упоминания местных населенных пунктов в писцовых книгах Оболенской пятины. Вхождение края в состав Московского государства приносит новое административное устройство и новые явления общественной жизни (в том числе крепостничество). К этому времени относится возникновение Александрово-Свирской обители как очага христианской культуры. В XIX в. Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии, несмотря на относительную близость к столице, представлял собой интересный объект

для изучения. Здесь сохранялась первозданная природа, древние обычаи, язык, верования, особая, как сейчас говорят, ментальность. Уже тогда авторы публикаций говорили о грозящем скором исчезновении вепсской культуры, ассимиляции Приюнтских вепсов русским населением. Однако решающую роль в этих процессах сыграли бурные события XX века. В сущности, постепенное опустение деревни, исчезновение «бесперспективных» деревень, бегство молодежи в город привели к невосполняемому сокращению вепсской части населения Лодейнопольского района (именно вепсские деревни были самыми удаленными).

В настоящее время вепсское население сохраняется в верховье р. Ояти, в основном, в соседнем, Подпорожском районе.

Что несет культуре нашего края постепенное исчезновение финно-угорской составляющей?

Любое исчезновение видового разнообразия является потерей в природе; исчезновение этнического разнообразия, самобытности, является потерей в культуре.

Эти явления характерны для современной цивилизации вообще; затрагивают они и наш край. За многие столетия жизни по соседству культуры вепсов и русских испытали взаимное влияние. Оба языка в нашей местности имеют множество заимствований друг у друга.

Интересный анализ заимствований в вепском языке был проведен В. Майновым в 70-х гг. XIX в. Оригинальными в языке вепсов были понятия, связанные с природой, охотой, кузнечным делом, торговлей; заимствованные из русского и шведского языков – понятия, связанные с земледелием, оружием, войной. (Майнов В. Приюнтская Чудь // Древняя и Новая Россия, 1877 г., № 6, с.135 - 137). В языке местного русского населения заимствование из вепсского касается в основном природы, быта. Гидронимы края за единичными исключениями имеют вепское происхождение, как и большинство топонимов.

В обиходе жителей деревень в глубинке района сохраняются еще имена собственные, данные элементам местности в старину. Как правило, каждая полянка (сенокос), каждая лесная поженка, залив озера имеют имена собственные; значение их часто забыто, но сами названия звучат ласково и поэтично: Алахта, Мелака, Косерьга... Земля не воспринималась как просто территория, полигон для деятельности человека. Поля, покосы, ягодники, боры, лесные озера – все это носило налет одухотворенности в глазах человека; воспринимались им как нечто живое. Это ощущение было свойственно и вепсам, и русским.

Повсеместно (кроме низовий Ояти) был распространен и вепсский тип жилого дома, описанный у путешественников XIX в. – 2-х этажная постройка на 2 сруба. Первый этаж – для хранения инвентаря и припасов; второй – жилой. Другой сруб – для содержания скота и хранения сена; все службы оказывались под одной крышей; не было необходимости в сараях и, т. п. Практически не было и заборов; дома не запирались.

Деревня – обязательно на холме, возле озера, – имела лаконичный и стройный вид: ряд высоких домов, открытый простор. В этой незатейливой скромности и красоте была своя эстетика, заимствованная у природы.

Окружение бескрайних лесов (настоящей тайги) с множеством озер и моховых болот воспитывало особый тип человека, который видел в природе надежную опору, источник благ и красоты. Еще в 1890 – х гг. путешественники могли с полным правом сказать: «здесь все, что не занято водой, занято лесом». (Подвысоцкий Н. Кайваны. // Естественные и география, 1899 г. № 1, с. 99).

Таким образом, культурная и природная среда обитания человека, несмотря на бедность и простоту быта, находились в гармонии еще 100, может быть, и 50 лет назад.

Последние несколько десятилетий принесли огромные изменения в природе и в сознании. Массовая вырубка лесов изменила до неузнаваемости привычные места; сокращается видовое разнообразие рыб в озерах (особенно пострадали сиговые), исчезают токовища глухаря. Вырубки, как и вообще по России, ведутся варварским способом. Новый тип человека – потребитель, ищущий только удовлетворения материальных потребностей.

С карты района исчезли многие деревни, в основном в глубине. На их место приходят дачные поселки, «вепские» дома доживают век. Забываются диалектные и заимствованные слова, как и забываются и сами понятия. Исчезает самобытность местной культуры. Дачная эстетика и сознание уверенно вытесняют прежние, деревенские. Испаряются какие-то тонкие слои духовности, которые отличали в хорошем смысле жителя северо-востока области.

Конечно, этот процесс объективен и касается не только нашего края. Реально-сти XXI в. будут совершенно иными. Вместе с тем, для возрождения культуры и возрождения малых народностей сделано много важных шагов (создание азбуки, учебников, проведение ежегодных фестивалей культуры и т. п.). Печально то, что духовный опыт наших предков исчезает вместе с природной средой обитания человека. Хочется верить, что новое столетие не будет временем самораспада природы и сознания; материальные запросы человека перестанут требовать принесения окружающей среды в жертву, человек и природа обретут полную гармонию. Исторический и духовный опыт нашего края говорит о том, что такая гармония возможна: как в отношениях между различными народностями, малыми и большими, так и в отношениях человека и природы. Опыт этот должен получить свое завершение; возможно, именно русский Север подаст России пример гуманитарного и экологического возрождения.

МИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И МАГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ - ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ IX – X вв.

Малахов С.В.

*г. Барнаул, кандидат исторических наук, доцент кафедры
востоковедения Алтайского государственного университета*

Панмонголизм! Хотя имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

В.С. Соловьев

Советская историография первых двух веков существования российской государственности может показаться довольно однообразной, а её работы – почти неотличимыми друг от друга по своим выводам. Это впечатление скорее верно, нежели нет, но верно не до конца. В ней были и работы, несмотря на цензуру, непохожие на другие, «нехарактерные», которые едва терпелись и за которые, казалось, нельзя было получить ничего, кроме неприятностей. Именно они и представляют сейчас интерес для специалистов.

Здесь, однако же, будет говориться не о них, а о тех, которые определили тогда полуофициальное лицо отечественной историографии, таких, как изыскания академиком Б.Д. Грекова, или Б.А. Рыбакова, других известных советских историков, общий уровень работ которых оправдывает ещё два слова в их адрес: «от сохи». Об этих работах с сожалением думаешь, что у их авторов было то ли немного специальных знаний, то ли мало обычной совести (к 1917 г. ряд вещей, касавшихся означенной тематики и очень существенных был вполне уже решенным), то ли не доставало ни того, ни другого.

Они, однако, только лучше других – из тех, кто принимал всё это как должное, – выполняли негласные нормы и требования, предъявляемые к подобного рода разысканиям социалистическим обществом, и в этой системе координат их работы не были той бездоказательной и пустой белибердой, которой при всей их внешней выдержанности представляются за её пределами.

Подходы, изложенные в подобных работах, не нужно, разумеется оспаривать. Они не были академическими уже потому, что это понятие рождено античным, а не предшествовавшим ему социалистическим (по К.Марксу – «азиатским») обществом, и поэтому было, в сущности, последнему чуждо. Некоторые из этих подходов можно, тем не менее, обозначить – с тем, чтобы лучше представлять себе их очень специфический и до сих пор находящийся ещё своих ценителей строй.

Суть первого из них адекватно, на мой взгляд, передает определение «мистический материализм». Согласно ему восточные славяне, не имея сколько-нибудь существенных связей с внешним миром (они решительно отрицаются) и живя на краю ойкумены, единственно на основе своего собственного социально-экономического развития смогли создать за эти два столетия полнокровные основы общества, не уступавшего по существу самым передовым странам тогдашнего мира. Остаётся добавить, что исходным был при этом эгалитарный («первобытнообщинный») порядок.

Столь беспримерный, чудесный переход «русь» (здесь – тоже, что восточные славяне) смогла совершить, очевидно, потому, что была избранным (кто знает, чьим провидением?) народом.

Об этом же, но несколько иначе, говорит их второй структурный принцип – «националистического интернационализма». Он отрицает саму возможность того, что восточные славяне когда-либо и в чём-либо существенном могли уступать кому-либо из своих соседей (в первую очередь здесь имеются в виду ничем не замечательные норманские «находники»). Обратное допущение рассматривается как намеренное и полное унижение нашего русского народа, грязная ложь. При этом разумеется было немало отсталых (и прежде всего – финно-угорского происхождения) этнических групп, общий уровень которых искони уступал восточно-славянскому (что оставалось, впрочем, обыкновенно недоказанным), и которые многое у последних заимствовали. Да и доказательства ли главное? Нет, главное – правильная генеральная линия, как это с очевидностью явствует из третьего принципа, «магического конструирования». Он означает, что ничего пригодного для перехода к искомому феодальному состоянию в России к XI столетию, к сожалению, не находилось. В этой непростой ситуации обременённые высоким доверием советские исследователи силой своих знаний и духа создали на восточно-европейских равнинах того времени все факторы, которые тогда же и сложились в подлинное, хотя и с известной спецификой, феодальное общество.

Нетрудно заметить, что приведённые здесь подходы (их число могла бы быть, наверное, и большим) переходят друг в друга и друг друга поддерживают. Но в этом и состояла та обнимающая их «спиритуалистическая диалектика» («душа нашего марксизма»), которая по определению выше и выверенных фактов и связывающей их формальной логики.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОДРОСТКА НАЧАЛА XXI ВЕКА. СЕМЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мятлева Елена Игоревна

г. Лодейное Поле, член областного родительского Совета,
председатель родительского комитета школы №2 г. Лодейное Поле

Политические, экономические, социальные потрясения, которые переживает наше общество в последнее десятилетие, в первую очередь отражаются на подрастающем поколении, на детях. И как следствие этого, падение нравственных ценностей и ориентиров, ухудшение здоровья детей. Все эти проблемы вызвали необходимость поиска новых путей взаимодействия системы образования с различными социальными институтами, ответственными за воспитание детей и молодёжи, в первую очередь с семьёй. Перед обществом стоит важная задача: воспитание гражданина XXI века. Каким он должен быть? Прежде всего здоровым нравственно и физически, патриотом своей Родины и, несомненно, культурным, образованным и профессионально подготовленным человеком. Много различных институтов участвуют в становлении личности ребёнка, но самый главный из них - семья. Что переживает сейчас провинциальная семья и каково в ней современному подростку - об этом и пойдёт речь.

Я провела небольшое исследование среди школьников и хочу поделиться с вами результатами. Ребятам была предложена анкета под названием Социально-психологический портрет подростка». В опросе участвовали 7-ые, 8-ой, 9-ый, 10-ый классы школы №2. Все классы профильные или с углублённым изучением предметов. Сейчас самое главное для детей - здоровье и красота (внешний вид). Эти два понятия занимают 1-ое и 2-ое место абсолютно у всех детей. Книжки же на 4,5,6-ом месте. И в среднем, предпочтение книгам отдают, в лучшем случае, 1/3 - 1/4 часть класса. Но когда вопрос звучит более конкретно: «Где проводится большая часть времени?» - с книгой в руках проводят время 1/5-1/7 часть класса, а в некоторых классах книга вообще не интересует детей.

На вопрос: «Составь шкалу ценностей по степени важности для тебя», ребята ответили так: 1,2,3,4-ую позиции занимают такие понятия как **любовь, дружба, здоровье, товарищество**, т.е. духовные ценности приоритетны. Это говорит ещё и о том, что в этих классах сложился коллектив. И в этом заслуга и учителей, и детей, и родителей. На 5,6-ом месте - **любимое дело, интеллект**; на 7,8-ом - **деньги**. Если сравнивать с результатами опроса Санкт-Петербургских школьников, то там как раз всё наоборот: на 1-ом месте - **здоровье**, на 2-ом - **деньги**, на 3-м - **красота (внешний вид)**. И лишь на 8,9-ом - **любовь, дружба**. Так что, даже в атмосфере небольшого недостатка, а порой и нищеты в детской душе все-таки есть любовь, доброта. И необходимо эти духовные ценности преумножать.

А вот следующий вопрос: «Что для тебя здоровый образ жизни, как ты его понимаешь?» - показал, что как раз-то это понятие у детей не сформировано. Для них это, в первую очередь, **занятие спортом (физкультурой) и правильное питание**. Потом - **успешная учёба, любимое дело, жизнелюбие, трудолюбие**. На 6,7-ой позиции - **нравственность** и на 8-ой - **интерес к религии**. Получается, что дети наши понимают, что здоровье для них главное, но вот как его сохранить, они не знают. Дети не ставят в зависимость здоровье от нравственности, духовности. А ведь человек может прожить 150-200 лет! Позвольте в связи с этим напомнить утверждение Г.П. Малахова, что здоровье человека зависит от 3-х факторов - **духовности, психики и физиологии**. Духовность решается с по-

мощью соблюдения нравственных и религиозных законов. Это самый первый и главный закон Жизни. Второй закон гласит: разберись и контролируй свои собственные мысли, эмоции, желания. Приведу маленький пример: Санкт-Петербургскими учёными из института Бехтерева было установлено, что состояние уныния адекватно эпилептическому припадку - так реагирует наш головной мозг на эту эмоцию. И ведь недаром Православная церковь на протяжении более 10-и веков утверждает, что уныние - это смертный грех. И третий закон - это познание устройства собственной индивидуальной конституции и её особенностей. Теперь понятно, насколько ответственно и грамотно мы должны относиться к процессу образования и воспитания наших детей.

Далее, поговорим о состоянии семьи, об отношениях детей и родителей. На вопрос «Кто для тебя является настоящим другом и с кем ты можешь откровенно поговорить о своих проблемах?» - дети отвечают так: на 1-ом месте - друг, подруга (70-80%); на 2-ом месте - мама; на 3-ем - папа и то не всегда. Далее идут другие родственники - На вопрос: « В чём ты находишь силы для преодоления трудностей в жизни (если это случается)?» дети пишут: на 1-ом месте - поделюсь с другом, подругой (более 60%); на 2-ом месте - **посоветуюсь с родителями**. Есть дети, которые вообще исключают общение с людьми и предпочитают замкнуться. Тем не менее вопрос психологического состояния души очень важен для здоровья. Дело в том, что нерешённые проблемы, чувство обиды, страха, злости, сомнения, тоска и т.д. - все эти эмоции, настроения, возникающие в сознании человека, сильнее всего воздействуют на его физиологию.

Так возникают очаги болезненных изменений. И снова о состоянии семьи. Проанализировав ответы на некоторые вопросы, я пришла к выводу, что 33,37% детей уверены в поддержке семьи и полностью доверяют родителям. То есть, это сильная, крепкая семья. 40% детей ещё сомневаются, не решились окончательно, где будут искать поддержку в сложный для них момент. Это могут быть как родители, так и друзья и т.д. И, наконец, 25,26% детей не станут обращаться за помощью к родителям и не готовы пойти на откровенный разговор с родителями в трудную минуту. Возможно, в такой ситуации на все вопросы ответит улица, друзья и т.д. Семья здесь как социальный институт не состоялась, семья не выполняет свои функции, каждый в такой семье сам по себе. Разумеется, что эти цифры в масштабе района изменятся и, возможно, не в лучшую сторону. Ведь была исследована лишь небольшая группа довольно-таки благополучных школьников.

И, наконец, последний блок вопросов был о проблемах наркомании. Дети совершенно верно в целом оценили ситуацию, отвечая на вопрос «Что толкает подростка к приёму наркотиков?», - одиночество, неустроенность, жизненные проблемы, неблагополучие в семье. Некоторые дети считают, что проблемы в школе могут толкнуть подростка к приёму наркотиков. Это опять психологический груз. Наконец, «мода» - вот что может повлиять на ребёнка. А здесь уже явное присутствие и влияние субкультуры в подростковой среде. Значит, надо говорить с детьми и о влиянии культуры и о влиянии культуры. В чём истина, в чём - ложь.

Сложное время переживает сейчас наша семья. И как дальше будут складываться отношения в ней зависит от нас, взрослых. Ведь общество - это прежде всего родители. На какие ценности, идеалы будем опираться мы, взрослые, от этого будет зависеть будущее наших детей, нашего Отечества, нашей Планеты.

Замечательно то, что наша конференция является прекрасным подтверждением того, что есть в нашей стране люди, способствующие сохранению нашей культуры, развитию нашей науки и занимающиеся просветительством. Хочется, чтобы эта встреча была не последней и положила начало образованию Гуманитарного Центра на базе школы №3 в нашем городе. Это необходимо нашим детям.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Назарова Елена Александровна

г. Москва, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Российской академии государственной службы при Президенте РФ

На протяжении тысячелетней истории цивилизации миграция выступает неотъемлемой составной частью жизни народов, одним из способов приспособления человека к меняющейся действительности. Как известно, перемещение значительных масс людей является признаком динамизма, постоянного изменения, нарушения и восстановления равновесия в системе социальных связей, важным фактором саморегуляции социальной системы.¹⁴

Подтверждением тому может служить реакция населения на распад СССР, сопровождаемый этническими конфликтами, системным экономическим кризисом и падением уровня жизни. На направление и масштабы миграции повлияли также либерализация рынков жилья и труда и переход к политике «открытых дверей», неравномерность осуществления в бывших союзных республиках социально-экономических преобразований, политических реформ.

Современная миграция на территории государств Содружества характеризуется следующими основными чертами:

преобразование внутренней миграции (межреспубликанской в рамках СССР) в международную (между странами СНГ);

сокращение естественной социально-экономической миграции (на работу, учебу, по семейным обстоятельствам и др.) и преобладание вынужденной, вызванной стрессовыми факторами (угроза жизни и безопасности, военные действия, этнический дискомфорт и дискриминация в правах, экологические катастрофы и чрезвычайные ситуации);

рост нелегальной трудовой миграции.

Всего чистые миграционные потери неславянских республик бывшего СССР за период 90-х гг. оцениваются примерно в 7-8 млн. человек, из которых 1,2 млн. выехали за пределы бывшего Советского Союза, а основная масса - в Российскую Федерацию. Около трех четвертей из прибывших на территорию России составляют русские, 7,6% - татары, 6,7% - армяне, 5,9% - осетины, 3,4% - украинцы.

По итогам миграционного обмена России со странами ближнего зарубежья за 90-е гг. четко выделяются два периода: 1991-1994 гг. и 1995-2000 гг.

В первый период аккумулирующая роль России как центра притяжения миграционных потоков резко возросла (почти в 16 раз с 1991 по 1994 гг.), на второе место вышла Украина, 40% миграционного прироста в которую было обеспечено за счет выезда украинцев из России и других бывших советских республик.

Во второй период Россия стала практически единственной принимающей страной в СНГ, хотя положительный миграционный прирост стал в этот период снижаться с 810 тыс. в 1994 г. до 165 тыс. в 1999 г. Эта тенденция сохраняется и поныне.

Изменение миграционной ситуации затронуло практически все экономические районы Российской Федерации. Так, традиционные районы оттока население

¹⁴ См.: Назаров А.Д. Современные проблемы миграции населения: исторические процессы, тенденции, социальное последствие. - М., Союз, 1995. - с. 5; Зайончковская Ж.А. Миграция населения / Социальная энциклопедия. - М. Большая Российская энциклопедия, 2000 - с.163; Ткаченко А.А. Перенаселение / Народонаселение: Энциклопедический словарь. - М., Большая Российская энциклопедия, 1994. - с.297.

ния (Волго-Вятский, Центрально-черноземный, Уральский) - стали увеличивать свою численность за счет миграции из республик Средней Азии и Казахстана. Усилилась притягивающая роль Северного Кавказа, особенно Краснодарского и Ставропольского краев, куда стали стекаться вынужденные мигранты из государств Средней Азии, Казахстана, Закавказья и республик самого региона. Дестабилизирующим фактором здесь стала ситуация в Чечне, некоторых других регионах, откуда стало интенсивно выезжать русское и русскоязычное население.

Снова, как в 60-х гг., стала терять население Восточная Сибирь, тогда как Западная Сибирь после небольшого перерыва снова получила приток населения, причем во все области и края. Дальний Восток, напротив, стал сплошной зоной оттока.

Одним из самых тревожных изменений в миграции населения стал отток населения с Севера. До 90-х гг. население Севера достаточно быстро росло и достигло 10 млн. человек, распределяясь примерно поровну между Европейской и Азиатской частями страны. Скорость, с которой сокращается население некоторых северных районов, очень высока. Например, Чукотка потеряла более трети населения, Магаданская область - 21%, Корякский автономный округ - около 20%, Камчатская область - 15%, Сахалинская область - 13% и т.д. Прирост населения в этой части страны имеют только Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, где расположен самый мощный в стране нефтегазовый комплекс.

На первое место в последнее время по величине притока мигрантов вышел Центральный район. Наибольшее миграционное давление испытывают южный приграничный пояс Европейской части и Урала, и Западная Сибирь. Таким образом, территория страны стала четко делиться на две зоны - принимающую и отдающую.

Мигранты тяготеют, как правило, к старообжитым районам, в то время как прибывающие переселенцы из бывших республик СССР расселяются по всей территории Российской Федерации, за исключением Крайнего Севера и Сахалина. Тем не менее региональные предпочтения ясно выражены и здесь - это приграничные западные и южные области, Центр, Западная Сибирь. На общем фоне незначительным притоком выделяются Московская и Ленинградская области, что объясняется трудностями в получении регистрации в Москве и Санкт-Петербурге.

Весьма специфична картина расселения мигрантов из республик, входивших в состав СССР, и в частности из Казахстана и Средней Азии, на долю которых приходится наибольший поток переселенцев. Так, наиболее притягательными для русских выходцев из Средней Азии являются Центральный, Центрально-Черноземный, Поволжский, Уральский регионы, Западная и Восточная Сибирь. В тоже время русские, покидающие Казахстан, склонны селиться в приграничных с ним регионах - Поволжском, Уральском, Западно-Сибирском.¹⁵

Следует подчеркнуть, что из года в год уменьшается приток мигрантов в Россию. Происходит это от того, что остается непреодоленным экономический кризис, поразивший отрасли экономики с массовой занятостью и разнообразными по квалификации видами труда, где легче всего найти работу - строительству, легкую промышленность, машиностроение, социальную сферу. Немаловажно и то, что это отрасли почти повсеместного распространения, в той или иной мере они присутствуют не только во всех регионах и крупных городах, но и малых поселениях. Крах этих отраслей резко ограничивает возможности мигрантов найти работу, где бы то ни было, несмотря на огромные размеры России.

¹⁵ См.: Назаров А.Д. Вынужденная миграция или репатриция? / Федерация и народы: Информационный бюллетень Миннаца России. - 1996. - №3. - с.27-37.

Во многом с аналогичными проблемами столкнулся Северо-Запад страны и его регионы. Весьма своеобразной представляется ситуация, складывающаяся в Ленинградской области и Ладенопольском районе¹⁶, в частности. Занимая площадь около 4900 кв. км, объединяя около 10 городов и 120 деревень, район вмещает более 39 тыс. человек населения, менее трети которого проживают в сельской местности.

Демографическая ситуация здесь примерно такая же, как и в центральной и северо-западной части России – регион стареющий – доля людей пенсионного возраста превышает на 20% долю детей и подростков и составляет примерно половину от общего числа трудоспособного населения. Причем, если в городе на 20,8 тыс. человек трудоспособного возраста приходится 17 тыс. человек нетрудоспособного возраста (пенсионеров и детей), то социальная нагрузка на трудоспособного жителя села составляет уже 1,1 чел. И это при том, что при общей численности трудоспособного населения более 26,5 тыс. чел. имеют работу, согласно статистическим данным, только 16 тыс. чел. На селе доля занятых значительно больше – из 5,7 тыс. трудоспособного населения задействованы в материальном производстве и нематериальной сфере 4,3 тыс. чел.

В такой непростой социально-экономической и демографической обстановке даже незначительное воздействие на создавшееся хрупкое равновесие в этой сфере извне может иметь серьезное дестабилизирующее значение. Требуется, на наш взгляд, научный анализ создавшейся ситуации, выработка прогнозов развития на долгосрочную перспективу.

РОССИЙСКИЙ СЕВЕР: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА Нехамкин В.А.

г. Брянск, кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Брянской сельскохозяйственной академии

Северные территории всегда играли в истории России особую роль. Освоение восточными славянами территории Кольского полуострова, Белого и Баренцева морей относится рядом специалистов к IX-X векам, т.е. процесс заселения севера нашими предками совпадает с образованием российской государственности. Причем, занимаясь преимущественно рыболовством, они достигли значительных успехов в труднейшем деле – освоении Северного Ледовитого океана.

К сожалению, Россия как государство в силу различных причин и в Киевский, и в Московский периоды, не торопилась осваивать север. Лишь в 1584 г., после поражения в Ливонской войне Иван Грозный издал указ о создании на Белом море торгового порта и крепости Архангельск. Он на весь XVII век стал основной «дверью в Европу» для России. Торговлю с заграницей через него вели до семидесяти городов. Однако после выхода России на Балтику и основания Санкт-Петербурга значение Архангельска, а вместе с тем и севера в целом, начинает падать. Даже выходец из этих мест, наш выдающийся ученый М.В.Ломоносов считал, что Россия будет «прирастать» Сибирью. О своем родном севере и его будущем он оставил полные печали и пессимизма строки: «Имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в помыслах от неприятеля и, положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все в туне»¹⁷.

Последующие годы подтвердили правильность данного прогноза М.В.Ломоносова. Россия осваивала север от случая к случаю, стараясь не тратить на

¹⁶ Здесь и далее статистические данные взяты из <http://www.ladoga.ru>

¹⁷ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952. Т. 6. С. 420.

это много сил и средств. И первая расплата за это постигла нашу страну уже в начале XX века: 2-я Тихоокеанская эскадра 3.Рожественского, шедшая на выручку Порт-Артуру через южные моря, была разгромлена под Цусимой. В случае же освоения северного морского пути наши корабли проходили бы в Тихий океан, минуя японский флот. Несмотря на целый ряд попыток улучшить положение между 1905 и 1914 годами (проход ледоколов «Таймыр» и «Вогач» из Владивостока в Архангельск) ничего существенного сделано не было. Лишь с началом Первой мировой войны на Белом море был заложен второй порт – Мурманск. После гражданской войны вплоть до 1941 г. освоение севера проводилось для подготовки края к обороне от возможного агрессора. И это удалось. Ни Архангельск, ни Мурманск не были оккупированы, а оборона Заполярья стала одной из ярких страниц отечественной военной истории. После Великой Отечественной войны на севере продолжали оставаться крупнейшие военно-морские базы для противостояния с США и НАТО, регион также стал крупнейшим рыбодобывателем страны. С распадом СССР, люди, проживавшие на этих территориях оказались в крайне сложном положении.

Подведем итоги. Для России север оказывался то плацдармом для обороны от агрессора, то центром торговли с европейскими странами. Единой политики, направленной на его освоение, выработано не было. Огромные территории остаются крайне малозаселенными и освоеными. Нет и четких ориентиров по развитию севера в будущем. И поскольку эту задачу не решает государство, сделать первые шаги в этом направлении предстоит ученым: историкам, демографам, геологам, политологам и т.д., а также всем людям, не безразличным к судьбе русского севера.

ИСТОРИЯ ШКОЛЫ В ИСТОРИИ ГОРОДА Овчаренко Алевтина Петровна

г. Лодейное Поле, учитель географии, краеведения

Школа – это станция, с которой каждый человек деревни, посёлка или города отправляется в большую жизнь.

История школы перекликается с историей города – это важная частичка большой истории нашего края.

Канона, Мешковичи, Мирошкиничи – это деревни, между которыми рос наш город Лодейное Поле. Этим деревням уже более 500 лет. А город готовится отметить свой юбилей – 300-летие. Это великая дата.

В центре города стоит четырёхэтажное здание старейшей школы № 6 (ныне № 68), которая уже отметила своё 80-летие. Её история перекликается с историей своего города. В 1915 г. через г.Лодейное Поле была протянута железнодорожная ветка Петербург – Петрозаводск. Она была названа Олонецкой железной дорогой по названию губернии, в состав которой входила территория Присвирья. Создавались предприятия, которые обслуживали дорогу.росло количество станций, увеличивалось число семей и детей. Встал вопрос об обучении детей. На каждой станции невозможно построить школу. Было принято решение построить школы в Волхове, Лодейном Поле, Петрозаводске.

Сентябрь 1919 г. В г. Лодейное Поле начинает работать начальная школа-интернат № 6 Олонецкой железной дороги. Школа построена на ул.Железнодорожная. В классе учились дети разного возраста (с 9 – 15 лет). Обучение было не обязательным, но учиться хотели все. Учителя учили детей и учились сами. Вопрос дисциплины не стоял. Метод обучения был бригадным. Книг не было, всё выучивали на уроках. Учебный труд сочетался с физическим. Дети сами выращивали овощи, картофель, старшие заготавливали дрова, топили печи.

Двадцатые годы. По всей стране идёт борьба с безграмотностью. Дети обучали в своих семьях родителей, братьев, сестёр. Учили писать, читать и считать. Под звуки железнодорожных гудков дети уезжали в субботу на свои станции, а в понедельник возвращались в школу. Гимном школы была песня:

*«... Дальняя дорожка,
Поезд летит-летит,
Милая дорожка
К школе 6-ой веди...».*

Трудно было жить, трудно было учиться, но, по воспоминаниям учеников и учителей было интересно. Школа проработала 10 лет. Когда в стране было введено обязательное семилетнее образование, здание начальной школы не могло вместить всех детей. Встал вопрос о строительстве нового здания школы №6. Началось строительство в 1928 году, в нём участвовали не только железнодорожники, помогали городские строители, родители, комсомольцы и пионеры в свои воскресные дни.

1931 год. Первого сентября начинает работать первая средняя школа № 6 нашего края. Улица, на которой было построено самое высокое, светлое здание, получило название Всеобуч. 1-ое сентября - праздник всего города. Поток детей, родителей, гостей с цветами двигался к школе с песнями, улыбками. Каждый, кто входил в здание, любовался высокими лестницами, которые расходились на площадках выше этажом. С балкона третьего этажа зал выглядел более величественнее и светлее (он и сейчас по площади больше всех залов других школ). В зале звучала музыка, завершалась первая школьная линейка. Люди не покидали школу до позднего вечера. Они любовались широкими светлыми коридорами, восхищались своей большой, красивой первой десятилетней школой. Она была гордостью города. В школе более тысячи учеников, самая большая организация, интересная, деятельная комсомолка. В школе отрабатываются новые методы обучения. Шло ускоренное озеленение школы. Комсомольская организация возглавляет внеклассную работу и берёт ответственность за порядок в школе. Устанавливаются связи с предприятиями города, с колхозами района.

1937 год. В школе первый выпуск десятого класса. На последней линейке звучит гимн школы, написанный выпускниками:

*«... Нас школа Лодёного Поля взрастила,
Наставником первым была,
Гражданству и мужеству нас научила,
И в жизнь нам путёвку дала...».*

Всех их объединяло чувство гражданского долга, человеческого достоинства. Так выразился директор школы Пауков Николай Александрович. Главная черта друзей (из воспоминаний): «... потребность к постоянному познанию...», «... умение радоваться, преодолевать неудачи...», «... умение дружить, умение ценить дружбу...». Первые отличники выпускного класса: Рачинский Владимир, в дальнейшем доктор химических наук; Михаэлис Анатолий. Он погиб во время войны.

1937 год вошёл в историю не только школы, но и города, как замечательный первый выпуск десятиклассников. Этот год был и самым печальным. В сентябре были арестованы лучшие школьные учителя. Из десяти, пятеро были расстреляны. Все они реабилитированы посмертно. Видимо, именно в школе в ту пору сосредоточился прогрессивно настроенный цвет общества.

1938 год. Второй выпуск средней школы. В эти годы школа была особенная. В одном здании две школы: общеобразовательная и образцовая. В первой учились дети со средними способностями, а в образцовой - с хорошими и отличными. Ученики могли переходить из одной школы в другую. Были введены и но-

вые методы обучения. В школе процветает спорт, который возглавляет выпускница школы и пионервожатая, затем учитель физкультуры Ермолова Елизавета Александровна. Создаёт солидный школьный хор Якимовский Алексей Алексеевич - учитель пения и рисования. Особый интерес проявляет к музыке и воспитывает в детях чувство красоты. Он делится своим опытом, знаниями в этой области и с коллегами других школ. Школе повезло. В школу приходит Пиотровская Клавдия Васильевна и на общественных началах организует драматический кружок. В дальнейшем выпускники и учителя стали участниками театрального клуба железнодорожников и ДК.

Приближался **1941 год.** В школе два выпускных класса. 19 июня состоялся выпускной вечер. Радости не было конца, а через три дня началась война. Девочки провожали мальчишек на войну. Мальчишки клялись, что всё сделают, чтобы наша страна одержала победу над врагом.

В первый год войны школа становится госпиталем - распределителем. Раненых привозили с Волховского и Тихвинского фронтов. В классах, где была вода, были операционные, в остальных классах - просто палаты. Не хватало тепла, света, лекарств, пищи. Но врачи, медсестры, раненые держались и верили в победу.

Победа пришла.

1944 год. 21 июня - Свирская Победа. В 1945 году начинается первый учебный год в средней школе №6 Кировской железной дороги. В школе более 1200 учащихся. Школа работает в три смены. Директор школы Аксёнов Никита Никитич. Завуч Туде Иван Дмитриевич. Зав. нач. классов Потаевич Екатерина Васильевна. Появилась новая должность учителя - военный руководитель - военрук. Первым военруком был Медведев Л.С. За четыре года школа была полностью восстановлена. В работе участвовали дети, родители, учителя.

50-ые годы. Возрождается спорт, художественная самодеятельность. Устанавливается связь с колхозами. Создаются трудовые лагеря. Под руководством учителей заложен замечательный сад - 360 деревьев, яблони, более сотни кустов смородины. Теплица, крольчатник - любимое место работы малышей. В школе начинается большая краеведческая работа. Походы по родному краю, сбор материала по истории населённых пунктов. Сбор исторического, археологического материала. В школе создаётся краеведческий музей. Он расположен в двух классах. Организаторами его были учитель истории Таранов Виталий Самойлович и Якимовский Алексей Алексеевич. В 1959 году материалы музея передаются в городской краеведческий музей. Часть материала (монеты) передаётся в Петро-заводский музей. Школьный музей был известен в Ленинграде, Эрмитаже.

В 50-ые годы возрождается Сомовский оркестр народных инструментов в ДК, в нём участвуют школьные учителя и ученики. Руководитель - Якимовский А.А. Он возрождает хор малышей и старшекласников. Создаёт танцевальный кружок с балетной группой. Во всех городских праздничных мероприятиях участники этих кружков радовали зрителей песнями, народными танцами. Школьный хор, танцевальный кружок - участники дорожных, областных, районных фестивалей. Грамоты за 1,2-ые места, призы, кубки радовали школьный коллектив.

В 1959 г. школа входит в состав Октябрьской ж. д. и получает новое название № 68 Октябрьской железной дороги.

60-ые годы. В школе процветает спорт. Возглавляет его Ермолова Е.А. и Овчаренко Б.Г. Работает секция по волейболу, баскетболу, художественной гимнастике. А ежегодные вечера «А ну-ка, парни», «А ну-ка, девушки» стали любимыми вечерами не только для учеников школы. Нельзя забыть игры «Зарница». В детских садах, в частях города с нетерпением ждали выступления Кукольного школьного театра.

Гордостью школы был клуб «Приоткрытая дверь в прекрасное» и специализированный педагогический класс. Шудьгин А.М. возглавляет работу по патриотическому воспитанию. В школе проходят походы по военным дорогам Присвирья. Дети видели доты и дзоты, окопы, военные высоты, собирали материалы Свирско-Петрозаводской операции, о памятниках и героях Свирской Победы. Организуются походы по городам-героям Поволжья, Белоруссии, Прибалтики. На собранном материале в школе создается Зал Боевой Славы, где проходят экскурсии, беседы для школьников города. В 1969 году ЗБС школы - член ВДНХ СССР. Затем ЗБС объединился с Залом Трудовой Славы школы, где дети знакомятся с историей школы №68. Руководит этой работой Овчаренко Алевтина Петровна.

70-е, 80-е годы. Директор школы - Белокурова Галина Дмитриевна, Завуч школы Трошина Зоя Петровна. Традицией становятся предметные конференции «Прошлое и настоящее нашего края», «Экологические проблемы Присвирья», «История Октябрьской железной дороги», предметные декады, КВН, увлекательные смотры знаний. Своим опытом учителя школы делятся с коллегами города. По субботам дети ждуг интересные радиопередачи. Усовершенствуется работа Радиоузла. Его создателем, руководителем был учитель физики Яков Борисович Шпигель.

В 80-ые годы в центре деятельности школы была «Литературная гостиная». На занятия приходили ученики, учителя, родители, гости. Первыми организаторами этих мероприятий были Ефимова В.А., Черкасова Н.И., продолжали эту работу Карпук С.Ю., Каныева В.Ю. По изучению нашего края большую работу провела Гехт Т.И., Овчаренко А.П., Максимова Л.В.

90-ые годы. Новое направление - компьютеризация обучения. Первые компьютеры, компьютерные кабинеты, первые уроки информатики для детей появляются в школе № 68. Организаторами этой работы стали директор школы Жулидова М.С. и учитель математики Исакова О.А. Учительский коллектив устанавливает связь специализированного класса с преподавателями Института железнодорожного транспорта и многие выпускники, сдав экзамен в стенах школы, становятся студентами института. Вводятся уроки краеведения в 5-9 классах. Выпускной класс 2000-го года специализировался по математике, физике. В классе было 4 золотых, 3 серебряных медалей, большинство выпускников этого класса поступили в ВУЗЫ.

Позади десятилетия. Анализируя школьную жизнь, можно назвать её своеобразным портретом города Лодейное Поле многих десятилетий, ведь в ней учились столько поколений. Ее выпускники работают во всех школах города директорами и завучами, учителями. Гордостью лодейнополянцев являются «Народный Академический хор им. Якимовского», «Хор ветеранов». Народный Ансамбль песни и танца «Северные узоры», «Млада», «Улыбка», «Радость», Вокально-хоровая студия. 40-летие отметил народный театр города. Истоки всего этого прекрасного были в стенах школы № 6 (ныне № 68).

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ФОНД ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ г. ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ

Огійчук Марина Александровна
г. Лодейное Поле, заместитель директора
Центральной городской библиотеки

«В нынешнем 1894 году местом для этнографических наблюдений я избрал Чудской край Лодейнопольского уезда, Олонейской губернии. Мой путь лежал через Лодейное Поле, город когда-то известный, служивший местом выполнения некоторых гениальных замыслов Петра...» - писал Н. Лесков в Отчете о поездке в Чудской край. Наш городок невелик, не может похвалиться ни развитой промышленностью, ни красотой площадей, казалось бы ничем он не отличается от таких же провинциальных городков, но какая интересная у него история, героическая и трагическая! Кто побывал здесь однажды, навсегда запомнит тихие зеленые улицы, крутые берега Свири, гостеприимство лодейнополянцев, традиционные калитки и моченую бруснику.

Я представляю Центральную городскую библиотеку города Лодейное Поле и расскажу о самом ценном разделе библиотечного фонда - краеведческом. Ценный он не потому, что книги имеют некую цену, а потому что в них - многовековая история нашего края. Краеведением библиотеки занимались и в советский период, но, как известно, были проводниками политики партии в массы. С тех времен сохранились книга Зайцева (1964 г.) о Лодейном Поле, издания военной тематики, партийные издания, старые вырезки из газет, подшивки местной газеты «Ленинская правда» с 1958 г. В последнее десятилетие ушедшего века возник необычайный интерес к своей истории, к возрождению национальной культуры и традиций, желание вернуть утраченные и сохранить вновь обретенные ценности для будущих поколений. В 1996 году к 300-летию Российского флота в районе был объявлен смотр-конкурс библиотек по изучению истории края, сделавший важный шаг в консолидации библиотек, школ, музеев для развития краеведческого движения. Перед Центральной библиотекой как методическим центром встала задача информационного обеспечения изучения истории и культуры края. В отделе обслуживания появилась новая должность - библиотечный краевед, который занимался бы справочно-библиографическим обслуживанием, поисковой работой, формированием документального краеведческого фонда. Благодаря стараниям библиотечной ЦГБ имеет собрание краеведческой литературы различной тематики. Наряду с книгами о Лодейнопольской верфи, о первых кораблях, построенных здесь Великим Петром, появились издания о культуре нашего края, о природе, об известных художниках Поленове, Зенкове, Брюллове, жизнь которых связана с городом Лодейное Поле. В 1997 г. в РНБ были заказаны копии документов, где упоминается Лодейнопольский уезд Олонейской губернии. Все, что мы смогли получить, систематизировали, переплели типографским способом, и теперь в виде сборников они хранятся и используются спросом у читателей библиотеки. Трудно переоценить значимость изданий второй половины 19 в. «Памятной книжки Олонейской губернии», содержащей различные сведения и справочные данные, всесторонние описания населенных пунктов. Немалый интерес представляют исследования 1866 г. в «Очерке Олонейской губернии в историческом, топографическом и промышленном отношении». В фонде вы найдете путевые очерки 1904 г. М.А. Круковского «Олонейский край», «Описание Олонейской губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении» В.Дашкова (1842), издание Олонейского Губернского земства 1910 г. «Материалы по статистико-экономическому описанию

Олонекского края), издание Олонекского Губернского Статистического Комитета 1905 г. «Список населенных мест Олонекской губернии», материалы Ленинградского Губернского статистического Комитета 20-30 гг. XX века. Корреспонденты «Олонекских губернских ведомостей» второй половины 19 века расскажут вам о ловле жемчуга в реках Свирь и Янега, о лесных промыслах, о бедственном положении крестьянства. Листая документы столетней давности, которые имеются в краеведческом фонде Центральной городской библиотеки, можно прочесть немало интересных сведений о том, где и что читали наши земляки. Оказывается, в 1905 году 30 января в нашем городе в доме крестьянина Ивана Титкова после торжественной литургии была открыта народная чайная – читальня Лодейнопольского уездного комитета попечительства о народной трезвости. Протоиреем собора М.Е. Рябовским и членом Петрозаводского окружного суда господином Наумовичем были сказаны краткие речи о целях открытия чайной « читальни. (Олонекские губернские ведомости.-1905.-№15) Соответственно 100-летию Центральная городская библиотека будет отмечать в 2005 году. Кроме того, в нашем крае содержались библиотеки - читальни на ассигнования крестьянских обществ при пособиях земств и попечительств трезвости. На территории сегодняшнего Лодейнопольского района это Заостровская библиотека, заведовал ею священник И. Явосемский. Горожане и сельские жители могли приобрести книги в Книжной лавке, открытой Александро-Свирским братством в г. Лодейное Поле и еще в 11 других населенных пунктах губернии.

В газете «Олонекские губернские ведомости» нередко можно встретить рубрику «Книжная хроника», где читателям предлагалось познакомиться с новинками того времени – книгами из серии «Иностранские беллетристы» - А. Мюссе «Исповедь сына века» и А. Лео «Две истории». К этим произведениям даны подробные аннотации, где разбираются как сильные, так и слабые стороны произведений.

Один из разделов фонда посвящен монастырям и храмам края. Это книги, брошюры, документы, рассказывающие об истории возникновения монастырей, о их современном состоянии. Самый ранний документ, датированный 1874 годом, исторический очерк по документам монастырского архива «Свирский Александров монастырь», содержащий также список настоятелей монастыря, описание раки, присланной царем Михаилом Федоровичем, список московских боярских фамилий, особенно благодетельствовавших Свирской обители при архимандрите Гермогене.

Малой народности, проживающей на территории района, вепсам, посвящен особый раздел фонда. Здесь сборники научных трудов Карельского научного Центра РАН Института языка, литературы и истории « Вепсы: история, культура и межэтнические контакты», издание Санкт-Петербургского Государственного университета «Северно-русские говоры», книги об обычаях, обрядах, праздниках вепсов, о их бытовом укладе, издания на вепском языке, газета «Кодима» на вепском языке, которую нам любезно привозит из Петрозаводска В. Даркичев.

Нужно сказать, что в библиотеке оформлены 38 папок краеведческой тематики, собираются и хранятся реферативные работы студентов, записи со слов старожилов города и сельской местности, самодельные альбомы с фотографиями, иллюстрациями (например «Русский костюм», «Вепсы», «Лодейное Поле – родина балтийского флота», «В.Д. Поленов» и др.), документы органов местного самоуправления и МО. Весь материал проходит библиографическую обработку, занесен в электронный каталог и имеет 5 тыс. записей на краеведческую тему. Сейчас библиограф готовит к изданию библиографический указатель о земле лодейнопольской. Конечно, за несколько лет сделано немало, но недостаточно, для того, чтобы в библиотеке имелись материалы о всех периодах истории края,

недостаточно жанровое разнообразие литературы, работа по формированию фонда ведется не систематически. Причин много, основная - отсутствие финансирования краеведческой деятельности, у библиотеки нет денег ни на поездки в архивы, в библиотеки Карелии, Санкт-Петербурга, ни на приобретение книг, документов. Разовые случайные покупки нужной нам книги мы считаем великим праздником. Беспокоит тот факт, что об истории Лодейного Поля не встретишь информации в доступной нам прессе. Это связано с тем, что наш район - в прошлом, Лодейнопольский уезд, принадлежал Олонекской губернии, теперь республике Карелия, там находятся архивные документы. Поэтому и в областных изданиях не упоминают о наших территориях. Конечно же многие документы погибли во времена Октябрьского переворота, годы репрессий, в пожарах Великой отечественной войны. Мы не научные работники, не исследуем какую-то узкую краеведческую тему, ни в коей мере не претендуем на абсолютную полноту фонда исторических документов, нам это не доступно, и цели такой мы не преследуем, но мы библиотекари, наша задача - сохранять, накапливать и предоставлять в пользование литературу о нашем крае, богатом традициями и славными людьми, рассказывать молодому поколению о том, кто они, откуда пришли, кто их предки, поддерживать их самосознание и сопричастность такому понятию как РОДИНА.

Будем безмерно благодарны всем, кто предоставит любую информацию, касающуюся истории края Лодейнопольского.

Наш адрес: 187710, г. Лодейное Поле Ленинградской области, ул. Ленина, 14. Тел. 2-50-78. E-mail: publib@karelia.ru. Директор ЦГБ: *Крылова Нина Васильевна*.

МЕТАФИЗИКА РУССКОГО СЕВЕРА В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Орехов Андрей Михайлович

г. Москва, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета Дружбы Народов

Русский Север покорила души многих российских поэтов, активно работавших во второй половине прошлого столетия. Многие из них в этом смысле проявили себя наследниками Ф.И.Тютчева, восклизовавшего в далеком XIX веке:

*О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?*

Безусловно, восприятие Севера при этом было различным: одни поэты делали больший акцент на описании *зимнего* Севера (изображая, к примеру, *северное сияние*), другие красочно обрисовывали *летний* Север; одни сосредоточивали свое внимание на описании *ночи* и, как правило, *белой ночи*, другие, наоборот, отдавали предпочтение хлопотливому *северному дню*; одни обрисовали суровый быт северян, другие акцентировали свое внимание на описании северной природы, т.д. Прикосновение к суровой по своей красоте северной природе рождало у поэта необычное поэтическое чувство, зачастую обостряло у него нравственное восприятие окружающего мира и заставляло по-особому посмотреть и на внутривечеловеческие отношения.

Подобное ощущение, например, выразил в своих стихах Варлам Шаламов:

*Я северянин. Я ценю тепло,
Я различаю, где добро, где зло.*

Разнообразны в русской поэзии второй половины XX века и географические топонимы русского Севера. Кроме самого понятия «Север», чаще всего встречаются имена Белого моря с его главным архипелагом, двух крупнейших северных озер, некоторых рек и городов: «Беломорье» («Белое море»), «Соловки» («Соловецкие острова»), «Ладога» («Ладожское озеро»), «Онега» («Онежское озеро»), «Северная Двина», «Печора», «Архангельск», «Мурманск». Все эти и некоторые другие имена стали у поэтов своеобразными символами русского Севера, и упоминание любого из них в стихотворении моментально вызывает у читателя образ Северной Руси.

*И пускай за дверью бродит холод,
Погрузи у печки, при огне,
И спюю, что был когда-то молод
И гулял по Северной Двине.*

(Н.Тряпкин)

*На меня надавгаслась темнота переулков,
И архангельский дождичек меня моросил.¹*

(Н.Рубцов)

Попробуем также выделить основные архетипы (паттерны) в восприятии Севера русскими поэтами второй половины XX века. Эти архетипы, на наш взгляд, и составляют то, что можно назвать «метафизикой» русского Севера.

Первый из них включает в себя два пересекающихся между собой образных ряда: «день – ночь» и «белый – черный». Это связано с тем, что на Севере в разгар зимы и в разгар лета стирается разница между различными частями суток, что совершенно необычно для человеческого организма с привычным для него циклом «день – ночь», традиционно воспринимаемым как «белое (светлое) – черное (темное)». «Белая ночь» и «полярная ночь» – два ключевых определения Севера в русской поэзии².

Важнейшую роль в восприятии летнего Севера играет образ «белой ночи». «Белая ночь» стала своего рода символом русского Севера и редкий поэт не обойдется без стихотворения с таким названием или хотя бы не упомянет ее в одном из своих стихотворений.

Что подчеркивается при этом в восприятии белой ночи?

Она навевает на поэтов ощущение своеобразного *поэтического тумана*, в котором расплываются все очертания предметов, вещи размываются и переходят в друг друга или, говоря более философски, находятся в состоянии *вечного становления*. Явь и сон также теряют границы, небытие соприкасается с бытием, субъект становится неотделим от объекта. Такое состояние рождает у поэта чувство тревожности и даже некоторой растерянности перед аморфностью Мира. Парадокс отчасти заключается в том, что человек как существо, *боящееся темноты*, одновременно боится и *отсутствия привычной ему темноты*. Отсутствие темноты также рождает страх и ввергает поэта в меланхолическое и даже отчасти депрессивное состояние. Если обычная *черная ночь* рождает *сон*, то *белая ночь* при этом весьма часто ассоциируется с *бессонницей*.

Особенно хорошо это выразил Е.Евтушенко:

¹ Подчеркивания сделаны нами – А.О.

² Хотим обратить внимание на то, что «черную (темную) ночь» на Севере называют именно «полярной ночью», тем самым избегая лишней раз употребить мрачный эпитет «черный».

*Белые ночи – сплошное «быть может» ...
Светится что-то и странно тревожит –
Может быть, солнце, а, может, луна ...*

*...
Чудится мне у причала невольно:
Чайки – не чайки, волны – не волны,
Он и она – не он и она:
Всё это – белых ночей переливы,
Всё это – только наплывы, наплывы,
Может, бессонницы, может быть, сна.*

Похоже воспринимает белую ночь Н.Тряпкин. Но для него в описании белой ночи более характерно состояние некоей умиротворенности этим явлением природы:

*Только птичьи караваны
Судам покоя не дают,
И только белые туманы
Вдали, как айсберги, плывут.
И всё так призрачно одето
И так по-странному светло,
Как будто тени стали светом
А утро в сумрак перешло.*

Описание северного дня и ночи очень часто дополняется описанием погоды. Здесь фигурируют ветер, солнце, пурга, метель, дождь и т.п.

*Ты гуляй, гуляй, ветер северный,
По Руси великой, по северной!*

(Н.Тряпкин)

Второй архетип мы хотели бы связать с описанием северной природы: реки, озера, моря, деревья, звери, птицы, болота и т.д. и т.п.

Здесь характерная черта русского Севера, подчеркиваемая поэтами – «изобилье», «богатство», «приволье»:

*За весельем изобильем
В наши северные страны!
Прилетайте, эскадрильи!
Прильвайте, караваны!
Чтобы только – без разбоя!
Чтобы только – без обмана!*

(Н.Тряпкин)

Русский Север в этом случае своим «изобильем» и «необманностью» неявно противопоставляется «бедному» и «обманному» Югу (или Центру?). Вместе с тем Север может быть и «неярким», «хмурым» и даже «мрачным». На первый план в описании Севера тогда выходят серые, темные или (зимой) белые цвета. Так, например, у Н.Рубцова:

*Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой неплодистой земли.*

Но все же во многих случаях тот или иной русский поэт как бы «не соглашается» с таким «узким», «серым» описанием северной природы – особеннолетней. Он как бы ярко «раскрашивает» ее, разнообразит ее палитру, придает ей весеннюю пестроту и свежесть.

Красочно, необычно ярко, подает тему северной природы Н.Тряпкин в своем знаменитом стихотворении «Летела гагара»:

*Летела гагара
Над мохом зеленым,
Над синей водой.*

В изображении северной природы у других поэтов неожиданно входит запах весеннего цветения:

*Под северным холодным небом
Июнь черемухой пропах.*
(С.Щипачев)

Артефакты как «следы», оставленные человеком, также вторгаются в поэзию русского Севера. Это могут быть корабли, подъемные краны, порты, пристани, а также что-то, на первый взгляд, не очень и значительное: старая лодка, догнивающая на берегу; ржавеющий под дождями и ветрами якорь; скрипящие под сапогами доски старого причала и т.п. Спокойная северная природа достаточно мирно уживается с этими артефактами, последние легко вписываются в ее покой и по-своему гармонично дополняют его. Лишь иногда Север как бы *враждует* с миром человеческих предметов и даже немного *гневется* на человека за непрошенное вторжение в его свободную стихию.

Например, именно так, немножко иронично, подается эта тема у В.Сухановой в ее стихотворении «Беломорье», где лирическая героиня поэтессы подвергается нашествию буйной беломорской стихии после оставления ею слндов на морском берегу:

*И море буйное в припадке
Слизнет студеным языком
Следы моей прогулки краткой,
Разбросанные в беспорядке
На диком берегу морском.*

Таким образом, сущность Русского Севера в российской поэзии второй половины XX в. схватывается и исследуется при помощи самых разнообразных паттернов. Русская северная природа оказывает особое «терапевтическое» воздействие на душу поэта, позволяет ему ближе ощутить свое единение с русской природой вообще и наполнить новым смыслом свои вирши. Дальнейшее изучение «метафизики Русского Севера», выраженной как поэтически, так и прозаически (здесь, как известно, непревзойденным мастером остается Ю.Казаков), на наш взгляд, будет иметь большое значение для постижения северной русской истории, философии и духовной культуры в целом.

КАРЕЛИЯ: ОТСТАЛАЯ ОКРАИНА РОССИИ ИЛИ ПЕРЕКРЕСТОК ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ*

Пашков Александр Михайлович

*г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, доцент
Петрозаводского государственного университета*

В истории мировой культуры Карелия занимает почетное место. Именно здесь были сделаны первые и самые значительные записи карело-финских рун и русских былин. Самым знаменитым краем рунопевцев считается село Вокнаволоок (Вуоккинниеми) и Вокнаволоцкая волость в Северной Карелии. Создатель «Калеваль» Элиас Леннрот писал: «Богатейшим песенным краем является волость Вуоккинниеми в Беломорской Карелии. К востоку от нее в сторону Юшкозера и Панозера, к северу в сторону Топозера и Пяозера руны сохранились намного хуже. Лучшие они сохранились, начиная с Репола и Гимола, ... затем в Иломантси, Суояяр-

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект N 01-01-49004 а/с

ви, Суйстамо, Импилахти, Сортавале и далее вдоль западного Приладожья к Ингерманландии, где калевальские руны еще помнят, хотя и с изъяснами»³.

Впервые посетив Вокнаволоок в сентябре 1829 года Э.Леннрот (которого его русские друзья называли Илья Абрамович) сразу встретил там двух выдающихся рунопевцев Онтрея Малинена и Ваасилу Киелевийнена. Только от О.Малинена собиратель записал 806 строк рун. Но самого выдающегося сказителя Архиппу Перттунена, названного затем «королем рунопевцев», Э.Леннрот встретил только в апреле 1834 года. От А.Перттунена было записано 4124 строки рун.

На основе 40 тысяч строк народных рун, собранных в пяти поездках по Беломорской Карелии в 1828-1834 годах, Э.Леннрот подготовил первое издание поэмы «Калевала». В феврале 1835 года текст поэмы, состоявший из 12.078 строк, был готов и в этом же году книга увидела свет.

В апреле 1835 года состоялось новое посещение Э.Леннротом Вокнаволока. В 1849 году Э.Леннротом была опубликована вторая, расширенная версия поэмы «Калевала», состоявшая из 22.795 строк. После этого началось триумфальное шествие «Калеваль» по всему миру. Первое полное издание «Калеваль» на русском языке, подготовленное Леонидом Бельским, появилось в 1888 году. В наше время петрозаводские ученые Эйно Киуру и Армас Мишин опубликовали новый перевод поэмы на русский язык. К 1985 году «Калевала» была издана полностью или в сокращении на 120 языках мира⁴.

В 1859 году в Петрозаводск был сослан выпускник Московского университета П.Н. Рыбников. В мае 1860 года он впервые услышал исполнение былин и летом этого года впервые посетил Кижскую волость, где сделал записи былин от Леонтия Богданова, Трофима Рябинина, Козьмы Романова, Василия Шеголенка и Прасковьи Юховой. После этого П.Н. Рыбников еще дважды, в сентябре 1861 и в январе 1862 года, посетил Кижь, записывая былины от Терентия Иевлева и Семена Корнилова. Только от одного Т.Рябинина он записал 23 былины или около 5 тысяч строк. О распространении былин П.Н.Рыбников писал: «В Олонечском крае былины сохранились между русским населением уездов Петрозаводского, Пудожского, Каргопольского и в ... той части Повенецкого, которая прилегает к Пудожскому побережью, (там) старины очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народом. Во всех этих местностях каждый крестьянин знаком с содержанием былин и именами некоторых богатырей»⁵.

В 1861 году появился первый том знаменитого издания «Песни, собранные П.Н.Рыбниковым». До 1867 года было опубликовано еще три тома «Песен», ставших первым обобщающим изданием русского героического эпоса. Так была открыта «Исландия русского эпоса»⁶.

³ Леннрот Э. Из предисловия к «Калевале» (1849) // Калевала. Петрозаводск, 1985. С.32.

⁴ Подробнее о «Калевале» и Э.Леннроте см.: Сто лет полного издания «Калеваль». Труды юбилейной научной сессии. Петрозаводск, 1950; «Калевала». Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1985 (перевод Л.П.Бельского); «Калевала» - памятник мировой культуры. Материалы научной конференции. Петрозаводск, 1986; Мишин А.И. Путешествие в «Калевалу». Петрозаводск, 1988; Карху Э.Г. Элиас Леннрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996; Леннрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен. Петрозаводск, 1998 (перевод Э.С.Киуру и А.И.Мишина).

⁵ Рыбников П.Н. Записки собирателя // Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т.1. Петрозаводск, 1989. С.81-82.

⁶ О былинах и П.Н.Рыбникове см.: Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. Т.1-3. Петрозаводск, 1989-1991; Чистов К.В. Русские сказители Карелии. Петрозаводск, 1980; Жил в Кижской волости крестьянин. СПб., 1995 (автор и составитель Н.А.Криничная).

Возникает вопрос - почему два величайших явления народной поэзии - карело-финские руны и русские былины сохранились не в местах их возникновения и не там, где находились основные центры расселения создавших их народов? Русские былины воспевают киевских богатырей и новгородских купцов, но и в Киеве, и в Новгороде они были забыты, также не сохранились руны и в прибрежных районах Финляндии. Руны и былины бытовали на территории Карелии, причем в относительно близком соседстве. Расстояние от Вокнаволока до Кижей составляет примерно 400 километров.

Этому феномену есть несколько объяснений. Для Финляндии Беломорская Карелия была далекой, оторванной от цивилизации периферией. Точно в таком же положении была и Карелия для центральной части России - сначала для Новгородской республики, затем Московского государства и, наконец, Российской империи. Периферийное положение Карелии обусловило как негативные черты ее развития (малая численность населения, слабое экономическое развитие), так и некоторые позитивные явления. К их числу можно отнести почти полное отсутствие в Карелии крепостного права. Это означало, что у местных крестьян в отличие от их собратьев в центральной России сохранилась определенная свобода, благодаря чему крестьяне Карелии сохранили высокие морально-нравственные принципы, развили предприимчивость и творческое начало и сберегли богатое фольклорное наследие.

Другим позитивным аспектом периферийной удаленности явилось широкое распространение в Карелии с конца XVII века специфического религиозного движения в русском православии - старообрядчества⁷. Наряду с разногласиями по чисто религиозным вопросам старообрядчество отличалось от православия более бережным отношением к прошлому, к старине, хотя и боролось против нерелигиозных форм устного народного творчества, включая былины и руны. Поэтому крупнейшие центры бытования фольклора находились в местах преобладания старообрядческого населения, неподалеку от старообрядческих монастырей, но не в непосредственной близости от них. В 130 километрах от Вокнаволока на одном из островов озера Топозере находился Топозерский старообрядческий скит, а в 130 километрах к северо-востоку от Кижей - знаменитый старообрядческий монастырь Выговская поморская пустынь.

Положение Карелии как отдаленной окраины России имело и еще один позитивный аспект. На протяжении нескольких веков, с начала XVII века до 1918 года, Карелия практически была избавлена от опустошительных войн и иноземных вторжений на свою территорию. Это тоже позволяло сохранять в памяти народа предания о временах и героях далекого прошлого. На Украине предания о киевских богатырях не сохранились во многом из-за бурной военной истории этого края. Там вместо забытых былин о богатырях кобзари пели думы о борьбе казаков против поляков и крымских татар.

Еще одной особенностью Карелии, позволившей именно здесь сохранить фольклорные богатства русского и финно-угорского этносов, стало ее пограничное, маргинальное положение. Карелия уже около 700 лет является зоной контактов между славянами и финно-уграми. По крайней мере с XIV века русские и карелы живут здесь бок о бок. При этом нужно отметить высокую толерантность обоих этносов. На протяжении всего периода контактов, вплоть до начала XX века исторические источники не зафиксировали ни кровавых межэтнических

⁷ Подробнее о старообрядчестве на территории Карелии см.: Пашков А.М. Старообрядческие поселения северо-запада России в 1700-1917 годах // История и география русских старообрядческих говоров. М., 1995. С.93-101.

столкновений, ни бурных восстаний карел против русского господства. Известный специалист по истории Древней Руси академик Д.С.Лихачев отмечал: «Мирное соседство русских и карельских деревень на севере в течении десятилетия - факт очень показательный. Соседство с русскими мери, веси, ижоры и т.д. не было окрашено кровопролитиями»⁸.

Это мирное сосуществование привело к двум важным последствиям. Постоянное общение с представителями другого этноса укрепляло собственное национальное самосознание и способствовало сохранению национальных традиций и культур. Можно сказать, что руны и былины были формой выражения этнического самосознания, а межнациональные контакты способствовали сохранению и умножению фольклорного наследия.

Массовое заселение славянами территории Карелии началось в середине XIV века, когда произошли глобальные изменения климата и циклоны, несущие с запада на восток тепло и влагу на два столетия передвинулись к северу. На севере стал вырывать хлеб и это вызвало заселение северных просторов, включая и Карелию, русскими крестьянами. Они научили карелов, появившихся на этих землях немного ранее, приемам земледелия, а сами заимствовали от них местные способы охоты и рыболовства.

Займствования имели место не только в быту, но и в фольклоре. П.Н.Рыбников вспоминал, что он лично знал двух южных карел, знавших русские былины, а также «слышал об одном старике карельяке из Святозера, который будто бы помнит много былин»⁹. Знание отдельными южными карелами русских былин свидетельствует о большом воздействии на них русской культуры.

Однако в южной Карелии происходил и обратный процесс. Дореволюционный фольклорист В.Н. Крохин, карел из Святозера, окончивший Духовную академию в Петербурге, опубликовал в 1910 году в журнале «Русская старина» статью «Откуда ведет свое начало былина о Садко - богатом госте»¹⁰. В этой статье он попытался доказать на основе анализа содержания нескольких карельских сказок, собранных им в Янгозере и Сямозере, что былина о Садко возникла под влиянием сказки о встрече Вийнемаяйна и подводного царя.

Итак, на относительно небольшой территории Карелии в течении многих веков поколения людей, славян и финноугров, бережно хранили, передавая из уст в уста, богатейшее фольклорное наследие - русские былины и карело-финские руны. Для жителей Карелии, потомков рунопевцев и сказителей, это духовное наследие является основой для дальнейшего развития добрососедства и взаимобогащения двух культур на севере Европы на современном этапе.

⁸ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1984. С.39.

⁹ Рыбников П.Н. Указ. соч. С.82. Прим 48.

¹⁰ Крохин В.П. Откуда ведет свое начало былина о Садко - богатом госте // Русская старина. 1908. № 12. С.743-754. Подробнее о В.П.Крохине см.: Пашков А.М. Олонечская духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С.54-55.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Пивов Василий Михайлович

г. Петрозаводск, доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой культурологии
Петрозаводского государственного университета

Особенностью современного сознания в нашем обществе является кризис идентичности, глубоко переживаемый Россией и каждым россиянином. Речь идет об индивидуальной идентичности, и о групповой. Еще вчера большинству из нас было вполне ясно, кто мы такие, каковы наши цели и задачи. Сегодня это большинство пребывает в растерянности и задает и себе, и времени вопрос: кто мы такие и что мы строим? каковы цели, которые мы пытаемся достичь? или же наше движение в будущее осуществляется безо всякой цели и плана?

Причины кризиса идентичности связаны с разрушением оснований и ценностей советской идентичности и утратой связей с традициями российского государства. Но россияне вообще, а северяне особенно болезненно относятся к разрушению традиций. Разумеется, автор не ратует за абсолютизацию традиции в духе Рене Генона. Наш северный регион является в силу исторических причин «Исландией русского эпоса». Можно назвать следующие причины того, что Север стал великолепным хранилищем традиционных ценностей русской и карельской народной культуры:

1) суровый климат, экстремальная обстановка требовали неспешности, неторопливости, прочности и неизменности, заставляли придерживаться традиционных форм поведения;

2) страх перед новым, неизвестным заставлял держаться за старые традиционные ценности, которые гарантировали хотя бы минимальные положительные результаты в решении жизненных проблем;

3) превращение в XIX веке Севера в провинциальную окраину русского государства, подстоличную «сибирь», предохраняло от изменений духовные ценности северян;

4) отсутствие крепостничества позволило сохранить уважение к себе и ценностям своей культуры, полноценную культурную идентичность;

5) на территории Олонецкой и Архангельской губерний сосуществовали различные культурные традиции (карельская, вепская, саамская и русская), которые, «глядя друг на друга», отстаивали свою самобытность, усваивая все лучшее от соседней культуры;

6) участие старообрядцев в духовном развитии северян усиливало тяготение к традиционности.

Проблемы идентификации привлекают в последние годы пристальное внимание западных ученых. Идентификация (*lat. identificatio* — отождествление) имеет различный характер и смысл. В психологии идентификация рассматрива-

¹ См.: Identity and the life cycle. Selected papers by E. Erikson. N. Y., 1959; Levita D. J. de. The Concept of Identity. Paris, 1965; Identität (ed. O. Marquard, K. - H. Stierle). München, 1979; Hauser K. Identitätsentwicklung. N. Y., 1983; Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С. 112—123.

ется как установление тождественности индивида какому-либо образу или объекту, в теории познания — как опознание изучаемого объекта и вписывание его в систему знаний, в семиотических отношениях — как установление тождества между знаком и значением.

Идентификация себя есть способ и форма самоосвоения через сопоставление «своего» и «чужого», и она решает следующие задачи:

— самопонимания (ответ на вопрос: «Кто я такой и каковы мои отношения с миром? На кого я похож и чем отличаюсь от «чужих»?»), которое создает опору для самосознания, рефлексии сознания как знание о ценностях;

— поиска оснований для самоуважения и уважения со стороны окружающих (ответ на вопрос: «За что меня могут и должны уважать?»);

— обнаружения оснований для планирования любых форм деятельности: пока мы не уяснили своих возможностей, трудно строить реальные планы, рассчитанные на успех;

— усвоения ценностей того объекта (образа), с которым отождествляется субъект;

— различие мотивации субъективно-внутренней («хочу») и объективно-внешней («должен»);

— поиски средств сохранения своего «Я» или изменения идентичности и защиты от «чужого» мира.

В культурологии идентификация считается одной из важных категорий, ибо является опорой культурного самосознания человека и группы. Она многопланова и многомерна:

1) мифологическая самоидентификация рассматривает человека как тождественного миру: «мир есть «Я», а я как — разумное существо», а затем происходит обнаружение фундаментальной ценностной оппозиции «своего» и «чужого» («мир есть Ты», позднее — «мир есть Оно»);

2) возрастная, производимая периодически при возникновении расхождений реального возраста и представлений о себе;

3) гендерная идентификация заключается в усвоении представлении о себе как представителе соответствующего пола и присвоении (овладении) соответствующих форм поведения;

4) профессиональная, производимая по мере формирования профессиональных качеств;

5) социально-ролевая и престижная самоидентификация, направленная на социальное самоопределение и самоутверждение;

6) этническая (и национальная).

Идентификация индивида двупланова: это идентифицирование себя с группой и выделение из группы, сохранение неповторимой индивидуальности. Последнее очень важно, потому что со времен Сократа вопрос о сущности вещей обычно сводится к обнаружению общего в различном. Но для историка этого недостаточно. Вот почему В. Дильтей и другие представители «философии жизни» обращали внимание на *индивидуализирующий* подход в осмыслении сущности исторических личностей и событий, который должен дополнять *генерализирующий*.

Идентификация культурно-групповая имеет схожий характер, здесь идет речь о различении «своих» от «чужих» на основании набора критериев, включающих в себя отношения со средой, с культурными традициями, с другими со-

циальными группами, основу для самоуважения, специфичный менталитет и доминирующую систему ценностей.

В культуре человечества можно обнаружить как черты метакультуры, или культуры общечеловеческой, так и элементы национальных культур, служащие основанием для идентичности. Как писал Н. И. Конрад, «каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через их историю. История человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»². Об этом же писал А. С. Хомяков, что всякая истина имеет сложный и многосторонний характер, поэтому каждый народ не может осмотреть ее со всех сторон сразу, «иная сторона или отношение иному народу недоступны по его умственным способностям или не привлекают его внимания по его душевным склонностям... Общечеловеческое дело разделено не <по> лицам, а народам: каждому своя заслуга перед всеми, и частный человек разрабатывает свою долю в великой доле своего народа»³.

Почему «своих» можно не опасаться, но быть настороже при контактах с «чужими»? Как «осваивать» «чужих»? Напомним, человек осваивает мир, создает картину мира сначала в воображении как аналог природной ниши, которую он занял, но эта картина мира мифологически и ценностно переосмысливается как образ идеальной среды, в соответствии с которым он преобразует реальность для обеспечения фундаментальных жизненных потребностей безопасности и пропитания. Среди способов культурного освоения «чужих» необходимо выделить: дарение (обмен дарами); совместную трапезу; совместную деятельность; взаимопомощь; диалог культур.

Попытки рассмотреть некоторые аспекты идентификации предпринимает автор вместе с коллегами в ходе конференций по проблеме «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера, проводимых в последние годы в Петрозаводске (1997, 1999, 2001)⁴. Наше понимание важнейших терминов заключается в следующем: *этнос* — это народ, осознавший свою идентичность, ответивший на три вопроса: кто мы такие и чем отличаемся от других, «чужих»? за что нас могут и должны уважать? как нам сохранить свое достоинство? В результате исследования особенностей этнической идентификации нами были предложены семь критериев, по которым можно определить своеобразие культуры любого этноса и идентичность каждого его представителя:

- «почва» (природная среда, вмещающий и кормящий ландшафт);
- «кровь» (антропологические черты: цвет кожи, форма носа, разрез глаз);
- язык (как «дом бытия») (М. Хайдеггер), как средство осмысления и выражения смысловой, ценностной картины мира);

² Конрад Н.И. О смысле истории // Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. С. 454.

³ Хомяков А.С. Разговор в Подмосквонной // Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 269-270.

⁴ См.: «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 1997; «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 1999; «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2001.

- менталитет (культурно-психологические стереотипы и обычаи поведения);
- художественная культура (искусство, праздники);
- быт (особенности кухни, одежды, оформления жилища);
- мифология (система ценностей и надежд, лежащая в основе идентификации)⁵.

Национальная идентичность определяется по аналогичным критериям, но с существенной оговоркой. По нашей дефиниции, *нация* — это народ, осознавший свою идентичность и защищающий себя с помощью государства. Нация формируется на основе титульного для данного государства этноса, который подчиняет и ассимилирует другие этносы. Национальная культура опирается на поддержку государства и становится его «визитной карточкой» и основой идентичности. В национальной идентификации мы выделяем следующие критерии:

- территория с определенными границами;
- суверенитет, легитимность, признание нации высшей ценностью;
- единое культурное пространство и язык;
- национальная идея, самосознание и самоуважение;
- дух нации, менталитет и религия;
- традиции культуры, праздники и профессиональное искусство;
- символика государства: флаг, герб, гимн;
- национальный миф об исторической судьбе и предназначении нации.

В Карелии в силу исторических причин единая национальная культура не сформировалась. Русификация карелов и вепсов, к счастью, не была доведена до конца, с 1980-90-х годов началось возрождение культуры этих народов. Они получили статус национальных культур, поскольку государство оказывает им поддержку.

В процессе исследования национальных проблем нередко пытаются свести дело к однозначным рациональным критериям и смыслам, что неизбежно приводит к противоречиям и недопустимым искажениям. Вот почему автор является одним из инициаторов разработки методологии гуманитарного знания, которая должна более адекватно ответить на современные потребности осмысления истории и современности и помочь россиянину решить проблему идентичности⁶. Попытку применить эту методологию автор предпринимает, осмысливая итоги XX столетия, при этом возникает потребность переоценки ценностей, движения на первый план новых ценностных ориентиров, которые должны заменить прежние ведущие ценности⁷.

В процессе формирования национальной культуры, который в норме происходит на этапе перехода от аграрного к индустриальному обществу, эта национальная культура складывается на основе титульного этноса, который превращается в нацию, так как использует механизмы государства для защиты своих ценностей, которые названы выше. При этом титульная нация стремится ассимилировать этнические меньшинства, так как они препятствуют полноценному формированию национальной однородности, которая соответствует требованиям экономики для беспрепятственного развития рыночных отношений. По опре-

⁵ Пивов В. М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре // «Свое» и «чужое» в культуре: Сб статей. Петрозаводск, 1998. С. 16.

⁶ См.: Пивов В. М. Рациональное и иррациональное в гуманитарном знании // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 2000. С. 7—27.

⁷ Пивов В. М. Прогноз переоценки системы ценностей на рубеже XX и XXI веков // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. С. 98—115.

делению Э. Геллнера, национализм есть стремление к совпадению границ нации и государства⁸. И речь идет именно о титульной нации. Любые другие этносы, встающие на пути нации в границах данного государства, рассматриваются как конкуренты и враги, подлежащие уничтожению с использованием трех способов: *ассимиляция* (поглощение малых народов и стирание своеобразия их культуры), *депортация* (полное выселение инородцев) и *геноцид* (полное или массовое истребление инородцев). В редких случаях эта борьба происходит безболезненно и приводит к компромиссным решениям (Финляндия: шведы и финны; Швейцария: немцы, французы, итальянцы). В абсолютном большинстве случаев такая борьба приводит к национальным противоречиям и болезненным конфликтам вплоть до продолжительных гражданских войн и неугасающих столетиями очагов нестабильности.

Конечно, титульная нация в процессе ассимиляции впитывает в себя некоторые элементы включаемых в неё малых народов, но все же они (эти ассимилируемые этносы) неизбежно утрачивают свою идентичность, что для них и для всего человечества является невосполнимой потерей.

Национальные процессы в Карелии в XX веке сопровождалась сложными коллизиями. В XIX веке, когда карелов в Олонецкой губернии было большинство, начался процесс создания письменности для карелов, были осуществлены переводы книг Нового завета на карельский язык, осуществлялось преподавание карельского языка в Олонецкой духовной семинарии. Но в связи с тем, что перевод был выполнен на одном из диалектов без учета особенностей других диалектов, а единого карельского языка еще не было, эта работа затормозилась. Такая работа была совсем прекращена после того, как однажды к генерал-губернатору Минишкому кто-то из крестьян обратился с вопросом на карельском языке. Тот пришел в бешенство и приказал запретить разговаривать с карелами по-карельски. Началась русификация карелов. В начале XX века карелов в Олонецкой губернии было уже меньше половины.

После установления Советской власти и создания Карельской трудовой коммуны в ее руководстве оказались северные карелы и финны. Решая вопросы государственного строительства, они утвердили в качестве государственных языков русский и финский как языки, имеющие письменность и отвечающие задачам государственного развития. Северные карелы не возражали, так как они-то финский вполне понимали, поскольку в свое время северокарельский диалект принимал важное участие в процессе формирования финского литературного языка. Потом в руководство Карелии пришли представители южных карелов и заявили, что финский — чужой язык, и нужно восстановить в правах карельский язык, создать письменность. Была начата активная работа по созданию азбуки и грамматики, переводились и публиковались на карельском языке (на основе русской графики) русские народные сказки и другие книги. Было сделано многое, но карельский язык не был достаточно развит и не справлялся с функциями государственного языка. Спустя некоторое время этих руководителей Карелии отстранили и обвинили в национализме. У советского руководства возникла идея захвата Финляндии и подчинения ее Карелии. Вот почему Карельская трудовая коммуна была преобразована в Карело-Финскую советскую социалистическую республику. Снова был введен финский язык в качестве второго государственного языка. Но финны дали советской агрессии достойный отпор, и замысел создания Карело-Финской республики провалился, поэтому после второй мировой войны республика была переименована в Карельскую автономную респуб-

⁸ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 5, 23.

лику. Финский язык по инерции еще преподавался в некоторых школах, но потом карелы снова стали говорить, что надо восстанавливать карельский язык в своих правах. Работа активизировалась в 1980-х годах, а в 1990-х годах в Петрозаводском университете была создана кафедра карельского языка и начата активная работа по подготовке учебников, грамматики на основе латинской графики, учителей карельского языка. Одновременно был предложен законопроект об утверждении карельского языка вторым государственным языком. Противники этого законопроекта говорили, что язык еще не готов к принятию на себя роли государственного, но сторонники возражали, что принятие закона позволит обеспечить развитие языка и он сможет выполнять функции государственного. При голосовании в Законодательном собрании проекту не хватило нескольких голосов до утверждения, хотя работа по развитию языка сегодня продолжается. Ведется подобная же деятельность по развитию вепсского языка и культуры.

Но в то же время в последние годы в Карелии произошли странные переименования: республиканская государственная публичная библиотека стала называться «Национальной библиотекой», Государственный банк стал именоваться «Национальным банком Республики Карелия», а Финский национальный театр — «Национальным театром Республики Карелия». Возникает вопрос: о какой нации идет речь? о русской, карельской, финской или вепсской? Ведь единой нации в Карелии нет, как нет единой национальной культуры. Когда подобные переименования были произведены в России: Библиотека им. Ленина стала называться «Национальной библиотекой», а Государственный банк — «Национальным банком», — такие переименования имеют смысл, поскольку «государственный» и «национальный» здесь синонимы. Но в Карелии такие переименования чреваты провоцированием национальных противоречий.

Можно предположить, что такие ошибки в Карелии были допущены из-за недостаточной разработанности в теории этих вопросов, из-за отсутствия ясных и четких представлений о соотношении этноса, нации и региона, из-за недостаточного учета специфики культурного развития нашего региона. Думается, очевиден факт, что в Карелии нет *национальной культуры Республики Карелии*, но есть *национальная культура русских, национальная культура карелов, национальная культура финнов, национальная культура вепсов* и других народов, а единой национальной культуры Карелии нет, и создавать ее не нужно. В нашей республике в силу исторических причин единая нация не сформировалась, хотя с конца XIX века и велась последовательная и настойчивая работа по русификации карелов и вепсов путем ассимиляции, в результате чего карелов и вепсов осталось в республике так мало.

Сегодня отношение к культуре малых народов изменилось, и начата работа по восстановлению, сохранению и развитию языка и культуры карелов и вепсов, поскольку общество поняло, что каждый этнос представляет собой уникальную ценность общечеловеческого значения. Утрата культуры любого малого народа рассматривается как невосполнимая потеря для всего человеческого сообщества. Не случайно, ЮНЕСКО выделяет немалые средства для поддержки этой деятельности по сохранению культуры малых этносов. Этому позитивному процессу противоречит то, что было сделано на уровне Республики Карелия. Можно только надеяться, что эта ошибка является не результатом сознательной национальной политики, а неосознанного копирования федеральных решений, однако эти переименования чреваты обострением межнациональных противоречий, поэтому разумнее ее пересмотреть и исправить.

Процесс формирования единой национальной культуры Карелии, если им заниматься последовательно, может привести к нивелированию, стиранию раз-

личий между этническими культурами, существующими в Карелии и вызвать обострение национальных противоречий. И тогда Карелия утратит социально-политическую стабильность и будет вовлечена в пучину национальных противоречий, и, соответственно, потеряет привлекательность для инвесторов. Вот почему представляется неактуальным продолжать деятельность по развитию национальной культуры Карелии, а переключиться на задачу формирования региональной культуры Карелии, что представляется автору более плодотворным. Ибо в рамках региональной культуры могут быть предоставлены большие возможности для сохранения уникальных ценностей культуры малых народов Карелии: карелов, вепсов, финнов. В связи с этим мною по поручению Министерства образования и по делам молодежи Республики Карелия было подготовлено учебное пособие для школ «Культура Карелии», реализующее региональный компонент федерального образовательного стандарта, которое к сентябрю 2002 года должно выйти из печати.

В современной Европе ведется активная работа по формированию единой Европы, Европейского Союза со стиранием национальных границ. В этом процессе возможны издержки, поскольку снятие таможенных барьеров может приводить к разорению местных фермеров в случае появления более дешевой продукции сельского хозяйства из южных регионов Европы. Одновременно процессы глобализации приводят к нивелированию, стандартизации и обезличиванию европейцев в культурном плане. Именно ощущение этих опасностей и коллизий приводит к развитию регионализма, который позволяет защитить культурную идентичность европейцев на основе ощущения органической связи со своей «малой родиной». Вот почему сегодня, когда француза спрашивают француз ли он, то он отвечает, что он бретонец, или гасконец, или провансалец.

Не менее важное значение для идентичности имеют миграционные процессы, которые дестабилизируют демографическую ситуацию и разрушают традиционную идентичность, что вызывает раздражение у коренного населения региона и провоцирует появление правозэкстремистских настроений у молодежи, что также вызывает сочувствие у пожилого поколения.

Влияние глобализации и давление массовой культуры ведет к тому, что европейцы опасаются утратить свою идентичность, вот почему они ищут спасение от этого в поисках связи со своей малой «родиной», своими местными, региональными корнями. Не в последнюю очередь этими причинами объясняется приход к власти в Австрии правых сил, которые обещали избирателям защитить их региональные интересы. Учитывая опыт современной Европы, полагаю более разумным и плодотворным сосредоточиться на формировании *региональной культурной идентичности*, предоставляя права автономного развития культурам малых народов без стирания их культурной специфики. Основы регионализма сегодня формируются в практике отношений европейских государств, преодолевающих национальные границы. В этих условиях во многих регионах Европы возникло движение в защиту региональных ценностей, включающих в себя этнические и национальные культурные традиции и ценности, которые помогут человеку сохранить свою неповторимую идентичность перед угрозой обезличивающего воздействия интернациональной массовой культуры, урбанизации, глобализации и технического прогресса.

Конечно, нельзя переносить то, что происходит в Европе, на нашу почву, и, тем не менее, эти процессы заставляют нас задуматься о проблемах выбора пути развития нашей культуры: оставаться ли на пути развития национальной культуры или переключиться на региональную?

Вопросу о региональной идентичности были посвящены мои доклады на недавних научных конференциях, проходивших в Петрозаводске⁹, он нуждается в дальнейшем обсуждении и обосновании критериев, которые могут быть положены в основу представлений о себе жителя Севера. Был предложен для дискуссии следующий перечень факторов, обуславливающих региональную идентификацию:

— природно-климатические факторы (доминирующий таежно-равнинный и приморский ландшафт);

— русский язык как язык межэтнического общения и коммуникации в сочетании с языками этносов — карельским, финским, вепским и другими языками малых народов;

— северный менталитет и стереотипы поведения, обусловленные природно-климатическими факторами: неторопливая и терпеливая настойчивость, бережное отношение к природе, отсутствие ксенофобии, эмоциональная сдержанность и уязвимость, доброжелательность и толерантность, самоуважение и достоинство;

— региональная культура, включающая в себя художественные ценности всех народов, населяющих регион, религию и праздники;

— быт, сочетающий элементы этнические и регионально-типические, связанные с природной средой;

— система региональных ценностей и интересов совместного проживания и самореализации на данной территории (экономическое благополучие, здоровая природная среда обитания, возможность отдыха и качество жизни, культурная самореализация в соответствии с разумными потребностями и этническим традициями);

— ведущие принципы региональной идентичности: взаимодействие и единство интегративных и дифференцирующих факторов; толерантность; органичность; многомерность; регулирование миграции.

В качестве примера региональной идентичности можно сослаться на культуру Карелии как единство разнообразия и многообразия общего, систему важнейших ценностей, представлений о благе и достоинствах народов, проживающих на территории Республики Карелия — составной части культуры России. Она определена в социально-природной среде, в языках общения и в искусстве: фольклоре, литературе, изобразительном искусстве, музыке, хореографии, театре, архитектуре, прикладном искусстве. Она характеризует качественный уровень совершенства и гармоничности взаимоотношений между людьми и социально-природной средой, меру ответственности человека за себя и мир в целом.

Культура Карелии есть выражение региональной идентичности народов, проживающих на территории Республики Карелия, обусловленной природой, образом жизни, геосистемой Карелии, историей и отношениями с соседями. В ее основе — русская, карельская, вепская культуры, обладающие ценностным потенциалом и развивающиеся в русле своих этнических традиций. Составной частью культуры Карелии является культура финского этноса.

Важной формой сосуществования, духовного взаимообогащения и развития народов Карелии, инструментом освоения других культур, установления отно-

⁹ Пивов В. М. Этническая и региональная идентификация в условиях Европейского Севера // Международная безопасность на Европейском Севере. Петрозаводск, 2000. С. 33-34; Пивов В. М. Природная среда в структуре идентичности северянина // III конференция: Экология и образование: Региональные аспекты. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. С. 57.

шений доверия, дружбы и взаимопонимания с соседями является диалог культур, культурный обмен на основе комплементарности. В силу исторических условий русская культура является доминирующим компонентом культуры Карелии. Вместе с тем каждая этническая культура обладает статусом высшей ценности и имеет право на свободное развитие и реализацию своего потенциала как необходимого звена культуры Карелии и России. В провозглашении и обеспечении права каждой этнической культуры на автономию заключается важный источник социально-политической стабильности Республики Карелия. И тогда региональная культурная политика, призванная содействовать этому процессу, должна включать в себя, на мой взгляд, следующие необходимые компоненты:

1) *Смысл* культурной политики, который заключается в оптимизации функционирования общества, создании оптимальных условий для свободного саморазвития и самореализации каждого человека и каждого этноса в интересах общего блага. Это является стратегией и содержанием культурной политики.

2) *Цели* культурной политики (тактика): поэтапное обеспечение возможностей самореализации каждого человека и всех социальных (в т. ч. этнических) групп на основе изучения культурных ресурсов региона, образования и развития культурных феноменов и т. п.

3) *Принципы* культурной политики: историзм, полицентризм, многомерность, единство традиций и обновления, взаимосвязь интеграции и дифференциации, ценностная толерантность, диалогичность, легитимность.

4) *Направления* культурной политики: этническое (культура малых народов), духовное, гуманитарное, научное, художественное, образовательное, молодежное (поддержка юных талантов), международное, досуговое (рекреационное), сельская культура, охрана памятников культуры.

5) *Задачи* культурной политики: создание и развитие культурных центров, обществ, учреждений и организаций, обеспечивающих реализацию целей региональной культурной политики в соответствующих направлениях, предоставляющих возможность каждому человеку и различным группам для самореализации и самоутверждения в свете их представлений о ценностях.

Реализация этой программы обеспечит, на наш взгляд, сохранение и развитие региональной идентичности на более высоком уровне. Ведущей формой сосуществования, духовного взаимообогащения и развития народов Карелии, инструментом освоения других культур, установления отношений доверия, дружбы и взаимопонимания с соседями является *диалог культур*, культурный обмен на основе комплементарности. В силу исторических условий русская культура является доминирующим фактором культуры Карелии, хотя в истории взаимодействия народов региона известно немало примеров взаимного влияния карелов и русских, карелов и вепсов, карелов и финнов. Вместе с тем каждая этническая культура обладает статусом высшей ценности в рамках региона и имеет право на свободное развитие и реализацию своего потенциала как необходимого звена культуры Карелии и России. В провозглашении и обеспечении права каждой этнической культуры на автономию заключается важный источник социально-политической стабильности Республики Карелия как составной части Северо-Западного региона России.

И, наконец, четвертый уровень идентификации человека — это глобальное сообщество, для которого можно назвать следующие характеристики:

- антропоцентризм;
- антропоморфизм;
- адаптивная гибкость;

- толерантность;
- амбивалентность;
- творчество;
- многомерность.

Уяснение и выработка в человеке этих качеств позволит северянину занимать достойное место в человеческом сообществе в XXI столетии.

СЦЕНЫ РЫБНОЙ ЛОВЛИ В РУССКОЙ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Пигин Александр Валерьевич

г. Петрозаводск, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета

В произведениях русской агиографии нередко встречаются сцены рыбной ловли, которые оформляются обычно в рассказы о прижизненных и посмертных чудесах святых (жития Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Александра Свирского, Антония Сийского, Герасима Болдинского, Кирилла Челмогорского и др.). Святой благословляет рыбака на «ловитвенный труд», пророчесствует о том, какую рыбу, когда и где тот поймает, наказывает рыбаков за тот или иной грех, исцеляет или спасает рыбака, попавшего в беду, иногда ловит рыбу сам и т. д. Житийные рассказы о ловле рыбы представляют немалый интерес для исследователя русской культуры. В них нашли отражение как народные верования, связанные с рыбным промыслом, так и христианская символика ужения рыбы, восходящая к Евангелию (ловля рыбы как обретение благодати; рыба — символ Христа). Причем в некоторых текстах совмещаются оба плана — бытовой («этнографический») и христианский, символический. Феномен такого «двойного» прочтения этих сцен объясняется тем, что в житиях были использованы чаще всего подлинные устные рассказы о рыбной ловле (средневековый «рыбачий фольклор»), которые агиограф осмыслил как христианские, воспроизводящие евангельский первообраз, топосы.

Предметом доклада служат некоторые житийные описания рыбной ловли, которые представляют собой наиболее интересные примеры христианской интерпретации народных рыболовецких обычаев и верований.

В Житии Антония Сийского (XVI в.) описан достаточно редкий для русской агиографии случай, когда святой удит рыбу сам. Антоний сооружает плот и ловит на нем рыбу в озере «на потребу свою», обнажая при этом «главу и плечи свои». Его нещадно кусают «оводы и комары», но святой «ни одним перстом» не коснулся их, но «стако даяше лице свое и плечи свои на снение им, дондеже от рыбнаго ловления престати ему». (Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского: Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. С. 288). По замыслу агиографа, этот эпизод призван свидетельствовать о верности Антония монашескому аскетическому идеалу. Действительно, свое тело отдавали на сдение насекомым и другие святые — например, Феодосий Печерский и Александр Кушгский (оба во время пения Псалтири). Очевидно, что в тексте использован житийный топос. Однако этнограф может увидеть в поведении Антония Сийского и традицию ритуального обнажения (конечно, в очень редуцированном, переосмысленном виде), преследующего во многих славянских обрядах цель добиться прибыли, плодоношения, успеха. Магическая связь наготы и рыбы, рыбной ловли не раз фиксировалась этнографами на славянском материале (обнажение рыбаков; поверье, что присутствие нагих детей способствует удачной рыбной ловле, и др.). Обнаженным ловил рыбу и апостол Петр (Иоанн, 21. 7) — евангельский «рыбарь», покровитель рыболовов у славян.

Еще один рыбачий обычай описан в Житии Кирилла Челмогорского (XVII в.). Рыбаки, ловившие рыбу недалеко от обители Кирилла, всякий раз просили у

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 01-04-49003 а/С.

святого благословения и приносили ему «от ловитвы своая рыба». Однажды рыбаки отправили к Кириллу с дарами своего товарища, имевшего «нечисто тело... от блудныа страсти», — святой отверг приношение (БАН, 33.6.7, л. 113-114 об.). Агиограф акцентирует внимание на даре ясновидения святого (Кирилл способен видеть тайный грех человека) — этнографу же в этом рассказе интересен сам обычай одаривания рыбой. По сути, Кирилл Челмогорский является в этом рассказе чудесным («святым») хозяином озера, на котором ведется ловля, — одаривание его рыбой имеет, следовательно, некий ритуальный смысл. Жертвоприношения и дарения — обязательный элемент рыболовецких обрядов. Жертвы и дары (иногда в виде рыбы) приносятся водяному, мельнику (если рядом с водоемом находится мельница), местному колдуну (чтобы не «испортил» рыбаку). После рыбалки рыбаю в первую очередь оделяли одиноких и убогих, «чтоб впредь ловилась» (Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX- начало XX в.). СПб., 1993. С. 41-43).

Особый интерес для этнографа представляет рассказ из Жития Герасима Болдинского (XVI в.) — «Ино члодо о езере Абрамовском» (Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. С. 242-245). Святой Герасим решил очистить озеро от водяных, которые мешали рыбакам ловить рыбу. Содержащееся в этом рассказе описание проделок водяного является едва ли не самым ранним в русской литературе: водяной топил рыбаков, насыпает на них недуги, портит их «ловитвенные сосуды», рвет сети. Сообщается в житии и о каких-то суевериях, распространенных среди местных рыбаков: рыбаки приходят на озеро «с кудесы и с волшебством», «бесам» молитвы приносят о «ловитве рыбстве-ней» (речь идет, скорее всего, о жертвоприношениях водяному). Именно с этими суевериями и вступает в борьбу святой, опечаленный тем, что «препростии человецы поселяне» оставляют Бога и «уклоняются» к бесам. Примечательно, что святого удручает не сама вера «поселян» в водяных (в соответствии с житийным этикетом водяные именуются «бесами», что несколько ослабляет языческий субстрат верований), а поклонение им. Изгнание водяных из озера описано с интересными подробностями: когда святой приходит к озеру, оно начинает колебаться «само о себе»; после произнесения святым молитвы из озера слышится «звук велик зело», «аки гром страшен», — этот «крич бесовский» удаляется из озера «вниз по реце». Из этнографических материалов известно, что иногда рыбаки усмиряли водяного постройкой «обыденной» часовни. Изгнание водяного, обитавшего у Ламбасручя, народное предание связывает с Петром I (Логинов К. К. Указ. соч. С. 43; Кри-ничная Н. А. Северные предания. Л., 1978. С. 133).

Наконец, очень часто в житийных рассказах о рыбной ловле встречается мотив предсказания, пророчества: Александр Свирский предсказывает рыбаку, что тот поймает большого осетра, за которого получит много денег; Антоний Сийский убеждает рыбаков в необходимости вернуться на озеро и закинуть сети еще раз после неудачной ночной рыбалки (по слову святого рыбаки «яша множество рыбы») и т. д. Исполнение пророчества всегда неожиданно для простоватых рыбаков. Святой предстает в данных рассказах как «идеальный» рыбак, знающий о рыбе и ее «ловцах» все. И в этом качестве он уподобляется как евангельским «рыбарям» Христу и его апостолам, так и «знающим» чудесным помощникам народных преданий о рыбной ловле (ср. с «незнакомцем», указывающим рыбаку рыбное место в новгородском предании о Черном ручье: Новгородские былины. М., 1978. С. 232-233).

ДРЕВНЯЯ ВЕСЬ И НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕПСКОГО НАРОДА НА ТЕРРИТОРИИ ЛОДЕЙНОПОЛЬСКОГО РАЙОНА

Поташева Нина Александровна

г. Тервеничи, учитель географии и истории Тервенической школы

Мы корни дерева, на коем вы цветёте.

Красуйтесь в добрый час.

Да только помните ту разницу меж нас,

Что с новою весной лист новый народится

А если корень иссушится -

Не станет дерева, ни вас.

В Лодейнопольском районе исконная территория обитания вепсской народности - бассейны р. Свири и Ояты. В настоящее время вепскими считаются д. Вонозеро, Хмелезеро, Надпорожье и Бор. Но вепское название многих русских селений, разумеется, свидетельствует об их вепском происхождении: Тервеничи, Кяргино, Мустиничи, Гонгиничи. Люговичи, Мягичево, Шоткуса, Янега, Пахтовичи, Канома.

Заселение территории нашего района началось со времён мезолита. На р. Свирь и её притоках поселились протосаамы или лопь. В эпоху неолита их вытеснили племена волжско-угорской группы. В фольклоре саамов сохранились легенды о воинственной чуди, сжигавшей саамские поселения и забиравшей саамских женщин. Археологами найдены стоянки древних людей в месте впадения реки Негежмы в р. Свирь, на берегу Ащозера и р. Ацины, остатки древней керамики у д. Пиркиничи.

Начиная с 6 в. существуют письменные доказательства о чуди и веси. В 551 г. готский историк Йордан упоминает об этих племенах в своей книге «О происхождении и деяниях готов». Следовательно, это были довольно крупные племена, если о них услышали на другом конце континента. Некоторые учёные считают, что чудью называли и весь - предков современных вепсов. Слышали о своих северных соседях и в древних государствах Средиземноморья. Прокопий Кесарийский в своей «Истории» даёт их описание. Начиная с 9 века, письменных источников становится все больше. В Азии, в странах Арабского Халифата, в Волжской Булгарии, скандинавских странах, рассказывают о них разные путешественники. Все они подчёркивают, что люди племени весь светловолосы, светлоглазы, носят льняную-одежду, занимаются охотой на пушных зверей.

С 8 века, когда Европа подверглась набегам скандинавских дружин, викинги стали заниматься разбоем и на Свири. Но на узкой реке, стиснутой лесистыми берегами, сражаться с местным населением было трудно, народ был настороже. При виде кораблей с драконами на носу и полосатыми парусами били в деревянное било и брались за оружие. Викинги предпочитали не рыскать долго по камням и сыпучим песчаным холмам, чтобы не получить шальной стрелы. И всё-таки набеги были частыми, не случайно на Свири почти не встречаются курганы - захоронения, которых на Ояты очень много. Викинги были сильными врагами и взымали дань с древних вепсов. С юга на земли Межозерья стали переселяться славяне. Ни летописи, ни устные предания не отмечают вооружённых столкновений с вёсю. Славяне принесли в наши края пашенное земледелие, высоко развитое ремесло, зачатки феодального государства и письменности.

В 859 г., объединившись, племена северорусских земель изгнали варягов и решили управлять сами, но среди них начались распри, поэтому для их устранения

решили пригласить Рюрика. Призвание его себя оправдало. До конца 10 века скандинавы не нападали на Северную Русь, предпочитая торговые связи. После смерти Рюрика жизнь веси связана со становлением Древнерусского государства.

Древние вепсы участвовали в военном походе князя Олега в 882г., походе на Царьград, в войнах с новгородскими князьями за право главенства на Руси. Колец первого тысячелетия - период наивысшего расцвета веси. Они участвуют в политической жизни страны, выходят на международный рынок. По Свири идёт оживлённая торговля. В оятских курганах и кладах, найденных на Свири, обнаружены английские, норвежские, чешские, немецкие, датские, ирландские, французские, итальянские монеты и деньги восточных стран.

С 12 века начинается период политического и экономического заката веси. Введение христианства, не поддержанного вёсю, упорная борьба за власть в Киеве, самостоятельность новгородцев привели к тому, что весь отходит на второстепенный план, а в летописях перестаёт упоминаться. Возможно, она выступает под собирательным названием «чудь», чтобы не было путаницы со славянским словом «весь», означавшим селение.

1178 г. - трагический для веси. Смоленский князь Мстислав решил пойти войной на древних вепсов. Чудская земля была сожжена, а князь возвратился с рабами и скотом домой, но вскоре скончался. Легенда гласит, что волхвы своими заклинаниями отомстили князю за поражение своего народа. «Чудь белоглазая» (так называли вепсов новгородцы) начинает прятаться от захватчиков по дремучим лесам.

В 1215 году вымерз хлеб, питались сосновой корой, мхом, вырчала природа, не зря у вепсов велика с нею связь. Каждое дерево, каждый родничок знают и берегут вепсы, без надобности и травинку не придавят. Когда на Русь напали монголо-татары, шведы, немцы, жизнь в Присвирье и Приоятье как бы замирает. Изредка навещивались новгородские и финские купцы для закупки пушнины. В Сермаксе на Ояты находился пограничный, наблюдательный и караульный пункт. Край всё больше терялся из виду. Земли неудобные, неплодородные, помещики владеть ими не желали, поэтому Приоятье меньше поддавалось славянизации.

Государственные крестьяне жили за счёт натурального хозяйства: растили рожь, репу, лён, занимались охотой, ловом лососей и пчеловодством.

16 и 17 век принёс новые разорения. В феврале 1570 г. опричные погромы уничтожили запасы воска, сала, льна. В 1580 г. шведы сожгли Ильинский погост на Ояты, пострадал Александро-Свирский монастырь. Польско-литовские отряды в 17 веке прошли вдоль Свири, разграбили Сермаксу, разорили Александро-Свирский монастырь, убили 100 иноков. После заключения Столбовского мира крестьяне снова заселяют разорённые земли. Например, появилась д. Кондуши. Идёт оживление опустошённого края. Крестьяне везут в Тихвин на ярмарку и в восстановленный Александро-Свирский монастырь продукты своего производства.

Новые бедствия и невзгоды принесла Северная война. Войска надо было кормить, снабжать продовольствием и фуражом, поставлять рекрутов в армию. От рекрутчины прятались по лесам. Отцов спрятавшихся парней заставляли босыми ногами стоять на морозе, клали верёвку на шею и протаскивали из одной проруби в другую на расстоянии 5 сажень. Даже при такой муке родители молчали. Можно представить, каким горем был рекрутский набор, ведь семья лишалась жизненно важных работников. На время войны крестьяне были приписаны к Олонечским железодельным заводам, отправлялись на строительство Петербурга и Олонечкой верфи.

В 1764 г. указом Екатерины II в приютские и присвирские земли отправлены дворяне-однодворцы. Крепостных они не имели, использовали наёмный труд. Крестьяне исправно работали на господ, и помещикам жилось хорошо. Они устраивали званые обеды с музыкой и танцами, охотились. Барские постройки отличались красотой и занимали самые живописные места. На Ояти недостатка в таких местах не было. Прасковья Александровна Вындомская (в замужестве Вульф, Осипова), которой Пушкин посвятил несколько стихотворений, имела имение в Яровщине. После отмены крепостного права дворяне остались без рабочих рук. Земли за бесценно стали скупать лесопромышленники. Сначала вепсам в эти годы жилось хорошо, земли было достаточно, да и господскую при случае можно вспахать. Но лесопромышленники лишили их права пользоваться лесами и озёрами, не давали купленную землю в аренду.

В 1894 г. писатель Н.С.Лесков оставил такое описание жизни вепсов в журнале «Русская старина»: «Выедешь на Оять, так и свету боле не видать», - говорит местная пословица, как нельзя лучше определяющая характер и условия этого края. Здесь нет ни проезжих дорог, ни верстовых столбов. Высокие горы плотно обступили речонку и надёжно защитили её жителей от влияния остального мира... Вепсы живут в маленьких избёнках, крытых соломой... Вообще бедно живут оятские мужики, так бедно, что нужда заставляет их иногда идти в работники к своему же бывшему мужику или заниматься извозом, ездить на козлах в качестве ямщика.

В 19 веке появляются первые научные работы о вепсах. Русские исследователи выражают сожаления по поводу утраты вепсами «былого величия». Потому что вепсы оказались загнанными в глухие дебри, быт их архаичен и беден. Идёт их неизбежное и быстрое обрусение. В 1877 г. этнограф В.Н.Майнов писал «Пройдёт два десятка лет, и от стародавней вепсы останутся лишь намёки», а в 1905 г. А.И.Колмогоров считал, что «...не за тридевять земель, а бок о бок со столицей... в беспросветной нужде и невежестве доживает свои последние дни целая народность». Но по переписи 1897г. численность вепсов ещё достигала 25,6 тыс. чел., значит они ещё не были в 19 веке на грани исчезновения. Почти всё вепское население составляли крестьяне. Земледелие на заболоченных и каменистых почвах, неблагоприятный климат не могли обеспечить население всем необходимым. Вепсы занимаются охотой и рыболовством, скотоводством, ремеслом. Самое древнее ремесло - гончарное. Его центр находился в Надпорожье, в Новом Селе на р. Ояти был завод «Фока». Посуда, игрушки, свистульки вывозились во все северные губернии, в Петербург, Петрозаводск и даже в Финляндию. Были развиты кузнечный, бондарный, сапожный, кожевенно-овчинный, ткацкий промыслы. Потребность в деньгах, необходимых для уплаты податей и мирских сборов (для нужд общины) росла, поэтому большое значение в жизни вепсов приобретает отходничество - уход мужчин на сезонные работы.

Большое распространение получили лесозаготовки и сплавы. В Тервеничах жили купцы, занимающиеся покупкой леса. Даже само название деревни происходит от вепского слова *terw-terv* - «смола». Есть и вторая версия - от слова *terwext-terveht* - «здоровья вам».

Предполагается, что в Тервеничах встречались, здоровствовались заготовители леса. В 10 км от Тервенич была д. Пилотовичи. Пилотами называли людей, которые управляли волоками, которые проходили от Капши к Ояти и Свири. В Пилотовичах была длительная остановка и жильё пилотов. В 6 км от Тервенич находилась д. Федотовичи, названная в честь головного пилота Федота. Мужчины занимались и бурлачеством - тяжелой работой по обслуживанию судоходства по р.Свирь. Работа вне дома среди русского населения приводила к необходимости знать русский язык.

«Топор и невод, лесопромышленник и рыбопромышленник - вот орудия и детали обрусения на красивой и исконно чудской р. Ояти» - писал В.Н.Майнов.

Контакты с русским населением, смешанные браки, обучение в школе на русском языке ведут к обрусению вепской народности.

После Октябрьской революции вепсы были включены в состав национальных меньшинств РСФСР. Работа по культурному и хозяйственному развитию народности находилась под контролем Отдела национальностей ВЦИК и Госплана РСФСР. Перемены в жизни сказались на численности населения. В 1926 г. вепсов насчитывалось 32 773 чел. Однако земли вепсов разделили административно. Прионежские земли вошли в состав Карельской АССР, а остальная территория в 1927 г. вошла в состав Ленинградской области. В Карелии вепских детей обучали финскому языку, а в Ленинградской области в 1931 г. была создана вепская письменность, началось преподавание в начальных школах на родном языке. В Лодейнопольском педагогическом техникуме было открыто вепское отделение, в 1937 г. в нём училось 60 студентов. В областной совпартшколе национальных меньшинств готовились кадры из числа вепсов для работы в местных органах власти. В 1936 г. издан вепско-русский словарь на 5 тыс. слов, издано 19 учебников для начальных и средних вепских школ, появились переводные книги. К сожалению, этот период был очень недолгим, уже в конце 1937г. выпуск вепских книг и преподавание вепского языка в школах прекратились, но он занимает исключительно важное место в истории вепского народа. Именно в этот период численность вепсов была наиболее высокой - 35 тыс. чел.

С конца 1937 г. вся деятельность по национальному развитию вепской народности прекращается. Часть вепской интеллигенции, некоторые из авторов учебников репрессированы. Часть вепских территорий с 8000 населением переведена в Вологодскую область. С 1938 г. все действия властей направлены на ускорение ассимиляции вепской народности. Запретить непонятный язык было легче, чем читать написанное на нем в поисках «врагов народа».

При проведении переписей 1970 и 1979 гг. вепсов финансировали как русских, а работникам сельсоветов, счётчикам и вепскому населению объявили, что вепской национальности нет в официальном списке, хотя в словаре национальностей и языков вепсы указаны (код 72). При получении документов, удостоверяющих личность, вепсы записывали русскими. При смене паспортов в конце 70-х - начале 80-х годов меняли национальность. Численность вепсов сократилась до 8,1 тыс. чел., по официальным данным они «исчезли» из мест своего проживания.

Ассимиляция вепсов ускорило сселение перспективных деревень. Основной поток вепсов устремился в города. Молодежь с русскими паспортами, вступая в межнациональные браки, не говорит на родном языке, не учит своих детей вепскому языку. Почему? Это вызвано негативным отношением к вепсам, о чём свидетельствуют такие высказывания: «русскими быть приличнее», «вепсов не любят, не уважают, над ними надсмехаются», «сами вепсы её стесняются, стыдятся». Какой же была политика правительства, если она растит людей, стыдящихся своего народа, своих корней, своего языка, «иванов, не помнящих родства». Соответственно и плоды её не замедлили сказаться. В Хмелезерском сельсовете население уменьшилось с 237 чел. до 140 чел., в Подборском с 326 чел. до 121 чел.

Современное положение вепских деревень тяжёлое. Нет школ ни в одной деревне, летских садов. Единственные учреждения культуры и бытового обслуживания - клубы и сельмаги. Автобус в Надпорожье и Бор ходит только по понедельникам, а в Вонозеро и Хмелезеро по пятницам и воскресеньям. Живут в деревнях люди пожилого возраста и доживают свой век старики. Если по дан-

ным хозяйственных книг 1983г. в Хмелезерском сельском совете проживало 16,2% до 15 лет, 48,1% от 16 до 59 лет, 35,7% - старше 60 лет.

В настоящее время на этой территории живёт всего 5 детей, 88 стариков, 76 человек трудоспособных. Но безработица в этих деревнях самая большая. Нет никакого производства, живут, в основном, за счёт домашнего хозяйства. До последних лет вепсы не имели своей автономии. Сейчас создана Вепсская волость в Карелии с центром в д. Шелтозеро, а ленинградские и вологодские вепсы живут также разобщённо. Надпорожье и Бор находятся в 15 км от вепских деревень Подпорожского района, но между ними нет автобусного сообщения, Хмелезеро и Вонозеро всего около 12км от вепских деревень Тихвинского района и 15км от деревни Ярославичи Подпорожского района, но здесь вообще никакой дороги нет.

С 1990 г. было решено ввести в вепских деревнях изучение родного языка. В Карелии это сделано, 19-20 апреля 2002 г. ребята нашей школы побывали в финно-угорской школе в г. Петрозаводске на семейном конкурсе. Им там очень понравилось. В нашем районе в вепских деревнях школы давно закрыты. В нашей школе в Тервеничах мы стараемся сберечь хоть какие-то частички истории вепского народа. У нас работает музей, в котором освещается история деревни и культура вепского народа, есть учебники, вепсская литература, но и наша школа тоже закрывается.

Большую работу по сохранению обрядов, ритуалов у вепсов проводит передвижной центр культуры нашего района. Ежегодно проводятся фольклорные праздники в д. Вонозеро, создан вепский ансамбль «Pihleine», но деревня неперспективная, умирающая. Таким образом, вепскую культуру и даже язык вряд ли удастся сберечь, а он является одним из самых древних прибалтийско-финских языков. Вепсов нашего района можно записать в Красную книгу, если бы таковая существовала по народам. По всей необъятной России работают тысячи вепских квалифицированных специалистов во всех отраслях хозяйственной деятельности. На пока ещё сохранившихся осколках родной земли древней веси нет сферы приложения своих сил, знаний, навыков, опыта, энергии.

И в заключение я хочу привести слова старого вепса Тимоя из повести А. Петухова «Люди суземь»: «Забыл отца-мать - для роду потерянный, забыл свой язык- для народа потерянный, а землю родную забудешь- птичьим перышком станешь. Выше птицы то перышко носит, а что в нём толку?»

Литература

1. Пименов В.В. Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989
2. Кочуркина С.И., Линецкий Л.М. Курганы летописной веси 10 – начала 13 вв. Петрозаводск, 1985
3. Голубева Л.А. Веси и славяне на Белом озере 10-13 вв. М., 1975
4. Пименов В. Вепсы // Журнал «Наука и жизнь». № 3, 1991
5. Судаков В. На своей земле, в своей вере // Журнал «Север», № 1, 1995
6. Спиридонова И. Вепсская литература-проблемы становления // Журнал «Север», № 11, 1993
7. Кочуркина С.И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск, 1990
8. Вахмистров А.В. Очерк об истории деревень Тервеничи и Красный Бор.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО В ПЕРСПЕКТИВЕ РОССИЙСКОГО ЭТНО- И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В СВЯЗИ С ЕГО ПЕРЕВОДОМ СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА*

Прохоров Геллан Михайлович

г. Санкт - Петербург, доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, зав. кафедрой русской истории и культуры
Русского Христианского Гуманитарного института, профессор
кафедры истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ

Главным делом жизни преп. Паисия оказались переводы с греческого языка на славянский и использование в своей собственной жизни святоотеческой литературы. В старости, уже больной, сидя на кровати, Паисий, по словам его Жития, «окресть облагаше себе книгами: ту положени бяху словари разноязычнии, Библия греческая и словенская, грамматика греческая и словенская, книга, из неяже преводь творяше, посредь же свѣщи; самъ же, аки малое отроча, съдя, согнувшись, вся ноши писаше, забывая и немощь тѣла, и тяжкия болѣзни, и трудъ»¹

Паисий переведил, как мы знаем, главным образом аскетическую литературу — сочинения Иоанна Лествичника, Нила Синайского, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и других подвижников, писавших, используя слова самого Паисия, «о трезвении ума и безмолвци, о внимании же и молитве умной, сиречь умомъ въ сердце совершаемь».² Но наряду с этой практической литературой, келейным чтением монахов-исихастов, он предпринял перевод большого теоретического труда — корпуса богословских сочинений, надписываемых в рукописной традиции именем Дионисия Ареопагита.

Выбор греческих текстов для перевода на славянский Паисием удивительным образом совпадает с выбором южнославянских, болгарских и сербских, переводчиков в XIV в., в эпоху Православного возрождения в Восточной Европе, окрашенного сильным влиянием исихазма. «Лествица» Иоанна Синайского, впервые переведенная на славянский в Болгарии в X в. и до середины XIV в. интереса у славян к себе, как кажется, не вызывавшая, начиная с этого времени переводится многократно и в разных переводах становится в начале XV в. одной из популярнейших книг Древней Руси (количество ее русских списков превосходит количество греческих). Много произведений аскетической литературы в XIV в. было переведено на славянский впервые.

Также впервые в XIV в. был переведен на славянский язык — сербским монахом Исайей в 1371 г. — знаменитый *Corpus areopagiticum* с толкованиями, которые собрал в VII в. Максим Исповедник и вместе с которыми он уже был пе-

* Статья была напечатана только по-итальянски: G.M. Prochorov. La formazione della coscienza nazionale russa tramedioevo e modernita Paisij Velickovskij e la traduzione del «Corpus Areopagiticum» // Paisij, lo starec/ Atti del III Convegno ecumenico internazionale di spiritualita russa/ Edizioni Qiqajon Comunita di Bose, 1997. - P.91-96

¹ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1892. Изд. 3. С. 69; ср.: А.Е.Тачиаос. The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722-1794). Thessaloniki, 1966. P. 134,239-240.

² Pelin Y. The Correspondence of Abbot Paisie from Neamts (III). Letter to Theodosie, Archimandrite at the Sofroniev Hermitage.

реведен едва ли не на все христианские языки (на некоторые — неоднократно). Очень скоро перевод Исаии попал на Русь (в Новгород и Москву).

Переносчиками южнославянских переводов с Балкан на Русь и их активными переписчиками на Руси были монахи. Создаваемые ими в этот период обители быстро и надолго делались главными национальными книгохранилищами, книгописальницами и книгочитальницами. Причем обычной была эволюция беглеца от мира бродяги-скитальца-отшельника сначала в главу скита или маленькой идиоритмической общины, а затем в руководителя киновии, мощного общежития. Заметим, что точно такую же эволюцию проделал в своей жизни в XVIII в. преп. Паисий.

Подобную же эволюцию проделывали в I половине XIV в. греческие монахи-исихасты (можно вспомнить Житие Саввы Нового, написанное Константинопольским патриархом Филофеем Коккином). А ранее, в XI в., на Руси — основатели Киево-Печерской лавры преподобные Антоний и Феодосий.

Удивительным образом каждый раз распространение по Руси книг, содержащих переводы с греческого трудов отцов Церкви, совпадает с процессом здешнего этно- и культурогенеза. По мере распространения в XI в. по недавно крещеной христианизуемой Руси переводов, осуществленных в IX-X вв. в Моравии и Болгарии, подвластные Русскому княжескому роду славянские, финские и тюркские племена сплавливались в единый «русский» народ. Причем едва ли не главным тогда культурогенетическим центром, центром литературного творчества, оказалась Киево-Печерская лавра отшельников Антония и Феодосия.

В XIV-XV вв. второе южнославянское влияние на русскую письменность с его волной новых переводов с греческого языка было воспринято уже не всей Русью равномерно — по той причине, что Русь была разделена Литвой, Ордой и Польшей. Это влияние обогатило в основном монастыри Великой Руси и оказало мощное влияние на формирование культуры возникающего народа великороссов. Дух великорусской культуры этого времени прекрасно выражен в иконах Андрея Рублева.

Во многих отношениях предшественником преп. Паисия был преп. Нил Сорский. Все его произведения насыщены мыслями и цитатами из произведений переведенной с греческого языка аскетической литературы, столь любимой Паисием. Надо заметить, что Нил Сорский — едва ли не единственный русский писатель, которого Паисий читал наравне с авторами-греками. Схожи они даже в методе работы со списками славянских переводов интересующих их (в основном одних и тех же) сочинений. Как и Паисий, Нил пользовался — составляя свой громадный «Сборник», расположенное в хронологическом порядке, с 1 сентября по 31 августа, собрание переводных Житий отцов Церкви — разными их списками одновременно, «тщася обрести правы» и помещая разночтения на полях. Побывавший, как и Паисий, на Афоне, Нил Сорский, насколько мы знаем, сам — в отличие от Паисия — за переводы с греческого не брался. В отличие же от Паисия, Нил не стал главой монашеского общежития, — не будучи противником общежития в принципе, но поставив препятствие перерастанию его скита в киновию по причинам принципиальной нестяжательности, невозможной в его время в общежитиях.

Став главой киновии, Паисий Величковский как бы вернулся к общежительной традиции, идущей от преподобных Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Спасо-Каменского, Лазаря Муромского и множества других подобных им подвижников и их учеников. Но при этом он воспринял — в отличие, скажем, от Иосифа Волоцкого — завет Нила Сорского

об обязательной для инока нестяжательности. С гневом Паисий пишет, архимандриту Софрониевой пустыни в России Феодосию: «Гдѣ есть истинное во всегдашній молитвъ упражнятися желание? Гдѣ есть вседушное бѣгати мольвъ мира сего и попечений и съдѣти в крайнем безмолвii усердие? Ничего же такового во святѣни твоей не вижду. Но вижду, якоже непщую (как мне кажется, — Г.П.), наваждениемъ вражiiмъ все сопротивное: мольву и попечение, и скита — истиннѣ же рещи хуторовъ — заводы, прилежное попечение о размножении многоразличнаго скота...»³

Но если Нил Сорский безуспешно старался обновить традиции «умного делания» и «сердечной молитвы», когда они шли неуклонно к упадку, то преп. Паисию суждено было — своими трудами и посредством своих учеников — оказаться удачливым обновителем этих традиций в имперской России. Однако неужели упадок древнерусских традиций на Руси XVI–XVII - начала XVIII вв. был так глубок, что потребовались усилия малоросса-эмигранта, чтобы обновить здесь школу «умного делания»? Дело обстоит гораздо сложнее.

Нельзя сказать, что с разгромом «нестяжателей», учеников Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, «заволжских старцев», с традициями «умного делания» было покончено на Руси. Все это вошло в плоть и душу древнерусской и великорусской культуры и подспудно жило вместе с древними книгами и в XVII, и в XVIII вв.

Но Паисий начинал свою сознательную жизнь во время, когда петербургское немецкое правительство со всей его карательной мощью в тесном сотрудничестве с украинцами-архиереями (в то время *все* архиереи на Руси были малороссами) вело жесточайшую борьбу едва ли не с большинством населения страны — великороссами, не приемлющими проведенную в XVII в. реформу русской церкви и хранящими как святыню древнерусские книги, иконы, традиции. Продолжалась эпоха, когда из русских церквей выламывались древние тябловые иконостасы и заменялись барочными, выбрасывались старые рукописные и печатные книги и заменялись новопечатными, содержащими переводы не древних греческих книг, как то было объявлено населению, а греческих книг современной западной печати. Великорусский христианский народ, верный своим традициям, стал разбегаться от тирании украинского епископата, воспитанного по программам иезуитов и приверженного стилю барокко, за пределы страны — в Польшу, Румынию, Турцию. Лишь при Екатерине II произошло некоторое ослабление гонений; эта умная царица даже побуждала староверов возвращаться на родину и заселять Новороссию. Поступившись имущественными интересами епископата и монашеских обителей, она встретила оппозицию как раз со сторонников архиереев-малороссов.

Может быть, неслучайно, что именно из малороссийской среды вышел и преп. Паисий — духовный бунтарь против имперского барокко, украинского, как и он, по происхождению. Но важнее, пожалуй, не то, что он украинец, а то, что он настоящий член того небывалого этноса, ради создания которого и проводилась в XVII в. реформа церкви сначала патриархом Никоном, а потом царем Алексеем Михайловичем, — политического «населения» православной империи, о которой реформаторы грезили и ради создания которой щедро жертвовали великороссами. Монахи-исихасты XIV столетия, греки, южные славяне, румыны, русские, образовывали, так сказать, «исихастский интернационал»⁴ (хороший пример тому

³ Pelin V. The Correspondence... P. 354

⁴ См.: *Obolensky D. Late byzantine Culture and the Slavs. A Study in Acculturation.* — XVc Congress International d'etudes byzantines. Athenes, 1976.

— Парория, обитель Григория Синаита), таким точно «исихастским интернационалом» была и киновия Паисия Величковского с румынскими, болгарскими и русскими учениками и тесными связями с греческим Афоном.

По сути дела, Паисий своей переводческой работой продолжил начатую в XVII в. реформу патриарха Никона. Его труды над переводом корпуса сочинений Дионисия Ареопагита имеют в этом смысле, правда, лишь символическое значение: сохранилось только пять его списков, причем три из них в составе сборников.⁵ Как и при правке богослужебных книг в XVII в., Паисий пользовался не древними греческими рукописями, а современным ему греческим изданием (по всей вероятности, венецианским). Традиция расположения схолий около комментируемого места была там нарушена: схолии располагались группами в конце глав. И Паисий не все их переводил: на полях у него (сужу по списку ГИМ, Синодальное собр., № 5), как в его рукописях обычно, стоят «страницы греческия книги» — оригинала, и видно, что иногда схолии он не переводил, пропускал, о чем свидетельствуют и соответствующие записи писца-ученика на полях. Многовековая, почти тысячелетняя традиция существования Корпуса как по-гречески, так и в переводах, оказалась — подобно многим другим традициям — нарушенной прежде всего самими греками, а следом за ними и политическим населением несостоявшейся (после Византии) Православной империи.

В целом же труд жизни преподобного Паисия Величковского по переводу и использованию в своей и своих учеников жизни произведений святых аскетов и богословов имел очень важным результатом некоторое восстановление «вечностной» координаты в новом, имперском российском народе и в как раз начинавшей рождаться классической русской культуре — культуре Российской империи. Об этом свидетельствует то влияние, которое имели здесь — до самого падения Империи — его традиции во множестве монастырей, но в первую очередь в знаменитой Оптиной пустыни.⁶

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ОЛОНЕЦКОЙ И СЕРДОБОЛЬСКОЙ СЕМИНАРИЯХ

Пулькин Максим Викторович

г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Олонецкая духовная семинария, открытая в октябре 1829 г., сразу же стала крупнейшим учебным заведением в Карелии, созданным по образцу аналогичных учреждений в Санкт-Петербургской и Новгородской епархиях. Принимая решение об открытии в ней класса карельского языка, епископ Игнатий предписывал: «В семинарии должен быть класс карельского языка не столько для разговора, сколько для навыка неумеющим по-русски жителям здешней епархии,

⁵ ГИМ, Синодальное собр., № 5, конец XVIII в.; Библиотека Нямецкого монастыря в Румынии (далее — BMN), mss. si., № 182, конец XVIII в.; BMN, mss. si., № 192, 1790 г. (наряду с другими произведениями); BMN, mss. si., 271, XVIII в. (до 1790), (в составе сборника), автограф Паисия; BMN, mss. si., № 264, XVIII в. (до 1790 г.), (в составе сборника), автограф Паисия. Сведениями о рукописях Нямецкого монастыря я обязан любезности Валентины Пелин (Кишинев). Мне удалось увидеть только рукопись из Синодального собрания ГИМ.

⁶ См.: *Прот. Сергей Четвериков*. Старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Второе издание. UMCA-Press, 1988. С. 249-285: Ученики старца Паисия на Афоне, в Молдавии и в России. Рост православного старчества в 18-м и 19-м веках.

коих очень много, изыскивать истины, до веры и нравов касающиеся, и прилагать оные из Священных книг живым голосом, при чтении для них поучений». Далее следовало откровенное признание епископа, из которого становится очевидным его личная позиция, а также решение губернской власти о судьбе карельской речи. Он подчеркивал, что «язык карельский не имеет книжного бытия», а также «по многим отношениям весьма не надобный». Следовательно, он «должен быть в скором времени выведен из употребления, как о сем уже входил я (епископ-М.П.) в совещание с гражданским правительством, к чему и со стороны сего правительства сходятся убедительные причины».

Формирующийся класс карельского языка, судя по инструкции, подготовленной для него в Олонецкой духовной консистории, должен был стать не только учебным, но в значительной степени также исследовательским учреждением. Заниматься в нем должны были только те семинаристы, которые владели карельским языком («по происхождению или навыку»), т.е., попросту говоря, в класс набирались только карелы и вепсы. Это требование привело к тому, что число учащихся в семинарии оставалось незначительным. Так, к 1872 г. в карельском классе семинарии обучалось 12 человек. Для прочих воспитанников обучение карельскому языку было организовано на добровольной основе. Обучающиеся в классе изначально были поставлены в особое положение: всем семинаристам-знатокам языка консистория обещала лучшие (наиболее доходные) места «по уездам, где употребляется язык карельский».

Для обучения языку разрабатывались конкретные методические указания. Первый способ изучения языка состоял в повседневном общении. Воспитанники семинарии, изучающие карельский язык, были обязаны жить в одной комнате и в домашнем общении стремиться «наипаче употреблять карельский язык при рассуждении о предметах по своему званию и состоянию, о тех то есть, о коих в поучении надлежало бы говорить потом в приходах». Таким образом, даже повседневное общение семинаристов-карелов посвящалось выработке церковной терминологии. Учитывая, что в семинарии находились воспитанники из разных приходов, в процессе общения вырабатывался усредненный, или, по сути дела, литературный, карельский язык, а семинаристы знакомились с особенностями диалектов, сохраняющихся в разных частях Карелии.

Непосредственно в классе наставник должен был исходить из того, что ученикам известны особенности произношения, характерные для карельского языка. Задача преподавателя, во-первых, заключалась в том, чтобы разработать грамматические нормы языка, соответствующие «грамматике отечественной». Во-вторых, «учащий» был обязан заняться сопоставлением «разных наречий, в уездах Олонецкой епархии употребляемых, как то: собственно карельского, чудского и финского». Таким образом, воспитанник семинарии становился универсальным знатоком ряда диалектов и в идеале должен был излагать слово Божие на языках всех народов, населяющих Карелию. Огромный труд возлагался на преподавателя. По сути дела, его задача заключалась в проведении сравнительно-лингвистического исследования при отсутствии необходимого научного аппарата, трудов предшественников и даже личного контакта с подавляющим большинством носителей языка.

Все разработанные преподавателем грамматические правила записывались и до начала занятий («классов») раздавались учащимся, «дабы обучение происходило не насильскою». Кроме того, в ходе занятий формировался универсальный словарь карельского языка: используемые в учебном процессе слова надлежало записывать в алфавитном порядке («Перевод и значение слов по алфавиту, вроде собираемого словаря, записывается учащимися по очереди, или по особому на-

значению, и, по пересмотру учащим, отдается к списыванию всем для себя»). В процессе обучения карельскому языку консистория предписывала ни на минуту не забывать, что главная цель, для которой создан класс, заключается в постепенном «выведении оного из употребления у крестьян». Для этого в качестве задачи перед преподавателем и семинаристами ставилось «снискивать навык к сближению оного (карельского языка.-М.П.) с чистым русским».

Епархиальный съезд, распорядившийся финансами, выделяемыми на подготовку священно- и церковнослужителей, «отнесся к делу (изучения карельского языка.-М.П.) очень равнодушно и не нашел удобным назначить на этот предмет какую-либо сумму». Высказанные при этом аргументы приведены в отчете С. Миропольского: «в особом преподавании карельского языка не видится нужды, так как изучают его только те, кто знал его прежде, и практическое знание этого языка для целей проповедничества весьма достаточно». В результате преподавание карельского языка прекратилось. В то же время, на короткий период, преподавание карельского языка было введено в Вытегорской учительской семинарии, но в 1880-начале 1890 гг. преподавание карельского языка во всех учебных заведениях прекратилось.

Несколько иначе сложилась судьба карельского языка в Сердобольской семинарии. Вопрос об открытии семинарии в Приладожье обсуждался в Синоде с конца 1860-х гг. и был связан с рассмотрением проекта об устройстве православных приходов в Финляндии. Предполагалось, что все предметы в семинарии будут преподаваться на русском языке, а «на местных наречиях — финском или карельском» будут лишь «делаемы объяснения, непонятные для учащихся на русском языке». Вскоре были выделены средства на постройку зданий и содержание семинарии. Проект неожиданно встретил сопротивление со стороны Сената Финляндии. Последний, «сознавая важность русского языка в стране, составляющей часть Российской империи, тем не менее выразил мнение о том, что наставление православных исповедников Финляндии в религии и нравственности не будет достигать цели при преподавании учебных предметов на русском, а не на природном языке населения, а именно финском, так как карельский язык есть только его наречие».

Синод согласился с предложениями Сената, имея в виду, что в дальнейшем вместо финского языком преподавания станет русский. Но постепенно дело об открытии русской семинарии в Сердоболе заглохло. Это привело к неожиданному результату. «Когда сделанные с русской стороны попытки к основанию русской семинарии не привели к желаемому результату, мысль об открытии семинарии в названном городе была подхвачена со стороны финляндцев и с полным и их точки зрения успехом осуществлена». Анализируя первые шаги новой семинарии, церковное руководство пришло к выводу о том, что Сердобольская семинария является «очагом и оплотом крайнего финского национализма в Карелии». Карельский язык сразу был вытеснен из учебных планов: задачей семинарии стало «тесное сближение православной Карелии с остальной Финляндией путем распространения среди карел финского языка, финской культуры и финского влияния».

Таким образом, к началу XX в. карельский язык исчез из учебных программ крупнейших образовательных учреждений Олонецкой и Выборгской губерний. К этому привел ряд причин. Во-первых, как финская, так и российская стороны относились к карельскому языку как к временному средству в образовательном процессе. При этом развитие карельского языка, пополнение лексики и разработка драматических норм не входили в планы ни той, ни другой стороны. Во-вторых, практические потребности повседневной жизни подталкивали как фин-

скую, так и русскую стороны к попыткам приучить карелов к использованию соответственно русского или финского языков при обращении в органы власти, школьном образовании и богослужебной практике. И, наконец, в-третьих, разгорающаяся борьба за умы и сердца карелов стала решающим фактором в бескомпромиссном противостоянии России и Финляндии. О развитии карельского языка в такой обстановке не могло быть и речи.

СПЕЦИФИКА РУССКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ Сенчихина Юлия Борисовна

г. Москва, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им.М.В.Ломоносова

При всей сложности перемен в России интерес к истории отечественной философии растет. Все шире становится круг людей – в первую очередь это относится к творческой интеллигенции и молодежи, – находящихся в истории русской философской мысли отзвук собственным умонастроениям и использующих ее мощный духовный потенциал для мировоззренческого самоопределения и выработки нравственных и гражданских критериев оценки общественной и интеллектуальной атмосферы в современной России. Вместе с тем все большее число мыслящих людей в нашей стране начинают ощущать себя духовными преемниками, полноправными наследниками как русской культуры в целом, так и одной из главных ее составляющих – русской философии.

Этому процессу нельзя не порадоваться. Ибо если в свое время «порвалась дней связующая нить», то задача «обрывки их соединить» (Шекспир), восстановить необходимую преемственность в развитии истории, как раз и составляет одну из проблем современного этапа в жизни России. Такое восстановление, однако, связано с немалыми трудностями. Едва ли не главная вызвана взрывом импортированной массовой культуры, пропагандой разного рода суррогатов.

Укажем на некоторые особенности изучения истории именно русской философии, так как они связаны с самим объективным, т.е. имевшим место в реальной истории ходом развития русской философской мысли. Особенности этого развития породили в свое время *специфику* русского философствования, что и следует постоянно иметь в виду, знакомясь с наиболее важными страницами интеллектуальной истории Отечества.

Исторические судьбы России сложились так, что до реформ Петра Великого русская культура развивалась в условиях значительной изолированности от культуры Западной Европы. Эта изолированность определялась не только политической историей России и Запада, но и динамикой духовной жизни: Россия оказалась главной наследницей византийского православия и, следовательно, вся ее культура, богословская и философская мысль в том числе, развивались в русле традиций восточного христианства. Поэтому в России до XVIII – начала XIX веков (времени быстрого усвоения и развития идей и ценностей философии и науки Нового времени) еще не было светского, секуляризованного философствования и философского образования.

Если рассматривать древнерусскую философию как эпифеномен антично-византийской традиции, то уже в творчестве книжников Древней Руси прослеживается преемственность платоновского и сократовского способов освоения мира, т.е. этикоцентристская, историософская, эстетическая, нравоучительная установка. Отсюда берут источник многочисленные памятники древнерусской книжности: «Жития...», «Поучения...», «Слова...» – яркое тому подтверждение. Опреде-

лѣнная авартка древнерусской философии – это не вина и не беда русской философии, это ее судьба, и только время покажет – горькая или счастливая.

К началу XIX в. происходит, наконец, достаточно близкое знакомство значительной прослойки образованных русских людей с современными для них западноевропейскими интеллектуальными течениями: английской юридической, философской и экономической мыслью, французской философскими и социально-политическими учениями и, наконец, с немецкой мыслью от Х. Вольфа и И. Канта до Г. Гегеля и Ф. Шеллинга. Естественно, что такое знакомство не могло не послужить мощным толчком для последующего развития русской философии.

Русская философская мысль не стала чем-то производным (деривативным) или прямым продолжением мысли западноевропейской. Во многом она была попыткой приобщиться к рационалистическому системному способу философствования, или, говоря словами Бердяева, так и осталась своеобразной «тоской по форме». Правда, поначалу она не создала развернутых философских систем. Однако за ее плечами уже имелись накопленные ко времени эпохи Просвещения определенные интеллектуальные и духовные традиции, связанные, во-первых, с порожденной православием постоянной ориентированность человека на решение лично важных для каждого вопросов жизни и смерти, смысла его собственного бытия, и, во-вторых, с вызванной своеобразной конкуренцией с Западом социальную и философско-историческую направленность своей проблематики.

В ходе своего тысячелетнего развития русская философская мысль приобрела устойчивые и весьма характерные особенности. Ее отличают ярко выраженный антропоцентризм, т.е. обращенность к смысложивущим (экзистенциальным) и нравственным вопросам, острое переживание исторического времени и судьбы страны, как в аспекте ее внутреннего духовного развития, так и в контексте мирового культурно-исторического процесса. Специфичным для русского философствования стала ее акцентированная праксиологическая направленность, когда самое абстрактное теоретизирование экстраполируется русскими философами на конкретные, практические области русской жизни и рассматривается ими как «лекарство» или «рычаг» для лечения и переустройства «больной», «неразумной» или несовершенной действительности, например, диалектика Гегеля в интерпретации русских радикальных демократов («диалектика – алгебра революции» А. Герцена) или кантовский категорический императив, служивший нравственным дополнением экономической теории Маркса у легальных марксистов.

При этом важно подчеркнуть, что особенности эти: антропоцентризм, этическая окраска и историософичность (постоянная потребность прояснить смысл истории и судьбу России) – характерны для всех ведущих направлений русской философии, религиозных и светских.

Первая новаторская попытка создать синтез философии и православного переживания мира, связанная с христианской традицией, была продемонстрирована славянофилами, И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым в 40-е гг. XIX в. В это же время возникает противостоящее славянофильству светское, радикально-демократическое течение в философии. Наиболее оригинально оно проявилось в творчестве А.И. Герцена, в литературно-критических и публицистических произведениях В.Г. Белинского, в ранних умонастроениях М.А. Бакунина. Но и религиозной, и светской ветвям русской философии в равной мере были свойственны глубокий интерес к человеку, вопросам добра и зла, правды и справедливости, к проблеме Востока и Запада, места и миссии России в мировой истории.

Исторически объяснимый всплеск интереса к русской философии породил в современной литературе дискуссии об особенностях самого предмета этой сфе-

ры духовной культуры, о ее онтологическом и аксиологическом статусе. *Онтологическим* в том смысле, что она объективно образует существенный компонент *духовного бытия* человека, рожденного в ее лоне и находящегося в поле ее бытования. При этом обнаруживается *научное* (собственно «знаниевое» или информационное), *нравственное* (или духовное) и *национально-культурное* (в смысле национальной идентификации) значение истории русской философии, включающее и ее другие, помимо этического, ценностные измерения: *эстетическое*, *гражданско-правовое* и т. д. Все это осложняет изучение русской философии, поскольку привносит в нее целую гамму психологических и эмоциональных, а иногда и политических компонентов. Но в любом случае само словосочетание «русская философия» полисеманлично, поскольку обозначает как объективный культурно-исторический процесс, так и область знания, имеющую особую, нравственную и гражданскую ценность.

Имея в виду антропоцентризм и этическую ориентированность русской философии, некоторые ее интерпретаторы склонны утверждать, что русская философия – это «вершина» всей философии, что русская философская мысль «лучше», «сильнее» или «глубже» философских традиций других наций и т.п. Эти утверждения, какими бы мотивами они не вызывались, ошибочны по сути. Кроме того, они являются дилетантскими по смыслу и совершенно неконструктивны по своей эвристической значимости. Философия как осмысленное, отразительное конкретное мировоззрение и миропереживание человека не может быть заведомо лучше или хуже философии какого-либо другого народа. И если кто-то вполне искренне пытается утверждать, что русские философские традиции, школы, мыслители или идеи лучше или глубже других национальных философских школ и идей, то реально это может означать лишь только то, что данный человек предпочитает ее другим, что она ему ближе по вполне понятным психологическим, этническим или идентификационным мотивам. Как правило, это естественно присуще людям, выросшим в ее ареале, тем, кто воспитывался и духовно формировался под ее прямым или косвенным влиянием. Сам антропоцентризм, даже персонализм, русской философии, возможно, тоже мотивируют такую постановку вопроса. Но сами по себе эти черты отечественной мысли не содержат ничего альтернативного и тем более враждебного по отношению к зарубежной мысли. Не менее важно осознать, что русская философия, несмотря на свою яркую национальную окраску, явление столь же мировое, как и любое другое духовное достояние человечества. Она открыта для всех, и она принадлежит всем, и потому не может рассматриваться вне процесса плодотворных взаимодействий и обмена идеями с мировой философской мыслью. О многонациональном характере русской философии говорит даже такой факт, что ее творцами были не только русские, но и этнически другие граждане России: молдаване, немцы, греки, евреи, украинцы и т. д.

Остановимся еще на двух особенностях истории русской философии. Первая из них касается уже упоминавшихся двух магистральных направлений развития русской философской мысли, возникших в 30-е – 40-е годы XIX века, вторая – особенностей развития русской философии в XX столетии. Выше говорилось, что достаточно основательное знакомство с западноевропейской классической философией породило у русских людей (в зависимости от их собственных умонастроений и душевных установок) или стремление сосредоточиться на личностных проблемах духовного бытия индивида в поисках искупления и вечного спасения, что дало толчок к развитию религиозно-философской ветви русской философии, или стремление поставить во главу угла проблемы социально-нравственного переустройства общества, что привело к возникновению соци-

ально ориентированной ветви развития русской философской мысли. Эти ветви, соприкасаясь между собой, конкурируя, но отнюдь не вступая в антагонистические отношения между собой, просуществовали в русской мысли вплоть до начала XX века, разумеется, неся в себе весьма разнообразный набор по преимуществу светских концепций и школ.

В советский период взаимоотношение этих течений в истории отечественной мысли истолковывалось как противостояние идеалистического и материалистического мировоззрений или даже как борьба «двух партий» – материалистической (революционной, прогрессивной и истинной, отражающей интересы простого народа) – и идеалистической (реакционной, ошибочной, выражающей интересы эксплуататорских социальных классов). Но важно другое – то, что различные ветви философской мысли, как бы далеко они не отстояли друг от друга, тем не менее, заключали в себе общие особенности её развития: уже упоминавшиеся антропоцентризм, нравственную и социально-историческую ориентированность, обеспокоенность вопросами общественной справедливости, исключительную искренность и правдоискательство её творцов. Религиозная традиция в русской философии также никогда не оставляла без внимания проблематику социального бытия общества, светские течения, в свою очередь, никогда не уклонялись от самой острой постановки нравственно-философских и общественных вопросов. Последнее наглядно проявилось в так называемой субъективной социологии П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, которая вся построена на исключительном внимании к проблемам блага индивида. И в этом смысле обе эти, казалось бы, столь далеко разошедшиеся ветви русской философии, всегда составляли единый поток развития русской интеллектуальной истории.

После 1922 г. на русскую философию тяжелым грузом легли совершенно различные, во многом противоположные и насильственные социальные условия её развития. Если в СССР установился жесточайший идеологический гнет, сопровождаемый прямым террором против инакомыслия, то в условиях эмиграции на русской философии не могла не сказаться её оторванность от русской действительности и от оказавшегося за «железным занавесом» русского народа. Правда, были и исключения. Можно вспомнить о Павла Флоренского, заплатившего за свои философские убеждения жизнью, или Питирима Сорокина, добившегося признания на Западе.

На Западе русская философия не потеряла своего творческого потенциала, но случилось так, что она сузила свою предметную область, стала по преимуществу религиозной, антимарксистской и антикоммунистической, все более далёкой от научных форм философского знания (например, логики или философии науки), то есть и её развитие оказалось до известной степени деформированным. Таким образом, можно сказать, что в XX веке русская мысль прошла тот же трагический путь потерь, притеснений и гонений, каким пришлось пройти всей России.

Наконец, упомянем еще об одной характерной для истории русской философии особенности развития. Ее институционально неспециализированные (развивавшиеся вне университетов и духовных академий) формы выражения чаще всего тяготели к практической реализации. Но если философии в России это редко удавалось непосредственным образом (исключением явилось в этом смысле воплощение в практике строительства социализма весьма догматизированной философии марксизма), то более успешный опыт синтеза и практического влияния она оставила в областях религии, науки, публицистики и, возможно, ярче всего – в области художественной литературы. Иначе говоря, развитие русской философии всегда происходило в теснейшем взаимодействии с литературным процес-

сом, начиная с книжной мудрости Древней Руси и кончая именами В. Розанова, Л. Шестова и др.

Вершиной синтеза философии и литературы стало творчество таких корифеев русской культуры, как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Их философия и по сей день остается влиятельным фактором не только русской, но и мировой культуры.

Сегодня вульгарная постмодернистская критика социальной и философской ориентированности русской мысли видит в этом чуть ли не главного виновника исторической катастрофы России, ввергнутой в социалистический эксперимент, длившийся около семидесяти лет. Это, разумеется, циничная клевета, которая перекалывает на литературу, тем более реалистическую и глубоко честную, вину за кровавые революции, гражданские войны и тотальный террор.

РУССКИЙ СЕВЕР И РУССКИЙ ДУХ

Скворцов Алексей

г. Москва, кандидат философских наук, преподаватель кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

В современной российской общественно-политической мысли жизнь северных регионов нашей страны зачастую преподносится как череда сплошных неудач и разочарований. Действительно, русский Север особо тяжело переживает последствия разрушения Советского Союза. Потеря Прибалтики закрыла огромной территории выход к Балтийскому морю, обернулась разделением семей и народов государственными границами, экономическое разграбление страны привело к уничтожению уникальных северных лесов, а общее падение уровня жизни людей, помноженное на суровый климат и изношенность основных коммуникаций, закончилось в некоторых районах едва ли не социальной катастрофой. В результате последовал массовый исход населения из Заполярья, опустели многие поселки, когда-то с трудом отвоєванные у природы. Под вопрос поставлено дальнейшее существование русской цивилизации на Севере. Все понимают, что ситуация сложилась чрезвычайно сложная, однако все чаще раздаются голоса, что России не по силам остановить приближающийся крах инфраструктуры региона. Поэтому предлагается искать помощи у наших западных соседей. Например, некоторые политики советуют сделать Север одним из центров мирового туризма, или мобилизовать все имеющиеся в регионе природные ресурсы при поддержке европейского капитала.

Однако, на наш взгляд, сегодняшние беды русского Севера проистекают в основном из глубокого мировоззренческого и нравственного кризиса, поразившего нашу страну в последние десять лет. В этот период российское общество жило не мыслями о будущем своей родины, а навязанным ему несправедливым раскаянием за прошлое. Год от года Россия уступала во всех внешнеполитических противоречиях, признавала кабальные условия выплаты долгов, унизила выпрашивая при этом западные кредиты. Иллюзорные надежды на золотой дождь из европейских и американских инвестиций сильно ослабили стремление к труду. А тем деятелям, которые желали создавать, а не жадать, настоятельно советовали обращаться не к реальной жизни, а к западному опыту. Если их действия не находили поддержки у иностранных консультантов, то они всячески тормозились. Другим роковым просчетом стало отсутствие в обществе четкого образа страны, которую предстояло строить. Какой должна быть Россия? – на этот вопрос не было ответа у властей. Они смутно ориентировались на какой-то теоретический конструкт «рыночной демократии», на форму правления, а не на содержание жизни. Тысячелетний многомерный исторический опыт

нашей страны оказался либо забыт, либо отвергнут. В результате настроение безысходности парализовало огромное количество работоспособных людей, начиная от рядовых граждан и кончая высшими государственными чиновниками. Наступила эпоха ужасного паралича воли, который никогда не был свойствен русскому человеку. Если нет никакой цели развития страны, если нет никаких духовных основ для ее дальнейшего бытия, то зачем делать что-либо на благо такой страны? В наиболее резкой форме упаднические настроения выразились в радикальной западнической прессе, где Россия представлялась в виде исторической неудачи, кровавой деспотии, жизнь которой всегда зависела от идей, случайно подхваченных за границей. Людей ненавязчиво заставляли задать самим себе вопрос: «А нужна ли такая Россия? Не лучше ли быть самой большой частью единой Европы?» Тот же самый вопрос ребром ставился и в отношении регионов. А зачем России Дальний Восток, если почти весь его товарооборот связан с Японией? А зачем нам Восточная Сибирь, если ее экономическое пространство замкнуто на Китай? А зачем России Север, если вложений он требует огромных, а отдача от них будет не раньше, чем через полвека. Для таких «экономистов» действительно ничего не нужно. Их беда в том, что им сильно не достает нравственной и исторической памяти. Нравственной, поскольку моральность человека раньше всего проявляется в его любви и уважению к своему родному дому; исторической – поскольку они упускают, что раз Россия из века в век осваивала Север, значит он ей был необходим. И теперь всем, кому все-таки север нужен, стоит уяснить: какая идея лежала в основе его развития, с какой целью шли туда люди, каким они желали видеть свой новый дом? Есть ли нечто особенное, что давал север для духовной жизни людей и без чего русская культура была бы немислима? И какую роль его духовный потенциал может сыграть в деле нравственного возрождения нашей Родины?

В первую очередь надо отметить, что север стал символом красоты и силы русской природы, ее неисчерпаемых богатств и просторов. Он привлекал своей широтой и неосвоенностью, по сути, являясь русским вариантом «страны неограниченных возможностей». Из века в век туда отправлялись смелые люди не ради улучшения своего достатка, а, скорее, для того, чтобы начать жизнь заново. Во-вторых, Север – место отшельничества и духовного сосредоточения, занимающее особое место в истории отечественной агиографии. Там творили свои духовные подвиги великие русские святые: Кирилл Белозерский, Сильвестр и Павел Обнорские, Александр Свирский, Савва Сторожевский, Игнатий Брянчанинов и многие другие. Русские подвижники благочестия стали первыми насельниками самых глухих уголков Севера; можно сказать, что в то время Русь заканчивалась там, где находился самый отдаленный скит. В сознании православного человека Север всегда неразрывно был связан с созвездием русских монастырей во главе с вечно таинственными Соловками. «Северной Фиваидой» называли в русской религиозной литературе эти края. Этим названием точно выражена основная православная идея Севера.

Север – это еще и место воинской и военно-морской славы России, место свершения многих русских подвигов. Первая русская регулярная армия Петра Великого закалялась в боях за выход к Балтике, здесь же закладывались победные традиции отечественного флота. В первых потешных войсках Петра никто бы не мог угадать контуры будущего непобедимой армии Румянцева, Суворова, Кутузова и Скобелева. Этот пример нам показывает, что никогда не поздно начать армейское строительство заново. Вместе с этим навсегда в нашей памяти останутся стояние за Святую Русь Александра Невского, оборона Пскова во время Ливонской войны, подвиг Ивана Сусанина, прорыв на запад Петра Вели-

кого, подвиг и трагедия 1-й и 2-й ударных армий времен Великой отечественной войны, блокада Ленинграда и героическая оборона Дороги Жизни. Много раз за долгую историю боевых действий русского воинства на севере перед ней ставились почти невыполнимые задачи. И почти всегда, несмотря на крайне тяжелые условия сражений, нашим воинством достигались решительные победы. Север напоминает нам о мужественности русского характера, о его непреклонности в защите родной земли.

Наконец, Север – это постоянное напоминание о государственном строительстве Российской Империи, творчески-созидательное начало нашей культуры. Приладожские города IX века стремились к объединению русских земель. Уже в Киевской Руси северные территории были очень высоко развиты; скандинавы их называли «Гарларики», т.е. «страна городов». Здесь важнейшую роль играла трудность территории, ее защищенность от врага. Татарам не удалось оккупировать север, и туда, спасаясь от ига, двинулись тысячи людей. Центрами их расселения стали в основном монастыри – хранители знаний и благочестия и хранители собственно русского мировоззрения. При их содействии пришло время эпохи городов-портов, центров российской торговли, а вместе с тем и интенсивного экономического развития. Наконец, эпоха Петра Великого и его прорыв к Балтике, который показал, что Россия дошла до ясного осознания своих геополитических задач. Строительство новой столицы империи Санкт-Петербурга стало выражением воли петровской эпохи: Северу надлежит остаться русским.

Еще раз оглядываясь на историю Севера, мы встречаемся в ней с величайшими нравственными образами, оказавшими большое влияние на отечественную культуру. Смирненно-христианское начало здесь соединилось с воински-мужественным и государственным. И неужели все это забыто и предано осмеянию? Нет, это, безусловно, не так. Большинство жителей Севера хотя и видят свой край не умирающим сырьевым придатком Запада, а постоянно развивающимся и духовно растущим регионом. Но для этого требуется пробуждение исторической памяти не только у северян, но и у всех жителей России. В основе любых программ будущего освоения Севера должно лежать твердое убеждение в абсолютной его незаменимости для России. Отношение к нему должно быть как к величайшему духовному богатству, как к святыне отечественной культуры. Только при этом условии Север, как и завещал нам Петр, навсегда останется русским.

РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В ШКОЛЕ ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ Смирнова Галина Юрьевна

*г. Лодейное Поле, учитель истории средней школы № 68
г. Лодейное Поле, руководитель школьного музея*

*Вот где нам почастивилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти мы наши
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.*

К. Симонов

Тема малой Родины очень продуктивна для воспитания подрастающего поколения. Начинать нужно с близкого и конкретного, с того, что окружает ребенка ежедневно, чего он порой не замечает. От любви к понятному и близкому, реально осязаемому и дорогому с рождения приходит любовь к Отечеству – России, зарождается чувство патриотизма. Оно становится глубже, когда мы узнаем

об истории своей малой Родины, о знаменитых земляках, когда знакомимся с традициями и памятниками родной земли.

Сегодня трудно найти школу, которая не занималась бы краеведческой работой. Ведь кем бы в дальнейшем ни стали наши ученики, они всегда будут ощущать свою причастность к родному краю, видеть и чувствовать красоту его.

Для меня и большинства моих учеников Родина начинается с маленького провинциального городка на северо-западе России, районного центра Ленинградской области... История рождения нашего города уходит своими корнями в далекое прошлое. Здесь в 1702 году по велению Петра I была основана Олонечкая судостроительная верфь, которая должна была стать головной при создании первоначального ядра Балтийского флота. В год, когда отмечалось 300-летие флота при изучении темы был разработан и проведен урок «Лодейное Поле – родина Балтийского флота».

Свирь... Петр I... Верфь... Корабли...

Эти слова у нас на слуху с детства. С них начинается история нашего Лодейного Поля, 300-летие которого мы отмечаем в этом году. Поэтому вполне естественным является у ребят интерес к прошлому и настоящему города и края.

Эмоциональным и содержательным получился урок в курсе «Земля Ленинградская: история и культура». При подготовке к нему каждый из ребят должен был выполнить творческое задание. Один нарисовал прекрасный рисунок, другой выучил стихотворение местного поэта, кто-то сделал аппликацию, вышивку герба города, выставку фотографий памятных мест, поделки из дерева и глины, куклы в народных костюмах, вышитые полотенца, скатерти, коврики, сделанные из лоскутков. Кульминацией выставки стал макет шлюпа «Мирный» и выполненный в оригинале русский женский свадебный костюм. Больше года трудились ребята, создавая свои изделия, посещали различные кружки и студии города. Так в совместной познавательной деятельности раскрылись незаметные ранее творческие способности ребят, развились наблюдательность, эстетические чувства, повысилась общая культура. В обычном и знакомом увидеть необыкновенное помогли ребятам фрагменты видеofilма «Земля Лодейнопольская» и слайды, на которых изображены памятные места, живописные картины природы, события, ставшие уже историческими. При подготовке к уроку ребята выполняли также задания поискового плана: работа с периодической печатью, сбор газетных материалов о людях и событиях родного края, сведения о названиях улиц, о земляках, чьи имена они носят, выявление и пропаганда памятников истории и культуры. Выступая на уроке, каждый из ребят старался ярко и образно раскрыть свою страницу из жизни родного края.

Таким образом, история, природа и культура в своей неразрывной связи создали целостную картину ближайшего окружения, образ малой Родины как части большого Отечества. А конкретизация курса отечественной истории выразительными яркими фактами из истории родного края дает учащимся не только более ясные представления о событиях прошлого, но само главное, воспитывает у них уважение, гордость и любовь к Родине.

Большим воспитательным потенциалом обладает работа по созданию истории школы, которая привлекательна прежде всего тем, что носит поисковый исследовательский характер.

1 сентября 1931 года в небольшом городке Лодейное Поле открылись двери первой во всем районе средней школы № 6 Мурманской железной дороги (позже Кировской, Октябрьской), сегодня школы № 68. Это был праздник для всех жителей города, потому что школа тогда была самым красивым, самым высо-

ким, самым светлым и просторным зданием. Она приняла в свои стены более 1000 учащихся, а 25 мая 1937 года прозвучал последний звонок для первых выпускников школы. Конец 30-х годов печально известен массовыми репрессиями. Не обошла беда и учителей нашей школы. Лучшие из них: А.С. Михайловский, М.И. Греков, П.А. Вешкельский, М.М. Лешуков, Н.Э. Юрша, А.М. Авров, Н.И. Бутавина, Н.С. Тихомирова, Н.И. Лешкельская были необоснованно репрессированы и только в 1957 году полностью реабилитированы. 19 июня 1941 года состоялся очередной выпускной вечер, а через три дня война пришла на нашу землю. Почти весь выпуск ушел на фронт. «Огненный выпуск» – так называют его в истории школы... Из 19 выпускников 10 «А» класса 12 погибли. В школе разместились госпиталь. Судьба школы перепелась с судьбой страны.

Гимн выпускников школы № 68

*Нас школа Лодейного Поля взрастила
Наставником первым была,
Гражданству и мужеству нас научила
И в жизнь нам путевку дала.
Прошли мы из классов дорогой нелегой
В призвании счастье искать.
Мечты, что в сердцах наших юных носили
В реальную жизнь воплощать.
Но планам не всем суждено было сбыться
И многое в них нам пришлось изменить.
Пришлось нам с кровавым фашизмом сразиться,
Его уничтожить, страну защитить.
И те, кто из нас с поля битвы вернулись
И те, кто в тылу вынес тяжесть войны
С отдачею полной сердца и силы
Лечили трудом нашим раны страны.
К тому нас обязывал долг наш гражданский
Мерилом свершений всех совесть была.
Она награждала, она нас судила
И к цели вперед она всех нас звала.
Прошло много лет, нас состарили годы
Таким непреложный природы закон.
Но всех, кто учил нас и школе Лодейной
От нас самый низкий сердечный поклон.*

Вновь проникновенно и взволнованно прозвучали эти строчки в школе на юбилейном вечере 2 февраля 2001 года. Внеклассная работа при подготовке к этому большому событию (70 лет школы) приняла массовый характер. Из домашних архивов было извлечено огромное количество фотографий, записывались воспоминания, оформлялись альбомы и стенды школьного музея. Оказалось, что у многих учеников в нашей школе учились не только старшие сестры и братья, тети и дяди, но мамы и папы и даже бабушки и дедушки.

Действительно, историю нельзя познавать только через книгу, фильм или наглядное пособие. Пропущенная через судьбу близкого человека, история запоминается лучше. Большое значение сегодня для нас имеет практическое применение собранных и накопленных материалов. Они обрабатываются, оформляются в альбомах и папках. Ребята выступают с сообщениями, пишут рефераты: «История школы № 68», «След войны в моей судьбе», «Лодейное Поле – родина Балтийского флота», «В.Д. Поленов», «Православие Межозерья», «Б.Г. Музруков – наш земляк», «А.А. Якимовский – гордость Лодейного Поля» и др. Наверное было бы чересчур оптимистичным полагать, что все приходящие на такие

встречи движимы в первую очередь жадной познания или интересом к родному краю. Но даже пассивное участие имеет положительное внимание на ученика.

У каждой школы есть свои изюминки, которыми гордится коллектив учителей и учащихся. На стенде нашей школы установлена мемориальная доска с надписью: «В этой школе работал с 1936 по 1965 гг. учитель, почетный гражданин города А.А.Якимовский».

А.А.Якимовский был учителем пения, рисования, черчения, географии в нашей школе. Руководил художественной самодеятельностью школы. Старший и младший хоры, сольное и ансамблевое пение, оркестр народных инструментов, хореографический кружок, группа художественного чтения, выставки рисунков, беседы, лекции для учащихся и учителей на темы музыки, изобразительного искусства, походы по родному краю – далеко не полный перечень внеклассной работы А.А.Якимовского.

Ежегодно в школе проводятся уроки, посвященные А.А.Якимовскому, но это не просто уроки – это «уроки доброты», во время которых мы переносимся в мир искренности, чистоты и добра.

Большое внеклассное мероприятие с приглашением ветеранов школы, учеников А.А.Якимовского проведено в школе в день 100-летия Якимовского – 18 февраля 2002 года. Вполне естественно мы посвятили его и 300-летию города Лодейное Поле. Он смог создать то, чему не погибнуть до тех пор, пока будет жить в сердцах лодейнополцев гордость за свой край, любовь к нему. Он написал текст к стеле – памятнику войскам Карельского фронта, что стоит на берегу Свири. Он придумал знак, обозначающий въезд в город Лодейное Поле – лодья на волнах и название города шрифтом, напоминающим древнерусский. Он изучал историю города и края, писал в газеты о необходимости реставрации Александрo-Свирского монастыря, хлопотал о возрождении народных промыслов. Он отдавал все силы, чтобы город жил интересной культурной жизнью.

А.А.Якимовский – явление в жизни нашего города значимое, яркое. Он – руководитель хора при ДК, им возрожден оркестр народных инструментов. Он принимал активное участие в создании и работе Лодейнопольского краеведческого музея, подарил музею ряд своих картин, был прекрасным экскурсоводом. Сегодня в школе готовится к выпуску книга воспоминаний об А.А.Якимовском.

Воспитание, бесспорно, одна из вечных областей человеческой деятельности, причем самая значимая. Антуан-де-Сент Экзюпери в книге «Планета людей», описывая тех, кого уважал и кем восхищался, справедливо отмечал, что восхищения достойна прежде всего почва, их взрастившая.

Традиции нашей школы складывались годами. Школа гордится своими выпускниками. В 1997 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга Памяти «Не дай, Отчизна, умолчать...», посвященная погибшим в Афганистане воинам из Ленинградской области. Автор – составитель книги Памяти наша землячка Н.М.Калашникова, в прошлом учительница английского языка. Книга рассказывает о судьбах 92 молодых людей, не вернувшихся домой... Среди них и выпускник нашей школы А.Г.Калинин (15.08.61 – 06.11.84 гг.). Он закончил нашу школу в 1979 году, стал курсантом Ленинградского высшего общевойскового дважды Краснознаменного училища им. С.М.Кирова.

С июля 1983 г. – служба в г. Панфилове Курганской области. 8 августа 1984 г. убыл в Афганистан. Он пробыл там три месяца, принимал участие в четырех боевых операциях... Короткая, но яркая жизнь осталась в памяти людей, знавших Андрея Калинина, этого молодого жизнерадостного парня. Остались фотографии в семейном альбоме, дневниковые записи и стихи... Много лирических,

воспевающих жизнь со всеми ее радостями и печальми. Целый цикл стихов посвящен афганскому периоду.

Каким был и каким мог стать человека, и что мы теряем, когда вот так на взлете обрывается жизнь... Об этом думали собравшиеся на вечер Памяти А.А.Калинина. Делились воспоминаниями родители, учителя, друзья Андрея. Весь вечер звучали стихи А.Калинина в исполнении сегодняшних школьников, звучали афганские песни.

Преподнесенная таким образом история проходит не только через детские умы, она затрагивает самые тонкие струны сердца, вызывает бурю эмоций и переживаний. Об этом свидетельствует кадры видеопленки, на которой снят вечер Памяти. Этот материал мы также используем в дальнейшей работе, проводя такие мероприятия, как «Парень из нашего города», «Не для войны рождаются солдаты, а для того, чтоб не было войны», уроки Мужества, фестивали военной песни и др. Ежегодно мы с ребятами посещаем мемориальное кладбище на высоком берегу Свири, где возлагаем цветы на могилы героев, воина-афганца А.Калинина и Николая Шалаева, погибшего в Чечне. Экскурсии по местам сражений, в парк-музей «Свирская Победа» знакомят с бессмертным подвигом защитников Свирского рубежа. Малыши и подростки с интересом разбредаются по старым, заросшим солдатским окопам.

Я думаю, что большое значение следует уделять эмоционально-практическому приобщению растущего человека к историческим святыням. За время обучения в школе ученики проходят по маршрутам, связанным с историческим прошлым нашего края. Интереснейшей достопримечательностью является Старая Ладога, расположенная недалеко от нас.

Все содержание школьной жизни продолжает защищать идеалы добра и бескорыстия, человеколюбия и честности. Необходимо поощрять самостоятельную познавательную активность учеников. Писатель В.Г.Распутин говорил: «Малая Родина дает нам гораздо больше, чем мы в состоянии осознать. Человеческие наши качества, вынесенные из детства и юности надо делить пополам: половина от родителей и половина от взрастившей нас земли. Первые самые прочные представления о добре и зле, красоте и уродстве мы выносим из нее и всю жизнь затем соотносим с этими изначальными образцами и понятиями...»

Надежды на то, что сама жизнь воспитает наших детей, оправдываются лишь в том, что у части подростков, предоставленных самим себе, формируется хватка, умение нажиться за счет других. А как быть с остальными, за счет которых эта «элита» будет наживаться? А как быть с приобщением к общечеловеческим ценностям? Если мы будем только обучать и отдадим стихии микросреду, которая формирует личность, откуда возьмется у молодежи любовь к людям, стремление к знаниям, труду, любовь к Отечеству? Еще не выросший человек оказывается один на один с разгулом эгоизма, насилия. Горестные последствия такого подхода уже наблюдаются.

В отношении людей к Родине и ее истории определились два полюса: на одном глубокое патриотическое чувство, ведущее к активной созидательной позиции; на другом – вандализм и циничный отказ от своего Отечества, позиция предателя. Между ними несчетное множество переходных вариантов. В этой зоне колеблющихся, неустойчивых и находится большая часть наших учеников. Сегодня в школе нужен спокойный, глубокий совместный поиск истины, который ведут вместе взрослые и дети. Историю судить нельзя. Ее надо изучать, чтобы на опыте предков обретать мудрость и не повторять ошибок. *Другого Отечества и другой истории у нас не будет.*

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ*

Смирнова Наталья Михайловна

г. Москва, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора социальной философии ИФ РАН

1. Объективная сложность анализа нынешней социокультурной ситуации состоит в том, что на сегодняшний день отсутствует не только сколько-нибудь надежная методология прогнозирования возможных сценариев ближайшего будущего - нет даже явно выраженной озабоченности по этому поводу. «Демон квантификации» - попытка опереться на количественные показатели - не в состоянии изменить ситуации, поскольку требует хотя бы временного консенсуса по поводу теоретических рамок их интерпретации. Сложность ситуации усугубляется тем, что предметы, будоражащие сегодня российское общественное мнение («Куда идет Россия?», «Возможна ли у нас победа либеральной демократии?», «Может ли рынок сам по себе решить все экономические проблемы?» и т.п.), столь абстрактны, что различные варианты их решения обладают скорее институционально-идеологической, чем эмпирической поддержкой. Поэтому идеологическое противостояние правых и левых (в отсутствии сильного и стабильного центра) разворачивается не только (и не столько) вокруг сценариев возможного будущего, но и вокруг определения нынешней ситуации. Это, выражаясь словами П. Бурдьё, «борьба за стиль легитимной перцепции».

Подобная драматическая ситуация в методологии социального анализа усугубляется тем, что даже наиболее зарекомендовавшие себя западные методологии - веберовская теория целерационального действия, социально-феноменологическая концепция понимания, элиасовская теория фигураций, не говоря уж о структурно-функциональном анализе (и его обновленной вариации - неофункционализме), у нас не работают. Они сидят как модная французская шляпка на непричесанной башке Ивана Никифоровича, «похожей на рельсу хвостом вверх» (Н. В. Гоголь). Почему так происходит? Потому что все они выражают образы социального знания устойчивого и хорошо структурированного гражданского общества с развитым средним классом - менталитеты Модерна.

Так, теория целерационального действия М. Вебера исходит из прозрачности отношений цели и средства. В высокобюрократизированном российском обществе целерациональные отношения «замутнены» множеством институциональных посредников, действующих отнюдь не целерационально, а подчас и противоправно. В свою очередь, социально-феноменологическая концепция понимания неявно предполагает наличие устойчивых типизаций (социокультурных образцов), аккумулирующих социально одобренный опыт, которые в условиях транзитного социума («великого отказа») и отсутствия общественного консенсуса по важнейшим жизнепрактическим вопросам (частной собственности на землю, необратимости криминальной приватизации, распределения полномочий центра и регионов и т. д.) просто отсутствуют. Я уже не говорю о структурно-функциональной модели, предполагающей устойчивый и высокоструктурированный социум с четко распределенной системой институциональных ролей, в котором культура - падчерница российской демократии - выполняет важнейшую функцию трансляции социальных образцов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 02-03-18293а

2. В характерной для России ситуации переходного, слабоструктурированного и «размытого» социума, где, как грибы после дождя, множатся партино-однодневки, архетип восприятия социальной реальности очень сложен. Он представлен причудливым конгломератом реликтов традиционалистского сознания, недо-модерна и постмодерна; последний нередко оборачивается «неотрадиционализмом», а то и «неоархаикой». Иными словами, сложность цивилизационного анализа современной российской действительности состоит в том, что одни цивилизационные структуры, например, традиционного общества, в превращенной форме функционируют в условиях преобладания других (индустриальных, постиндустриальных), а подчас и маскируются под них. Иными словами, в отличие от стран классической модернизации, мы живем сразу в трех цивилизационных измерениях одновременно, и линейное историческое время Модерна («время-стрела») замещается метафорой «ветвящегося» времени. Продолжая ряд метафорических уподоблений, можно было бы сказать, что душа россиянина пребывает преимущественно в традиционном обществе и тяготеет к идеалам коллективизма и социальной справедливости, приоритета нравственности перед правом и личных (коротких) социальных связей перед институционально обособленными. В.Г. Федотова квалифицирует эти качества как «душевность и наличие святости», что, по сути, одно и то же. Телесно же мы, без сомнения, проживаем в обществе Модерна, пользуясь благами индустриальной современности. Правда, сказанное справедливо лишь для жителей сравнительно крупных городов, повседневность же российской глубинки до сих пор модернизирована весьма поверхностно. Наконец, наш разум живет уже категориями постсовременной, информационной цивилизации, пользуясь плодами открытости виртуального информационного пространства.

Сложность анализа конфигурации цивилизационных пластов усугубляется тем, что они «социально распределены» отнюдь не в соответствии с имущественной, социально-культурной и образовательной дифференциацией. Один и тот же человек демонстрирует все три модели сознания в различных социальных ситуациях. Например, электоральное поведение среднестатистического россиянина, независимо от его образовательного уровня, почти исключительно ориентировано на традиционалистский архетип. «Голосуют сердцем» («сумом Россию не понять...»), т.е. выбирают не проекты и программы преобразований, а человека, которому доверяют. Это персонификация социальных связей, свойственная менталитету традиционного общества. Понимая (а точнее, чувствуя) это, лидеры президентской гонки в период избирательной кампании не спешили обнародовать свои предвыборные программы, вызывая недоумение западных наблюдателей («Кто такой Путин?»)- вопрос, ставший риторическим на Давосском форуме 2000). Напротив, в досуговых технологиях современный россиянин, во всяком случае, в городах, ведет себя скорее постмодернистски. Пленительные виртуальные реальности телесериалов, компьютерных игр и вакханалии шоу-бизнеса, похожие на ритуальные пляски дикарей, все более вытесняют из сознания россиянина (да и из школьных программ) великую русскую литературу - бесценное культурное наследие, без которого Россия - «Верхняя Волга с ракетами».

3. В причудливой амальгаме различных цивилизационных пластов традиционалистскому принадлежит главенствующая роль. Социалистическая модернизация в России, как, впрочем, и мощнейший экономический рынок тихоокеанских «драконов», основывались отнюдь не на протестантской этике, а на канонах традиционалистского сознания: нестяжательстве, товарищеской взаимопомощи и готовности жертвовать во имя будущего. Подобные установки отражал

и «моральный кодекс строителя коммунизма» - адаптированный к задачам социалистического строительства архетип традиционалистского сознания.

4. В России нет твердо установленных образцов социального восприятия. Ибо они - культурный продукт устойчивой повседневности. Наша, российская повседневность отнюдь не является той почвой, на которой произрастают рафинированные продукты высокой культуры, в том числе политические проекты и технологии. Если применительно к Франции Ф. Бродель мог сказать: «Если изменяется все, кроме повседневности, значит, *ничего* не меняется», то в России это вовсе не так. У нас ничего не вырастает из повседневности. Социальные инициативы нисходят «сверху». Все модернизационные импульсы в России, начиная от инициатив Петра I и кончая идеями М.С. Горбачева, персонализированы. А любые инновации, не взращенные повседневностью, а привитые «сверху», крайне неустойчивы. И должно смениться, как минимум, поколение, чтобы такие инновации, будучи социально наследованы, воспринимались как «естественные». Быть может, поэтому судьба всех российских реформаторов трагична.

5. П. Бурдьё замечает, что в постиндустриальном обществе главный капитал - не промышленный и даже не финансовый, но *символический* (т.е. сложная констелляция ресурсов образования, престижа, публичного влияния, репутации и т.д.). К России же понятие символического капитала неприменимо. Если авторы «Вех» сетовали на то, что в России право стоит на низшей ступени ценностной иерархии, то сейчас это место прочно занято образованием, демонстративное презрение к которому так столь явно демонстрируют «новые русские». И сегодня мы воочию убеждаемся, что человек, не обремененный нравственными запретами, гораздо более удачлив в бизнесе, чем его совестливые коллеги (впрочем, так уж сложилось, что последние бизнесом и не занимаются). И если в начале века (теперь уже прошлого) нуворишей не пускали в приличное общество, то ныне, как справедливо заметил вице-президент российского общества социологов Н. Е. Покровский, «некоммерческий человек - ничемный человек, и даже не человек вообще» (Великий отказ // На перепутье (Новые Вехи). М., 1999, С. 174). Не этот ли путь озаряют виффемские звезды постмодернизации?

6. В структуре нашего архетипа - традиционалистский менталитет, недомодерн и постмодерн - самое «слабое звено», конечно же, среднее. Еще Н. Лосский писал, что в России всегда была проблема «срединной области культур», не опосредованных противоположностей. Но структуры традиционалистского менталитета образуют с постмодернистским куда более прочный сплав, чем с менталитетом индустриального общества, жизненные смыслы и ценности которого (активистски-деятельностное, «покорительское» отношение человека к природе, друг другу и самому себе) в значительной мере противоположны традиционалистским.

Постмодернизм - симптом культурной усталости от антропологической репрессивности Модерна. Время - модернистский инструмент социального принуждения. Модерн ломает природные биоритмы человека, в соответствии с которыми он жил в традиционном обществе (вставал с петухами, ложился с заходом солнца), подчиняя их ритмам функционирования техники («непрерывный производственный цикл»). Экспансия Нормы существенно обедняет культурный генофонд человечества, а разрушение обжитых социокультурных гнезд превращает население в «массу». Наконец, неограниченная индустриальная экспансия создает угрозу сохранению биологического равновесия в общепланетарном масштабе, порождая трудноразрешимые экологические проблемы.

7. Усталость Запада от репрессивных технологий Модерна, индустриальных, социальных и культурных, проявляется в моде на стиль «ретро», в стремлении

реставрировать многие утраченные ценности традиционного общества. На смену ураганному ритму индустриализации с присущим ему лозунгом «быстрее, выше, сильнее», приходит «пафос длительности». П. Бурдьё поясняет, почему культура и образование в постсовременности ценятся выше денежного капитала: они обретаются *постепенно!* На них нужно затратить часть человеческой жизни, отнюдь не беспредельной. В Италии набирают популярность общества «медленной еды», создавая угрозу «фабрикам-кухням» - Макдональдсам. А на дорогах Голландии сплошь да рядом мелькают плакаты: «Быстро ездить - все равно, что быстро заниматься любовью».

Тенденция к пересмотру модернистских ценностей как вечных на все времена во имя более очеловеченного общества получила название постмодернизации. И в этом отношении мы, как это ни парадоксально, ближе к постсовременности, чем страны первого эшелона модернизации. Парадокс в том, что насаждая неуправляемую рыночную стихию, мы «догоняем» Западную Европу 18 века, в то время, как она пытается восстановить те ценности, которые у нас еще не утрачены в процессе «рубки, произведенной Модерном» (Ю. Хабермас). Сейчас шведы говорят, что двадцать лет учились у нас сильной социальной политике, положенной в основу «шведского социализма». В стремлении догнать «социальное государство» Запада начала 18 века, мы отбросили себя едва ли не в арханку: по уровню социальной защищенности прав трудящихся новый Трудовой Кодекс перекрывает весь мировой опыт профсоюзного движения. В прошлом году английская общественность широко отмечала тридцатилетие системы бесплатного медицинского обслуживания. И даже сильнейшая эпидемия гриппа, постигшая туманный Альбион прошлой зимой и вскрывшая серьезные недостатки национальной системы здравоохранения, не смогла побудить англичан отказать от этого социального завоевания. Мы же гордимся, что пришли, наконец, к тому, что «за все надо платить». И большинству россиян здоровьем стало «не по карману». Так обретает буквальный смысл горькая шутка о том, что жизнь не является предметом первой необходимости. Не в этом ли истоки нынешних демографических проблем?

8. И все же в России есть значительные ресурсы позитивной динамики, т.е. возможности реализовать те сценарии, основанные на восстановлении стимулов к труду, сохранению народа, страны и культуры. Есть основания надеяться, что у нас это, по крайней мере, возможно. На Западе реставрировать традиционалистские ценности, носящие общечеловеческий характер, пока не удается. От покорения природы к устойчивой коэволюционной стратегии путь не легкий. Там, где эти ценности утратили способность мотивировать человеческое поведение, попытка их возрождения оборачивается уродливой карикатурой: падением в неоарханку, неокочевничество, неутраивализм. Выдающийся итальянский философ культуры Умберто Эко констатировал, что «Средние века уже начались». Так обретают буквальный смысл слова ныне непопулярного К. Маркса о том, что история повторяется дважды: один раз - в виде трагедии, другой - в виде фарса. Сейчас у нас налицо отсутствие сколько-нибудь крупных духовных инициатив стратегического масштаба - «русской идеи». Тем не менее, менталитеты традиционализма пока не разрушены, и именно на эти ценности мы можем опереться в осуществлении задач постмодернизации. И хотя некоторые наши западники уповают на то, что «жить надо не по ценностям, а по интересам», такая позиция представляется мне недостойной не только ученого, но и человека.

Думаю, что главная задача сейчас - создать такие модели - аттракторы устойчивого развития, в которых имеющиеся у нас предпосылки постмодернизации смогли бы заработать в полную силу.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Сорокина Татьяна Семеновна

г. Лодейное Поле, завуч средней школы № 3, аспирант ЛГОУ

История и сопряженные с нею социальные учебные дисциплины всегда занимали особое место в общеобразовательных программах любого государства. Ведь именно содержание этих предметов помогает юным поколениям освоить культурно-историческую традицию родной страны, интегрироваться в общество, идентифицировать себя как гражданина. Развитие социальной памяти – важнейшая функция обучения истории.

История, как и любой школьный предмет, должна иметь свои цели обучения. Но в России эти цели еще не определены и продолжают оставаться предметом острых дискуссий. Сейчас, когда историческое образование постепенно становится лично-ориентированным, плюралистическим и многообразным, учитель истории сталкивается с проблемами не только дидактического и информационного характера. При еще не сформулированной концепции стабильного исторического и обществоведческого образования школы вынуждены самостоятельно, преодолевая мировоззренческий и нравственно-ценностный вакуум, искать новые структуры и содержание школьного образования, цели и приоритеты образовательной политики. В условиях политической, идеологической и социальной разобщенности российского общества, извечного спора «отцов» и «детей», еще более углубленного переоценкой исторического прошлого своей страны, на учителях, и особенно на преподавателях общественных дисциплин, лежит огромная ответственность за судьбы юных граждан России за будущее страны. В самом деле, интерпретации прошлого, подобранные в соответствии с какими-либо заранее заданными целями, действительно может способствовать формированию широкого спектра ценностей и псевдоценностей: патриотизма, космополитизма, национализма, шовинизма, ксенофобии, низкопоклонства перед Западом или Востоком, атеизма, религиозности, веры в провидение или эзическую теорию Л.Гумилева. Выбор вариантов велик, а воспитательные возможности истории поистине безграничны. В связи с этим в последние годы поднимается вопрос не только о праве преподавательских коллективов и педагогов на творчество, но и о зоне и степени профессиональной свободы и их гражданской ответственности.

Можно выделить несколько направлений поисков новой парадигмы школьного исторического образования вообще и воспитательной роли истории в частности. Некоторые авторы, по сути, отрицают воспитательную роль истории вообще. Так, например, по мнению Ю.Л. Троицкого, «идеологическая и политическая ангажированность этого школьного предмета скомпрометировала тезис о воспитании историей»¹. В.Г. Безрогов отмечает, что «в последние годы кардинально трансформировалась иерархия целей и задач исторического образования, в которой доминировала специфически понимаемая воспитательная ориентация (формирование коммунистического мировоззрения)»². А.Ю. Головатенко пишет

¹ Троицкий Ю.Л. Методические рекомендации к серии рабочих тетрадей по истории //Методика к рабочим тетрадям для средней школы М., 1995, С.291-295

² Безрогов В.Г. и др. Учебная литература по истории: современное состояние и перспективы //История 1997 № 11.

о том, что «изучение прошлого не может и не должно рассматриваться как повод для формирования тех или иных качеств личности, даже самых прекрасных»³.

Покажу, можно говорить о том, что эти и подобные им высказывания являются своеобразной и во многом закономерной реакцией на аксиому прежних лет: «Цели преподавания истории имеют четко выраженный классовый характер и отражают изменения в общественных отношениях»⁴.

Но на наш взгляд и в других концепциях исторического образования воспитательная функция исторического образования сформулирована узко, не определено отношение к формированию исторического сознания, которое имеет свою мировоззренческую функцию. В проекте Федерального компонента государственного образовательного стандарта по истории авторы раскрывают воспитательные задачи главным образом на материале российской истории, причем излагают их достаточно однобоко⁵.

Мы разделяем позицию Е.Е. Вяземского о том, что одна из важнейших целей исторического образования – «обеспечить средствами предмета... воспитание гражданина и патриота Отечества, ценностно-ориентированной личности, обладающей нравственными качествами, способной к самореализации в условиях современной социокультурной ситуации»⁶.

В концепции воспитания в образовательных учреждениях, принятой Комитетом общего и профессионального образования Ленинградской области отмечается, что воспитание в общеобразовательном учреждении является целенаправленной культуросообразной социализацией личности, а одна из составляющих достижения этой цели – система ценностей, обязательных для усвоения. К такой базовой ценности, по мнению разработчиков концепции, относится Родина как единство ее природы, истории и культуры⁷.

Эта концепция, безусловно, опирается на те основные гражданские ценности, которые указаны в Преамбуле к Конституции РФ. Это чувство общей судьбы, любовь и уважение к своему Отечеству, ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями.

Осознание необходимости патриотического воспитания все больше внедряется в общественное сознание. Происходит понимание того, что отказ от национальных ценностей, и, прежде всего, патриотизма, может завести наше общество в цивилизационный тупик. Еще не будучи президентом, В.В. Путин с сожалением писал о том, что слово патриотизм «подчас используется в ироническом или даже ругательном смысле. Однако для большинства россиян оно сохранило свое первоначальное, полностью позитивное значение. Это чувство гордости своим отечеством, его историей, свершениями. Это стремление сделать свою страну еще краше, богаче, крепче, счастливее. Утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный на великие свершения»⁸.

³ Головатенко А.Ю. Учебники истории: сегодня и завтра //История 1997 № 7.

⁴ Методика преподавания истории в средней школе: Учеб. Пособие для студентов пединститутов / С.А. Ежова и др. М., 1986. – С. 8.

⁵ Проект Федерального компонента государственного образовательного стандарта: Образовательная область «Общество» (История) / Алексашкина Л.Н., рук. Авт. Кол. //История 1996 № 42.

⁶ Вяземский Е.Е. Проект государственного образовательного стандарта. Образовательная область «Общество» (История) //История 1997 № 2.

⁷ Царева Н.П., Петушкова И.Н., Козлова Н.И. Концепция воспитания в образовательном учреждении. Информационно-справочный сборник. СПб. 1998, № 11-13.

⁸ Россия на рубеже тысячелетий. //Независимая газета, 12.12.1999

Необходимость переосмысления традиционных ценностей патриотизма, государственности, социальной справедливости, православия была в центре внимания на конференции «Россия в поисках идентичности», где отмечалось, что именно идея патриотизма представляется той идеей, на которой можно сплотить российское общество, укрепить единство и целостность федеративного государства, способствовать духовному возрождению россиян.

Но актуальность вопроса о патриотическом воспитании, на наш взгляд, заключается не только и не столько в том, что соответствует определенным политическим и государственным целям. Воспитание патриотических чувств соответствует глубинным основам человеческого естества, способствует гармоническому развитию личности.

Патриотизм определяют как моральное чувство, как социальную ценность, но чаще всего как нравственный принцип, возникновение которого связывают с появлением государств. Нравственные принципы как субъективные «договорные» отношения между людьми могут изменяться на протяжении жизни каждого индивидуума и человечества в целом. Одни из них уходят в прошлое, другие наполняются новым содержанием и смыслом. Но жизненность нравственных принципов определяется не только субъективным фактором, но и объективным основанием, лежащим в их основе. На наш взгляд, патриотизм как нравственный принцип имеет глубокие биосоциальные, психологические и аксиологические корни.

Чувство любви к родной земле, присущее человеку, имеет глубокие истоки. В самом деле, способность и стремление защищать свою территорию и даже в определенной степени улучшать ареал своего обитания, свойственные представителям животного мира, сыграли не последнюю роль в эволюционном процессе становления человека и формировании его как существа общественного. Социобиологи говорят о том, что у животных локализация в пространстве совершенно отчетливо видна уже тогда, когда локализация во времени едва только начинает обрисовываться. Пространство представляет собой каталог знаков, в котором нуждается индивидуум и который он носит с собою, пользуется им, чтобы ориентироваться среди своих многочисленных ощущений и изменчивых состояний путем их точных обозначений.⁹ Один из основоположников социальной логики Г. Тард отмечает, что «в идее отечества проявляется связь, порождаемая сожительство в одной и той же местности; это интенсивное впечатление дает себя чувствовать даже первобытным общинам и племенам еще раньше, нежели они становятся оседлыми.»¹⁰

Психический склад этноса формируется на бессознательном уровне и наиболее ярко проявляет себя в типических особенностях бессознательного постижения мира, в «архетипах» «коллективного бессознательного». К. Юнг, введший этот термин, считал, что в коллективном бессознательном заложена информация о значимом опыте предшествующих поколений и значимые идеи.¹¹ Происхождение содержания бессознательного - спорный вопрос. З. Фрейд говорил о расовой наследственности, К.Юнг считал, что коллективное бессознательное связано с наследованием человеческих первообразов, которые носят непреходящий характер и наследуются посредством мозговых структур из поколения в поколение. Архетип бессознательного - универсальная познавательная категория, общая для целой нации или даже эпохи, это наследуемая организация психической энергии. Например, архетип матери - это собирательный образ, оказы-

⁹ Тард Г. Социальная логика. С-Пб., 1996., С.133-134

¹⁰ Там же, С.9

¹¹ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.

вающий влияние на любого человека. Он выражен в патерне всего защищающего, обогревающего, кормящего. Защищающая мать одновременно ассоциируется с кормящей землей. Символ матери обращен к месту рождения, к родине.¹² Следовательно, чувство любви к родине тесно связано с психическим складом этноса и носит универсальный характер; оно присуще всем народам, всему человечеству и проявляется в большей или меньшей степени на всех этапах его развития.

Можно говорить о том, что коллективное бессознательное содержит когнитивные структуры мировоззрения (в том числе и в виде общественного мнения), а также и стереотипы этно-исторического поведения. Они усваиваются нами через интериоризацию правил поведения, ритуалов, традиций, других атрибутов национальной культуры в процессе социального взаимодействия между родителями и детьми, старшими и младшими поколениями, между этническими общностями и социальными слоями. Они передаются от одного исторического поколения к другому посредством механизмов и форм социальной наследственности, которые обязаны своим происхождением общению людей как обязательно-условно человеческого существования. К. Юнг относил эти явления к «коллективному бессознательному», В. Вундт - к «душе народа». В. Бехтерев - к «коллективной рефлексологии». Интериоризация этих явлений происходит прежде всего по законам бессознательного подражания, внушения, эмоционального заражения, которое усиливается в в процессах общения.¹³

В национальном самосознании закрепляется этническая идентичность человека, которая входит в Я-концепцию личности, предопределяя социально-психологическую дистанцию с другими людьми по шкале «наш - не наш». Посвятельность на этническую идентичность, пренебрежение национальными символами и национальными традициями и ценностями, в том числе и такой как патриотизм, переживается людьми наиболее болезненно и воспринимается как угроза его личным достоинствам. За этим видится угроза семье, народу, с которым человек связан «пушиной жизни».¹⁴ Кризис национальной идентичности, национально-культурной и национально-государственной общности вызывает чувство тревоги, незащищенности, опасности. Агрессивность по отношению к «чужим», проявления которой мы, к сожалению, так часто наблюдаем в нашей сегодняшней жизни, есть в таком случае неадекватный, уродливый способ самозащиты, самосохранения. А.П. Марков отмечает, что чем меньше выражено чувство общности со «своими», чем слабее фактор позитивной консолидации, тем выраженная агрессия к «другим».¹⁵

Определяя нравственность как межличностные отношения, в которых находят выражение общие интересы (в том числе и в масштабах нации и государства), отметим, что нравственные принципы могут иметь место только там, где люди осознают эти интересы как свои собственные и добровольно реализуют их на уровне коммуникаций. Это осознание существует не в форме бесстрастного созерцания и холодного рассудка, а основывается на чувстве любви человека к другим (но «своим» людям), приобретающей различные формы - любви в семье, братской любви, форму патриотизма «В откровении «мы», - писал С.Л. Франк, - нам дан радостный и укрепляющий нас опыт внутренней сопринадлежности и однородности внутреннего приюта души в родном доме. Отсюда - святость,

¹² Блом Г. Психоаналитические теории личности. М., 1996. - С.54

¹³ Панферов В.Н. Психология человека. С-Пб., 2000 - С. 30

¹⁴ Там же, С.87

¹⁵ Марков А.П. Ответственная культура как предмет культурологии. С-П., 1996г. - С. 92

умилительность, неизбывная глубина чувства родины, семьи, дружбы, вероисповедного единства».¹⁶

Вл. Соловьев характеризует нравственность как межличностные отношения, базирующиеся на морально-психологической основе, в которую включены чувство стыда, жалости и благоговение.¹⁷ На разных этапах развития человека и общества соотношение альтуизма и эгоизма меняется, но в критические моменты русской истории наблюдается проявление массового героизма. Не случайно величие национальных героев в России определялось не достижением личного благополучия, как в протестантской культуре, а заботой о благополучии родины и государства, способностью пожертвовать собой ради общего дела. Как справедливо отмечал Л.Н. Гумилев, символами нации и России стали победы в войнах, причем не легкие и быстрые, а победы на грани поражения, требующие колоссального напряжения сил всего народа.¹⁸ В трагические моменты истории именно патриотизм россиян спасал российскую государственность.

В западной культуре личная идентичность связана с утверждением личной свободы и ответственности, права и долга, в других культурах это чувство связано с идентификацией себя с той или иной социальной группой. Доминирование социальных ориентаций над индивидуальностью-личностными (т.е. невыделенность человека из общности «мы», неосознанность своей отдельности) - одна из характерных черт русской ментальности. В глубинах национальной психологии заключены типичные и устойчивые ориентации русского человека на целое, внеличное: мир общины, соборность, коммунотарность (по выражению Н.Бердяева). Эти установки играют роль адаптивной психологической защиты, компенсаторной функции в отношении слабо развитого чувства личной свободы, самостоятельности и личной ответственности.

Наряду с соборностью существенной чертой менталитета русского человека является этатированность (огосударствление) его сознания, хотя отношение к государству является достаточно противоречивым. Этатизм сознания проявляется в патернализме - особом отношении к власти, которая воспринимается как основной гарант экономического и культурного процветания нации, ее единства, личного благополучия каждого. Этатированность сознания (и соответствующая ей система ценностей и нравственных принципов) можно объяснить властной ролью государства как собирателя российских пространств и этносов в единое целое. Л.Н. Марков рассматривает ее и как форму выражения инстинкта национального самосохранения - «вынужденная» покорность государству, «согласие» служить ему уравновешивают характерные для русского менталитета природную анархичность и любовь к вольности и отмечает, что падение авторитета государства почти всегда сопровождается внутренней смутой или внешними неудачами.¹⁹ Патриотизм русского человека можно охарактеризовать прежде всего как государственный, а не гражданский, т.е. во-многом архаичный и консервативный, не творческий и не личностный, а порой и просто подражательный или стандартный. В этом его основная слабость.

Определяя национально-культурную ментальность как базовую систему ценностей и соответствующих импульсов поведения, мы отмечаем, что ментальность обладает мощной энергией сопротивления изменениям, не соответствующим кон-

¹⁶ Франк Л.Г. Непостижимое. Сочинения. М., 1993. – С.380

¹⁷ Сержантов В.Ф. Природа человека и его судьба (философская антропология). С-П., 1994 – С.16

¹⁸ Гумилев Л.Н. От Руси к России. С-Пб., 1992 – С.24

¹⁹ Марков А.П. Отечественная культура как предмет культурологии. С-П., 1996 – С.126

сервативным элементам национально-культурной традиции. Идеи и ценности, «генетически» не связанные с ядром национальной культуры, не выработанные собственными усилиями нации (народа), а, скажем, силой навязанные людям «сверху» государством или иной властью, не могут принести обществу позитивных результатов. Русская история свидетельствует о том, что заимствование ценностей и идей других культур могут вызывать как положительные, так и негативные последствия. В последнем случае образуются своеобразные «нравственные химеры», которые затем начинают действовать в режиме саморазрушения.

В отличие от биологических, психологических и социальных компонентов патриотизма, его аксиологическая составляющая формируется на основе культуры того общества, в котором человек живет. Система ценностных ориентаций индивида вбирает в себя нравственные нормы, эстетические феномены, религиозные и философские идеи, политические убеждения и т.д. Причем нравственность и духовность никогда не дается человеку в готовом виде, в окончательной формуле. Созревание, формирование и уточнение нравственных принципов есть результат воспитания. Говоря о воспитании, М.С. Каган вводит новый термин - «культурация». Если воспитание как социализация личности делает человека исполнителем определенной роли, которая отвечает потребностям общества, то культурация несет индивиду ценности, порожденные всеми народами во все времена, ибо они определены в памятниках культуры.²⁰ Ни один человек не в состоянии освоить все это необозримое богатство. Каждый индивидуум, поколение, государство, нация, семья «присваивает» себе ту или иную часть духовного общечеловеческого богатства, постоянно осуществляя свой выбор. В это и заключается свобода человека и его ответственность. Выбор этот неустрашим, и в развитой культуре он в большей степени независим, но он должен быть ответственным и осознан. Какие качества личности будут сформированы, какие нравственные принципы патриотизм или шовинизм, космополитизм или интернационализм будут восприняты и развиты в обществе - это зависит и от приоритетов, выбранных государством, и от конкретной системы воспитания, принятой обществом, и от осознания каждым учителем тех целей, которые он ставит перед собой и детьми.

В ПАМЯТЬ ПАВШИХ И ВО СЛАВУ ЖИВЫХ

Трошева Нина Васильевна

г. Лодейное Поле, директор Лодейнопольского краеведческого музея, заслуженный работник культуры РФ

7 ноября 1994 года в городе Лодейное Поле, ещё не остывшем от недавних жарких боёв, произошло событие, которое оставило значительный след в его истории. 58 лет назад на берегу Свири в торжественной обстановке был открыт мемориал Славы, названный Свирская Победа.

В разгар Свирско-Петрозаводской операции Военный Совет Карельского фронта принял решение о создании мемориала. Прежде всего была организована проектная, в состав которой вошли воевавшие здесь архитекторы и художники. Главным архитектором, возглавившим группу, был капитан Кирилл Николаевич Калайда, командир маскировочной роты штаба фронта. Ему помогли архитектор-капитан Борис Владимирович Воронцов и художник Ярослав Викторович Титов. Когда был готов проект, все сооружения музейного комплекса возвели бойцы военно-топографического отряда понтонно-мостового и дорожно-

²⁰ Каган М.С. Философская теория ценности. С-Пб., 2000 – С.178

строительного батальонов и другие. Руководил всей работой инженер-майор Николай Петрович Белов, заместитель начальника Управления Военно-Полевого Строительства Карельского фронта.

В скромном буклете, выпущенном ко дню открытия мемориала, сказано: «В предельно короткие сроки, ценою дружных усилий и творческого энтузиазма, по свежим следам недавно прошедшей битвы создан музей большого политического и военно-исторического значения, который должен оставить для последующих поколений памятник великого мужества и военного искусства Красной Армии...»

Территория музея занимает несколько десятков гектаров. В центре – величественный монумент И.В.Сталина, указывающий направление главного удара наших войск; рядом – главное здание музея, в котором собраны документы и материалы, характеризующие героическое сражение; по берегу Свири расположены 7 павильонов с образцами нашей техники и трофейного оружия, захваченного у врага. В территорию комплекса включен участок нашей обороны с сохранившимися траншеями и дзотом. И на всей площади разбит парк.

А из другого, солидного путеводителя сорок пятого года издания, узнаём, что в парке было проложено 7 километров дорожек, построено 11 мостов, сохранено 300 метров траншей и посажено 50 тысяч деревьев и кустарников.

К счастью, сегодня ещё живы некоторые из тех, чьим трудом всё это создавалось. Более 90 лет Ярославу Викторовичу Титову (заслуженный работник культуры РФ, заслуженный художник РФ), а он ещё полон творческих сил (к своему 90-летию юбилею подготовил персональную выставку). В этом же году исполнилось 85 лет Кириллу Николаевичу Калайде, заслуженному художнику РФ, долгие годы после войны возглавлявшему Управление оформления города Москвы.

Итак, продолжаем бережно листать пожелтевшие страницы прошлого. «Строители музея – это люди, принимавшие активное участие в освобождении Советской Карелии. Едва успела отшуметь битва, как они взялись за работу и создали выразительный памятник эпохи Великой Отечественной войны.

Величественный монумент, красивое здание музея, павильоны, раскинувшие на берегу реки, огромный парк с замечательными аллеями акаций, сирени, смородины, хвойных насаждений – всё это дело рук воинов Карельского фронта. Они вложили в создание музея много любви, труда, таланта и выдумки. Все выставленные здесь экспонаты собраны и изготовлены офицерами, сержантами и бойцами различных соединений Карельского фронта.

Музей «Свирская Победа» – один из памятников славы советских воинов, славы пехотинцев и артиллеристов, лётчиков и танкистов, сапёров и связистов – участников великой Свирской битвы, славы тружеников тыла, выковавших для своей Красной Армии великопелное и грозное оружие победы».

Суровое сталинское время не пощадило даже этот уникальный военный памятник. В октябре 1951 г. военный мемориал «Свирская Победа» по приказу И.В.Сталина был расформирован: павильоны разобрали, а экспонаты вывезли в музей Ленинграда и Петрозаводска. Эти же приказом был закрыт и музей Обороны Ленинграда, что в Соляном переулке. Тот и другой музей насчитывали десятки и сотни тысяч подлинных экспонатов, свидетелей страшной трагедии советского народа. На сегодняшний день те уникальные экспонаты почти полностью утеряны. Варварский поступок Сталина историки связывают с Ленинградским делом.

Парк вырос и стал местом отдыха горожан. С этого года ему вернули статус мемориального.

Среди деревьев, словно сказочный корабль, открывается взору уцелевшее здание музея. Авторы его: архитектор Б.В.Воронцов и художник Я.В.Титов. Здание сохранило свою первоначальную планировку: всё также красив стеклянный плафон первого зала, всё та же анфилада комнат.

С 1968 года в этом здании располагается городской историко-краеведческий музей. Одним из его создателей и бессменным художником-оформителем на сегодняшний день является Почётный гражданин города Лодейное Поле Франс Михалович Тетерин. Музей стал судьбой и для его директора Нины Васильевны Трошевой, она работает в нём с 1974 года.

Лодейнопольский краеведческий музей – один из культурных центров города, он известен и далеко за его пределами. С 1975 года музей входит в Объединение музеев Ленинградской области (сегодня это – ГУК «Музейное агентство»), с октября 2001 года наряду с другими музеями Ленинградской области вошёл в состав Союза музеев России. Коллектив музея ведёт большую просветительскую работу среди населения, является инициатором многих общегородских мероприятий и праздников, ставших традиционными, таких, например, как праздник Свирской Победы.

Ежегодно пополняются фонды музея, сегодня они насчитывают свыше 15 тысяч экспонатов. Интересны его этнографические и художественные коллекции, а экспозиции никого не оставляют равнодушными, они охватывают различные периоды истории края: от древности до наших дней. Только здесь Вы можете увидеть корабельную книгу ещё времён Петра I, основавшего верфь на Свирских берегах в 1702 году. Особый интерес представляет богатая коллекция знаменитой оятской керамики. Гордостью музея являются работы художника С.Н.Зенкова, нашего земляка, окончившего Академию Художеств с золотой медалью. Уникальна коллекция картин, созданных военными художниками Карельского фронта, которые удалось вернуть в музей в 60-е годы.

За последнее время экспонаты из фондов музея побывали на выставках в Финляндии, Норвегии, в Государственном музее этнографии, в краеведческих музеях Ленинградской области, в Выставочном зале Объединения на Лигейном - 57 и Смольный – 3.

С открытием Волго-Балта в 1964 году «все флаги в гости были к нам». До 1992 года город и музей обслуживали иногородних туристов, путешествующих на теплоходах. В некоторые навигации число их доходило до 49 тысяч. С 1992 года пассажирская верфь в городе не существует, иссяк и поток туристов, посещающих город.

Тем не менее, ежегодно музей обслуживает почти 5 тысяч посетителей, основу которых составляют школьники.

Вместе с тем, каждый год коллектив работает над новой экспозицией. И очень помогают нам вот такие отзывы: «Краеведческий музей – наша гордость, память, красота и история. Иногородние после визита в музей полны впечатлений и восхищения, это я знаю из общения с ними. Жить и процветать, расти и радовать – это Ваше!»

Лодейнопольский историко-краеведческий музей, его коллектив старается соответствовать таким пожеланиям.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНО-РУССКОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Хачаньян Ригта Карповна

г. Лодейное Поле, преподаватель Детской Музыкальной Школы

Проблема регионального изучения древнерусского певческого искусства является одной из важнейших для исследования истории русской музыкальной культуры. Общая музыкальная традиция складывалась постепенно, постоянно обогащаясь за счет своего развития внутри каждой певческой школы.

Кирилло-Белозерский монастырь на протяжении всей своей истории был крупным и значительным культурным центром. Как любой крупный монастырский центр, он имел свою певческую школу. Целый ряд сведений из рукописных источников и исторических документов позволяет утверждать факт ее существования. Из певческих рукописных книг, входящих в состав Кирилло-Белозерской библиотеки, можно узнать об искусных мастерах певческого дела, головщиках и рядовых певцах-клирошанах. Не могло пройти бесследно для истории певческой школы монастыря игуменство в нем Варлаама (он же знаменитый новгородский певец и роспевщик XVI века Василий Рогов). Все это позволяет говорить о том, что в Кирилло-Белозерском монастыре складывались свои особые певческие традиции, и что он был одним из значительных профессиональных музыкальных центров средневековой Руси.

Кирилло-Белозерское собрание рукописей – одно из крупнейших среди сохранившихся монастырских библиотек. По описи 1664 года в ней находилось 1897 книг. Комплектование библиотеки шло традиционным путем: переписки книг в самом монастыре с момента его основания до середины XIX века, вклады и пожертвования, иногда книгообмен и покупка. (В настоящее время библиотека Кирилло-Белозерского монастыря хранится в ОР и РК РНБ в Санкт-Петербурге). Восьмую часть этого собрания составляют певческие рукописи (171). Они созданы в период с середины XV до второй половины XVIII века. Наиболее полно представлены музыкальные рукописи XVI и XVII веков, что связано с их общим количественным ростом в период наивысшего расцвета певческого искусства Руси.

Мало рукописей атрибутируется созданием кирилло-белозерской школы писцов (среди них знаменитый сборник инока Христофора, датированный 1604 г.¹) Но поскольку все рукописи служили в повседневной певческой практике, они отражали собственно монастырскую традицию пения. В рукописи сер. XVII века встречается запись: «Троичны, певаемые в Кириллове монастыре на полунощнице во все дни на 8 гласов». Во многих рукописях встречается правка текста, свидетельствующая об использовании певческих сборников монастырскими певцами.

Каждый певческий сборник представляет собой не только свод списков различных песнопений, но, будучи созданным в определенное время, становится показателем уровня певческого искусства и представляет собой историко-культурный срез своего времени.

В нашем собрании находится певческая рукопись (шифр: Кир.-Бел.586/843), уникальная по полноте репертуара знаменного пения, представленного в ней. Это певческий сборник первой половины XVII века, написан на 830 листах форматом в лист, переплет – доски в тисненой коже с двумя медными застежками. Средник верхней крышки переплета идентичен «фирменному» среднику переплетов Троице-Сергиевой лавры XVI – первой половины XVII веков. Рукопись роскошно

¹ В собрании рукопись находится под шифром: Кир.-Бел. 665/922

оформлена: золотой обреза, большое число рисованных красками и тушью заставки, орнаментированные тушью инициалы, большая миниатюра, по композиции близкая к типу «Древо жизни», красивый узористый почерк – все это позволяет отнести рукопись к лучшим образцам русского книгописного искусства.

В Кирилло-Белозерский монастырь книга была привезена из Москвы дьяком Василием Прокофьевым в 1646 году, о чем читаем на л.2 запись: «Сию книгу во обитель пресвятыя Богородицы преподобного отца Кирилла, Белозерского чудотворца дал вкладу диак Василий Сергиев сын Прокофьев лета 7154 (1646) году² ... да с сею же книгой отдал в Кириллов монастырь книг, что взял из Кириллова монастыря на список в прошлом во 143 (1635) году како прислан был со столпником со князем Юрьем Андреевичем Ситским для счетных и сыскных дел...» Эта запись свидетельствует, что дьяк Василий Сергеевич Прокофьев побывал в монастыре дважды. Цель его первого визита – ведение «счетных и сыскных дел» – включала в себя опись монастырского имущества. Описав со стольником Ю.А.Ситским и библиотеку монастыря³, Прокофьев счел необходимым пополнить монастырскую библиотеку еще одной певческой рукописью. Этот вклад, вероятно, соответствовал той задаче, которую они – Прокофьев и Ситский – поставили перед служителями монастыря: «церковное пение и монастырский чин исправляти»⁴.

Содержание рукописи, привезенной Прокофьевым, весьма интересно. Ее составитель включил в сборник практически все, существовавшие в начале XVII в. певческие книги: Ирмологий, представленный полной редакцией с розниками; Октоих – пространной редакции, в которую включены каноны на все дни недели для каждого гласа; Стихирарь постный, дополненный троичными и светильными на 8 гласов, распоеваемых в Великий пост и другие посты, а также песнопениями Литургии преждеосвященных даров; Обиход, составленный из песнопений Всенощного бдения, Литургии Иоанна Златоуста, чинов погребения иноков и мирян. Особое внимание обращает на себя книга Стихирарь месячный. Она выделяется своим объемом (502 л. при формате рукописи – 1⁰) и большим числом служб, охватывающим весь церковный календарь.

Помимо певческих книг, в рукопись включены подборки песнопений различных жанров. Числом песнопений, приближающимся к максимальному для своего времени, отличается подборка подобнов (29); в самостоятельный раздел выделены 67 стихов покаянных; кроме того, сюда вошли подборки богородичнов и крестобогородичнов минейных на 8 гласов, светильнов и богородичнов повседневных и т. д.

В работе составителя рукописи проявились две тенденции: представить в ней нормативный материал (песнопения только знаменного распева) и охватить его как можно шире, включив в сборник почти все существующие в то время певческие книги и подборки песнопений разных жанров. Объясняется это, по-видимому, желанием составителя привести певческую рукопись в соответствие с требованиями Устава – основного руководства к общественному богослужению. Чтобы удовлетворить этим требованиям, певческая рукопись должна была содержать в себе максимальное число песнопений, необходимых для служб, совершаемых в ежедневной богослужебной практике. Служба каж-

² По-видимому, в записи ошибка: должно быть не 7154, а 7144, так как далее речь идет о прошлом по отношению к этому году – 7143, причем последняя дата подтверждается на основании других документов.

³ Опись библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, составленная в 1635 г., находится в рукописи Кир.-Бел. 75/1314, л. 313–354.

⁴ См. запись в рукописи Кир.-Бел. 75/1314 на л. 484.

дого дня составлялась в соответствии с Уставом, отражающим традиции и установки, исходящие из некоего идеологического и культурного центра. Для этих целей создавались рукописные сборники, представляющие собой необходимый материал. Таким сборником могла быть наша рукопись из Кирилло-Белозерского собрания.

С конца XVI в., времени учреждения в России патриаршества, актуальной становится уставная ориентация в богослужебной практике. С этого времени, как отмечает митрополит Макарий, «одною из самых главных и постоянных забот церковной власти ... сделалась забота об исправлении и печатании богослужебных книг»⁵. Главной причиной здесь было стремление унифицировать церковные обряды, придать им единую форму и содержание.

Появление рукописи Кир.-Бел. 586/843 не было случайностью в истории певческого искусства. Оно было вызвано сложившейся исторической ситуацией и потребностями своего времени. Такая книга могла служить «энциклопедией», дающей наиболее полное представление о том, что и как надо петь во время той или иной службы.

Особенности, характеризующие данную рукопись, свидетельствуют о тесной связи ее содержания со всем предшествующим периодом развития певческого искусства.

Изучая репертуар, стилистику певческой традиции Кирилло-Белозерского монастыря и сопоставляя его со знаменной стилистикой данной рукописи, мы имеем возможность исследовать музыкальный стиль в его северно-русской традиции.

РАЗВИТИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Цветнова Галина Константиновна

*г. Лодейное Поле, зав. ОПТ МО «Лодейнопольский район
Ленинградской области»*

Посещая отдаленные деревни муниципального образования (МО) «Лодейнопольский район Ленинградской области» и сравнивая отношения, складывающиеся между людьми, мироощущение этих людей, понимаешь, насколько порой они отличаются друг от друга, хотя территориально расположены совсем близко.

Размышляя о причинах столь ярких различий, становится ясно, что жизнь духовно сильных людей развивается изнутри, в соответствии с историческими корнями нации. Там же, где «распалась связь времен», сознание личности не направлено на желание совершенствоваться, быть достойными своих предков.

В наших селениях, не потерявших историческую память (почитающих старцев, заботящихся об ушедших в мир иной, облагораживающих могилы усопших), живёт единство духа и взаимопонимание. Каждый человек чувствует ответственность за происходящее вокруг и приобщается к созиданию, занимаясь благоустройством не только общества, но и своего двора. При этом уважение к традиции становится его внутренней энергией.

Полностью противоположная картина проявляется в деревнях, жители которых утратили связь не только с предками, но и со своими родными.

В одних деревнях, несмотря на трудности, устраивают праздники деревни, всем миром готовясь к ним, в других же людей преследует горечь, обида и разочарование.

⁵ Макарий. История русской церкви: Период самостоятельности русской церкви: Патриаршество в России. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1, с. 173.

В первых желают быть хозяевами на своей территории и берут на себя ответственность за будущее поколение; во вторых стараются спрятаться в свою кожу и годами наращивают лень.

Изменить их сознание возможно лишь методом постепенного возврата им исторической памяти, традиций, культуры с целью воссоздания глубокого уважения к сохранению полученных по наследству ценностей и созиданию новых.

В МО «Лодейнопольский район Ленинградской области» в данном направлении проводится определенная работа.

В волостях, при администрациях созданы общественные Советы из представителей инициативных жителей, которые чаще всего одновременно являются руководителями учреждений, организаций и предприятий.

Принятые Советом решения по вопросам местного значения носят рекомендательный характер в работе главы администрации волости. По мере необходимости на заседания приглашаются другие руководящие лица.

На основании областного закона «О территориальном общественном самоуправлении в Ленинградской области» № 17-04 от 12.07.2002 г. на территории деревень Хмелезево и Пергачево образовано территориально-общественное самоуправление (ТОС). ТОС занимается защитой интересов населения в пределах своей компетенции, начиная с акций милосердия – и кончая рассмотрением жалоб и заявлений граждан. Спектр возможностей ТОСа весьма широк, тут и контролирующая, и организаторские, и представительские функции, а также большая практическая работа с различными инстанциями районного масштаба. По своей сути, структуре и функциям ТОС напоминает «крестьянскую общину», но, к сожалению, вытесненную в свое время колхозом.

В центре подобных начинаний всегда стоят лидеры. Лидер хмелезерского определился задолго до формирования ТОС, это бывший староста села Александр Королёв.

На территории волости определены и другие лидеры общественного самоуправления, способные возглавить ТОС. Несмотря на то, что они не зарегистрировали свои полномочия, ими проводится большая работа с населением: ремонтируются подъезды жилых домов, выпускаются стенгазеты и информационные листки, благоустраивается территория и т.д.

С июня 2001 года на территории МО «Лодейнопольский район Ленинградской области» по распоряжению главы МО ежемесячно проводятся информационные дни. Основной целью их организации является доведение до сведения населения информации о работе администрации МО, изучение мнений и предложений населения по улучшению её деятельности.

Все ответственные работники администрации разъезжают по населённым пунктам волости и посёлков, расходятся по предприятиям, собирают людей и рассказывают: что мы в настоящее время делаем и что планируем делать. И наши дела, наши планы становятся предметом обсуждения всех жителей района, придавая импульс созидания каждому участнику встречи.

С другой стороны администрация получает от населения более полную картину: где и какие существуют проблемы, что заботит наших жителей, какие нужно принять экстренные меры. Авторитет администрации повышается одновременно с ответственностью работников администрации, так как живой диалог дисциплинирует и требует постоянного от них совершенствования, повышения уровня знаний. В течение года в районе проведено 126 встреч.

Кроме этого, на базе библиотек созданы информационные центры, которые позволяют доводить до жителей сельской местности различного рода докумен-

тацию, законодательные акты, предложения со стороны администрации района, Росагрофонда, предприятий, организаций и учреждений.

Для распространения положительного опыта работы ТОСов и других общественных объединений в МО стали проводить конференции представителей сельских поселений. Участники конференции решили встречаться для обмена опытом.

Для улучшения и дальнейшего развития территориального общественного самоуправления необходимо:

- Разграничить полномочия государственной власти, местного самоуправления и предметы ведения в рамках указанных полномочий с подкреплением их финансированием.
- Осуществлять регулярный обмен опытом деятельности органов местного самоуправления с целью распространения.
- Упростить процедуру формирования территориального общественного самоуправления.
- Восстановить полномочия старосты населенных пунктов, исключив п.п. «б» п.3 областного закона «О территориальном общественном самоуправлении в Ленинградской области» от 6.07.2001 г. № 39-03.

Н.А. БЕРДЯЕВ В ВОЛОГДЕ К ИСТОРИИ ПОВОРОТА ОТ МАРКСИЗМА К ИДЕАЛИЗМУ

Черепкова Ирина Викторовна

г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории русской философии

Н.А. Бердяев, один из самых ярких, самобытных и популярных русских философов, начал свой интеллектуальный путь с по-юношески пылкого увлечения идеями марксизма и сопутствовавшего ему атеизма, которые очаровывали подавляющее большинство думающей молодежи на рубеже XIX и XX веков. Но Николай Александрович одним из первых среди своих сверстников решительно повернул «от марксизма к идеализму», впоследствии заново обретя христианство не только в личном, но и в философском плане.

Начало этой интеллектуальной и духовной эволюции приходится на период, связанный с арестом в марте 1898 г. студента Киевского университета Н.А. Бердяева по обвинению в причастности к деятельности Союза Борьбы за Освобождение Крестьян и последующей ссылкой в Вологду.

В начале апреля 1898 г. Бердяева освободили из-под стражи под подписку о невыезде и крупный денежный залог (5000 рублей). За два года, пока велось следствие по его делу, Николай Александрович опубликовал две анонимные рецензии в журнале «Мир Божий», уже тогда печатавшем марксистские статьи, и написал свою первую книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском», одобренную П.Б. Струве. Вообще, он характеризует время перед ссылкой как период цветения, проникнутый ощущением весны и поэзии. «Именно в это время у меня начался внутренний переворот, который я определил бы как раскрытие для меня новых миров, как усложнение душевной жизни и обогащение новой эмоциональностью» - вспоминает философ⁶. В то же время он переживает сильнейший духовный кризис, связанный с тем, что, едва начав писать и печататься в марксистском ключе,

⁶ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения. 1990. С.115

молодой мыслитель почувствовал в себе усиление совершенно не связанных с марксизмом интересов, вносящих противоречивость во все, что выходило из-под его пера в те годы. Впрочем, в противоречивости Н. Бердяева упрекали на протяжении всей его жизни и критики и почитатели.

22 марта 1900 года вышло высочайшее административное решение о высылке Бердяева в Вологодскую губернию на три года, и 9 мая 1900 года он прибыл в Вологду, поселившись в гостинице «Золотой Якорь». На пятый день пребывания в Вологде Бердяев пишет отцу, что гостиница ему понравилась, он хочет скорее приняться за работу и унывать не склонен, а также просит прислать книг из его библиотеки⁷. По собственному своему признанию, философ не испытывал «особенных страданий от жизни в Вологде». Ему сразу понравился «этот старинный северный городок, очень своеобразный» и новый для Бердяева, никогда прежде не бывавшего на русском севере. Здесь он чувствовал себя даже свободнее, чем в Киеве: «Полиция несколько не беспокоила меня. Я сумел отвоевать себе независимость и от диктатуры ссыльных»⁸.

Через несколько недель родные попытались добиться перевода Бердяева на юг, которому он воспротивился, как по соображениям этического порядка, так и по другим причинам. Перевод не состоялся, но было получено разрешение на двухнедельную поездку в Киев к «большому отцу» (сентябрь 1900 г.). Однако местными соглашениями в Департамент полиции было направлено сообщение, что действительным мотивом поездки было стремление Бердяева принять участие в делах киевского комитета Российской Социал-Демократической Партии. В результате, в течение целого года, несмотря на неустанные хлопоты родителей, ему не разрешили какие-либо отлучки из Вологды. Самого Николая Александровича это беспокоило мало. В полицейских отчетах отмечается, что его часто видели катающимся на велосипеде, читающим книги в городском саду или в публичной библиотеке Масленикова, провожающим на поезд «барыньку лет 19, шикарно одетую, с которой Бердяев все время ходил под руку»⁹.

Но было бы ошибкой назвать жизнь Бердяева в Вологде беззаботной. Сам Николай Александрович так говорит об этом в письме к отцу: «Вообще в Вологде я, кажется, веду более свинский образ жизни, чем в Киеве. Но работаю очень много»¹⁰. Конечно, далеко не все, передуманное философом в это время, стало достоянием печати. Много было сделано им в плане развития своей личности, накопления, как жизненного опыта, так и материала для будущих книг. Он изучал философскую и социологическую литературу, частично конспектируя прочитанное. Среди заказанных им в то время книг - восьмитомное собрание сочинений Ницше, труды Спенсера, Гегеля, Канта, Куно Фишера. В конце ноября 1900 г. в петербургском издательстве О.Н.Попова вышла, с предисловием П.Б.Струве, первая книга Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Тогда же в «Мире Божьем» вновь, после почти годичного перерыва, стали появляться рецензии на философские и социологические книги. Теперь они уже были подписаны «Б. К-ский», что следовало читать как «Бердяев Киевский».

Несомненно, литературной работой можно было заниматься в любом другом городе России. Так в чем же, помимо моральной неприемлемости отъезда на юг, причины того, что Бердяев как бы добровольно остался в северной ссылке, «в

⁷ Письма молодого Бердяева / Публикация Д.Барас // Память (Париж). 1981. Вып. 4. С.212

⁸ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения. 1990. С.130

⁹ ЦГАОР. ДП. ОО. 1901. Д399. Л. 45 об.

¹⁰ Бердяев Н.А. Письмо А.М. Бердяеву. Вологда 5 дек. 1900 г.

суровом и влажном климате», который так беспокоил его родных? Вологда того времени давала для молодого философа уникальную возможность и обширный материал для наблюдений молодого философа. Здесь в небольшом, по-северному неторопливом городке был представлен в миниатюре срез почти всех слоев «столичного» общества - от молодых интеллектуалов до уголовников-хитровцев, от либерально настроенных земских чиновников до актрис местного театра, что было относительно новым для Бердяева, выросшего в аристократической среде. Размеренный ритм жизни Вологды, сменявший отвлекающую суету и сутолоку большого города, как нельзя кстати подходил для систематических занятий и размышлений. Неслучайно именно в это период Бердяев смог окончательно определиться в своих философских симпатиях и антипатиях.

Но главное, Вологда являлась центром интенсивного интеллектуального общения, и делало ее особенно привлекательной для философа. «Вологда, - вспоминает Бердяев, - была в это время центром ссылки, и на моих глазах через Вологду прошло огромное количество ссыльных, главным образом социал-демократов, изредка социалистов-революционеров. [...] мог делать много наблюдений. Все почти заходили ко мне в гостиницу «Золотой Якорь»¹¹. Одновременно с Бердяевым в Вологде находились А.М. Ремизов, П.Е. Щеголев, Б.В.Савинков, Б.А. Кистяковский, А.В. Луначарский, А.А. Богданов, О.Мадлендунг, В.Г. Тучапская, В.П. Денеш. Эти лица делились на две группировки: «аристократию» и «демократию». Бердяев фактически возглавлял первую группу, более независимую в своих суждениях от коллектива, более свободную в своем образе жизни и в выборе знакомств. В нее входили некоторые киевские знакомые Бердяева, в том числе В.Г. Тучапская и В.П. Денеш, которых он очень ценил. «Демократию» возглавляли А.В. Луначарский и А.А. Богданов.

Однако особенная атмосфера в Вологде создавалась не самим по себе подбормом индивидуальностей, а их взаимоотношениями, реальнее всего проявившимися в чтении и обсуждении докладов (рефератов), по очереди готовившихся ссыльными интеллектуалами. Доклады обычно собирали до 60 человек. Мемуаристы согласны указывают на ведущую роль Бердяева¹². В том числе это отмечается и в воспоминаниях А.В. Луначарского¹³ и А.А. Богданова¹⁴. Кстати, А.В. Луначарский пишет, что, хотя Бердяев как раз в это время «начал переходить от идеалистически окрашенного марксизма к сумеркам мистики, из которых нырнул прямо в ночь философски интерпретированного православия», изящество его речи и широкая культурность подкупали ссыльных и собирающуюся вокруг них молодежь.

Бердяев пишет в ссылке следующие статьи: «Борьба за идеализм» (Мир Божий, июнь 1901), «Заметки о книге А.А.Богданова «Познание с исторической точки зрения» (Вопросы философии и психологии, 1902 №64), «Трагизм жизни и белая магия» (Образование, 1902 №9), «Этическая проблема в свете философии идеализма» (В кн.: Проблемы идеализма. Сборник статей. М.: Изд. Моск. психологического общества, 1902) «К философии трагедии. М.Метерлинк.» (В кн.: Литературное дело. Сборник. СПб., 1902).

В значительной степени благодаря вышеперечисленным работам полемика между двумя группами вологодских ссыльных вышла к 1902 году на качественно но-

¹¹ Бердяев Н.А. Самопознание. Цит.соч., С.128

¹² Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. – Oakland (California). Berkeley Slavic specialties. 1993. С.52

¹³ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. – М. 1968. С. 78-79

¹⁴ Богданов А.А. Из письма... В.Г. Сорину // Марксисты-ленинцы в вологодской ссылке. – Архангельск. 1977. С. 26-27

вый уровень. Несколько статей представителей «противоборствующих» сторон появилось на страницах периодических изданий. А после выхода сборника «Проблемы идеализма» постоянные оппоненты Бердяева решили дать «систематический печатный ответ на сборник противоположной группы» (А.В. Луначарский), для чего составили и напечатали сборник «Очерки реалистического мировоззрения». Впрочем, выход в свет «Очерков...» состоялся уже в 1904 году, когда в Вологде не осталось никого из бывших спорщиков.

Однако постепенно вологодские колонисты увлекались все больше политическими интересами, в ущерб умственным, да и многие интересные Бердяеву собеседники покидали город, к тому же отбывшие 2 года снимали этическую проблему, поэтому, когда весной 1902 года философу снова представилась возможность перебраться на юг, он ею воспользовался и переехал на оставшийся год в Житомир. Об этом годе он с грустью вспоминает: «У меня был пустой период, в котором не было интересного для внутренней жизни общения с людьми, не было и больших приобретений в области мысли».¹⁵

Очерк своей умственной эволюции сам Николай Александрович кратко дал для книги «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (СПб., 1897-1904, Т.6), составленного С.А. Венгеровым: «Начиная со статьи «Борьба за идеализм», я окончательно перехожу от позитивизма к метафизическому идеализму и сообразно с этим меняю свое отношение к марксизму, от которого сохраняю ряд реалистических социальных идей, но который отвергаю как цельное мировоззрение. [...] Маркс и марксистская литература оказали определяющее влияние на мое общественное направление, но я никогда не соединял марксизма с материализмом».¹⁶

Так завершился этот период в жизни великого философа: этап поворота в философском мировоззрении от марксизма к идеализму и время цветения, общения весны и поэзии, о котором Бердяев с грустью вспоминал в конце жизни.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРА: ВЗГЛЯД ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Черногорцева Г.В.

г. Липецк, кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии

Уцелевшие источники дают представление о материальной и духовной культуре наших предков, о вариантах и способах обустройства человеческого бытия.

В соответствии с той значимостью, которую придавали географическому фактору великие русские мыслители П.Я. Чаадаев, Н.Я. Данилевский и другие, развивались культурные традиции в местах, богатых озерами, рыбными лови-

¹⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. Цит.соч., С.132

¹⁶ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897-1904. Т.6 //Философские науки.-1991. №2. С.160-162.

щами, лесами и горами, покрытыми высокими соснами и другими деревьями, пригодными для разнообразных хозяйственных нужд в местах безмолвных, уединенных, изобильных ягодами, грибами, птицей, зверьем.

Соответственно, как отмечают многие исследователи, и среди них В.О.Ключевский, путь из варяг в греки был составной частью круговой водной дороги, опоясывавшей всю Европу, питающей развитие материальной и духовной культуры, способствующей обогащению хозяйственных связей благодаря благоприятным возможностям для торговли как способа обмена продуктами народного хозяйства. Издревле внешняя торговля Руси связывалась с пушным богатством, лесным пчеловодством: мед, воск, меха на протяжении многих веков занимали значительное место в торговых операциях, поэтому лесное звероловство и бортничество являлись наиболее распространенными видами профессиональной деятельности наряду с добычей рыбы и морского зверя. Хлеб не родился, но на огородах выращивали овощи: «Землю копали мотыками и тем питались», - сообщается в житиях.

Свой вклад в создание и развитие культурных традиций вносили и монастыри, в которых иноки своим трудом добывали себе пропитание: «Землю копали и деревья на постройку монастырская готовили, так же множество дров рубили и воду из моря черпали, и соль варили, и продавали ее кушам, и брали от них всякое орудие, потребное монастырю. И в других работах трудились, и рыбную ловлю творили, и так от своих потов и трудов кормились», - говорится в житии солонехских чудотворцев. Таким образом, возникновение монастырей имело большое значение, поскольку, раз возникнув, они быстро становились признанными центрами как духовной, так и хозяйственно-экономической деятельности. Осуществляя успешное освоение природных богатств, монастыри показывали пример успешного преодоления суровых условий повседневной жизни, причем деятельность по созданию и развитию материальной культуры осуществлялась в неотделимой связи с развитием нравственных христианских традиций.

Просветительская деятельность как залог укрепления нравственного авторитета была сопряжена с немалыми трудностями, с непониманием, сопротивлением, укорененностью языческих представлений, особенно активизировавшихся в трудные времена: летописец сообщает, что в голодные годы волхвы, которые «не боятся могучих владык» (А.С.Пушкин), приходили в селения, указывали на работающих женщин, заявляя, что «та держит мед, та жита, та – рыбу». Таких женщин, якобы державших обилье, то есть урожай, убивали, а имущество их забирали себе. И так погубили много народа. Желая укрепить свой авторитет, кудесники вызывали бесов, а волхвы пытались объяснить происхождение человека: «Смылся Бог в бане, вытерся ветшкой и бросил ее на землю; и заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека, и сотворил дьявол тело человека, а Бог душу в него вложил, поэтому, когда человек умрет, тело его идет в землю, а душа к Богу».

Длительное время боги населяющих Север народностей мирно сосуществовали в мифологическом мирозерцании, жили дружно, не мешая друг другу, полюбовно поделив место на небе, более того, на протяжении длительного времени в повседневной жизни язычество уживалось с христианством. Об этом свидетельствует, в частности, обращенная к стихии языческая молитва, воплощенная в тексте следующего содержания: «Вода-матушка, подай всем хрещеным людям доброго здоровья». Но постепенно происходит процесс замещения языческих символов христианскими: все чаще вместо украшенного лентами, платками и полотенцами березового венника в передний угол избы ставили икону

и молились своим богам. Это говорит о практическом отношении к вере как феномену, способному принести пользу и облегчить жизнь.

Однако, со временем христианская вера все более упрочивала свои позиции. В сохранившейся рукописи Соловецкого монастыря есть сведения о строительстве первой церкви в Белозерском крае. Церковь была построена на месте языческого капища, на реке Шексне.

Обустройству монастырей в существенной степени способствовало внимание государства и общества. Это внимание выражалось в жалованных грамотах и всевозможных льготах. Так, данная соловецкому игумену Ионе в 1450 году грамота закрепляла за монастырем право на владение Соловецкими островами, а грамота 1479 года обозначает права монастыря на всю группу Соловецких островов. Последующими грамотами московские государи жаловали монастырю все новые и новые земли, деревни со всеми угодьями, ловлями, солеварнями и т.д. Монастырь стремился освоить пустоши, от которых отказывались местные жители, и в целом хозяйственная деятельность монастыря была так успешна, что своими средствами он мог помогать государству, к примеру, в царствование Алексея Михайловича монастырь пожаловал ратным людям 41414 рублей и двести золотых.

При этом успешное продвижение по пути развития материальной культуры сопровождалось становлением и укреплением основных черт русского национального характера, причем часто положительный пример являли иноки, братья и игумен Соловецкого монастыря, повседневная жизнь которых вызывала не только удивление, но и уважение: в местах суровых, необжитых и пустынных, на «море-окияне», подвижники селились, выстроив себе кельи, терпя недостатки и лишения, в повседневных трудах они преодолевали препятствия, завоевывали доверие населения сопредельных земель. Успехи в хозяйственной деятельности сопровождались укреплением христианской веры, объединявшей своим светом разбросанное по обширной территории население.

Постепенно формируется монастырская община со своими специфическими интересами и стремлениями. Укрепление нравственного авторитета ведет к тому, что все чаще и чаще бояре и другие имущие люди дают монастырю именные, церковные сосуды и одежды, серебро и жито, стараются во всем помочь обители. Община Соловецкого монастыря, владея все более обширными и многочисленными земельными участками, а так же участками по рекам, принимает земли в подарок, в заклад, покупает, создает хозяйственные службы, привлекает стороннюю рабочую силу. При этом монастырь сам управлял промыслами и угодьями, вел все расчеты, создавал запасы продуктов и в повседневной жизни являл пример эффективной хозяйственной деятельности.

В целом можно сказать, что развитие культуры характеризовалось пестротой религиозных верований в повседневной жизни народа при чрезвычайно уважительном уважении к иноверам. Это обстоятельство значительно облегчало бытовую ассимиляцию, а это способствовало обеспечению единения людей различных верований и культурных традиций, что, в свою очередь, вело к интенсификации деловой жизни в контексте социальной практики. При этом просвещение, убеждение, молитва как единственно законное средство укрепления веры приводили к успешному распространению христианства среди населения при сохранении позитивного культурного содержания в историческом прошлом населяющих Север народностей.

ИНТЕГРАЦИЯ ТУРИЗМА В ЛОДЕЙНОПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Шевчук Надежда Николаевна

г. Лодейное Поле, Генеральный директор
туристической фирмы «Диана-Тур»

С целью интеграции в Лодейнопольском районе различных форм и направлений туристической деятельности в 2000 г. была создана туристская фирма «Диана-Тур». Фирма имеет в своем штате: 20 русскоязычных экскурсоводов; 7 гидов (со знанием английского языка); 4 гида (немецкий язык); 6 гидов (финский язык); 4 гида (французский язык). Фирма работает по нескольким направлениям: паломническое, культурно-познавательное, военно-патриотическое, экологическое, рекреационное, спортивное, развлекательное; этнографическое.

Паломническое направление

Связано с посещением святых мест Присвярья. Межозерье – это своеобразный духовный треугольник. На его территории расположены три действующих монастыря:

- *Свято - Троицкий Александра Свирского мужской монастырь* с архитектурным ансамблем XVII в. Святыня монастыря - нетленные мироточащие мощи Преподобного Александра Свирского.

- *Покрово - Тервентический женский монастырь* - самая молодая обитель России, основанная в 1991 г. на берегу живописного Тервентического озера.

- *Введено - Островский Оятский женский монастырь* с 500 летней историей. На территории монастыря святой источник с уникальной минерализованной водой, омовление в котором исцеляет душу и тело.

К этому направлению следует отнести и посещение *Церкви во имя Святого Михаила Архангела* в с. Алеховщина - древнего памятника архитектуры русского зодчества XVIII в., а также *Церковь Святых Петра и Павла* в г. Лодейное Поле.

Культурно – познавательное направление

Включает в себя знакомство с *городом Лодейное Поле* – родиной Балтийского флота, историческим и культурным центром Лодейнопольского района. В программу знакомства входит посещение памятников, связанных с пребыванием в городе Петра I и строительством Олонецкой судостроительной верфи, которой в 2002 году исполнилось 300 лет.

Фирма предлагает посетить также следующие места:

000 «Оятская керамика» - изюминкой местного прикладного творчества» возникшего в XVII в. До настоящего времени оятские гончарные мастера хранят секреты изготовления изделий из экологически чистых глин, выполненных вручную. Экскурсии по этому предприятию увлекательна и интересна. Предоставляется возможность приобрести уникальные изделия.

Деревни Илмочницы, Акулова Гора, Луговичи в Лодейнопольском районе - памятные места, где находились усадьбы русских художников В.Д. Поленова и С.Н. Зенкова. Творческих людей привлекут эти места своими красивейшими пейзажами и умиротворенной тишиной. *Окультесь в атмосферу сказки* и получить незабываемые впечатления можно, побывав в *д. Верхние Манороги*. Здесь на живописном берегу Свири расположились домики в русском стиле. В «городе мастеров» можно полюбоваться изделиями русского прикладного промысла и самому принять участие в изготовлении сувениров. Можно побывать в лесном питомнике и на перепелиной ферме, в трактире отвежать русскую кухню. В му-

zee русской водки радушные хозяева подносят этот напиток с разносолами. Предлагаются конные прогулки по живописным окрестностям.

В северной части Ладожского озера расположены острова Валаамского Архипелага. На одном из островов в XVI веке был основан мужской православный Спасо – Преображенский монастырь. С 1997 года Валаам превращен в историко - архитектурный и природный музей - заповедник. Этот уникальный комплекс привлекает к себе паломников и туристов из России и других стран не только своими архитектурными памятниками, но и своеобразной северной красотой.

Древняя истина: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» - по праву относится к музею архитектуры под открытым небом, что расположен на *острове Кижы* в северной части Онежского Озера. Здесь собраны образцы уникальных деревянных строений русского зодчества. В настоящее время в центре бывшего кижского погоста создан историко- архитектурный и этнографический музей Кижы, который является жемчужиной русского Севера. Памятники этого музея пользуются мировой известностью.

Туристская фирма «Диана - Тур» также предлагает посетить северную столицу – Санкт - Петербург с его великолепными дворцами, музеями, парками, каналами, а также старинные русские города - Новгород, Псков, Тихвин.

Международный туризм - путешествия по странам дальнего и ближнего зарубежья.

Восно – патриотическое направление

Связано с посещением братских захоронений воинов, погибших при защите нашего края; памятников воинам – освободителям; мемориального парка «Свирская Победа», основанного воинами Карельского фронта; музея «Блокадник»; музея имени В. Талалихина, памятника Дважды Герою Социалистического Труда Мазукову Б.Г.

21 июня - День Свирской Победы. Этот день навсегда стал памятным для участников Свирско - Петрозаводской операции. Ежегодно отмечается этот праздник, насыщенный выступлениями различных творческих коллективов, спортивными программами, народными гуляньями, встречами ветеранов войны.

Эколого – научное направление

Включает знакомство с уникальным Государственным Нижне – Свирским заповедником, созданным в 1980 году с целью сохранения и изучения флоры и фауны юго-восточного Приладожья. В маршруте «экотур» высококвалифицированные специалисты Центра экологического образования знакомят с редкими видами обитателей заповедника.

Рекреационное направление

В живописных, экологически чистых местах, по берегам рек и озер туристов ждут базы отдыха, гостевые дома, где есть возможности хорошо отдохнуть, половить рыбу, поохотиться, собрать коллекцию лекарственных трав, набрать грибов и ягод в лесных массивах. На лоне экологически чистой природы можно не только снять напряжение, но и восстановить свои душевные и физические силы.

Спортивное направление

Любителей водных видов спорта опытные инструкторы сопровождают в тур «Слав по реке Оять». Для поклонников лыжного спорта - великолепные прогулки по лесным заснеженным тропам; зимнее русское сафари на «Буранах» по живописным снежным просторам Карелии.

Развлекательное направление:

Посещение ладейнопольских народных театров «Антре», «Апрель» и знакомство с творчеством фольклорных ансамблей никого не оставляет равнодуш-

ным. Проведение новогодних и рождественских праздников, Олонецких игр Дедов Морозов с большими развлекательными программами на базах отдыха и гостиницах, расположенных в сказочных лесах Лудейнопольского района, помогают отдохнуть, повеселиться, узнать много интересного о народных традициях нашего края. Всем знатокам и любителям бардовской песни знаком «Грушинский фестиваль». А в Лудейнопольском районе проходит фестиваль песни «Владимирские зори», который с каждым годом вызывает все больший интерес у поклонников этого певческого жанра.

Этнографическое направление

Фирма уделяет большое внимание сохранению традиций, культуры, истории русского Севера. Разработан маршрут в природный парк «Вепский лес» - своеобразный музей под открытым небом, где в окружении чистых озер, целебного воздуха, сказочных лесов сохранились островки культуры древних жителей межозерья - вепсов. Вепсы - «загадочный народ» русского Севера, поэтому интересно посетить фольклорный праздник вепской культуры «Древо жизни».

Развитие сельского туризма связано с привлечением туристов в сельскую местность.

Размещение туристов: гостиница «Инема», что в переводе с вепского означает «лентий». Именно здесь, в гостинице, носящей это название, можно хорошо отдохнуть после долгой дороги, восстановить свои силы в сауне, отведать блюда домашней кухни в кафе. Ждет наших гостей и гостиница «Свирь». Общежитие Лудейнопольской школы - интерната имеет возможность размещения детских групп для отдыха во время каникул, новогодних и рождественских праздников. Незабываемый отдых ждет на Лудейнопольской земле. К услугам не только базы отдыха, расположенные в живописных экологически чистых местах с роскошными лесными массивами, озерами и реками с хрустальной чистой водой, но и частный сектор. К услугам и прекрасные гостевые дома, где радушные хозяева не только предоставят свой кров, но и предложат попариться в русской баньке, организуют охоту или рыбалку, составят компанию в походах в лес за грибами и ягодами.

Питание туристов: Лудейнопольские кафе славятся своим хлебосольством и разнообразием блюд. Здесь гости города могут отведать блюда русской национальной кухни по умеренным ценам. Уютный вечер у камина Вы сможете провести в кафе «Свирь», где Вас ждут изысканные вина, утонченная кухня и интересная музыкальная программа. Кафе «Березка» непременно радует Вас своей кухней и «барбекю» на свежем воздухе. Хорошей кухней и современным дизайном славится кафе «Комбат», расположенное на территории гостиничного комплекса «Инема».

Туристская фирма «Диана Тур» имеет возможность составить тур по индивидуальному заказу клиента. Для групп фирма предоставляет на маршрутах комфортабельные микроавтобусы типа «Форд» и «Соболь» на 8 - 13 человек, автобусы марки «Скания», «Икарус», «Вольво» на 30 - 50 человек.

Муниципальное образование «Лудейнопольский район Ленинградской области» приняло программу развития сельского туризма. Фирма «Диана-Тур» является интегратором этой программы.

Наш адрес:
187700, Ленинградская область, г. Лудейное Поле
ул. Урицкого, д. 20. Тел./ факс 07(812-64) 264 – 55
E-mail: diana_tur@chat.ru; http://www.chat.ru/~diana_tur

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Янкевич Татьяна Алексеевна

кандидат философских наук, докторант кафедры
онтологии и теории познания философского факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова, кинорежиссёр

Изучение истории мировой культуры ведется уже почти три столетия — от «Оснований новой науки...» Дж. Вико до фундаментальных исследований А. Тойнби. Объясняется это неопределенностью понимания того, что есть «культура» и, следовательно, каков тут предмет исторического исследования, — вся сфера человеческой деятельности - «ноосфера», или только духовная жизнь общества, а также выделяемый в ней мир ценностей, символов, знаковых систем.

Немаловажным препятствием стало появление «Заката Европы» О. Шпенглера - концепции «локальных цивилизаций»¹, отрицающая вообще наличие единой истории человечества и его культуры. Этот же вывод следует из теории Л. Гумилева о космическом происхождении расцвета и гибели цивилизаций; развитие исторического осмысления мировой культуры подрывалось и отрицанием научной природы самого этого подхода убежденным противником «историзма» К. Поппером. Не менее серьезным препятствием стало укоренившееся с прошлого века разрозненное изучение истории отдельных форм культуры — философии, литературы, музыки, живописи, разных отраслей научного знания и т.д. Многотомные издания истории Москвы и Ленинграда оказывались простыми суммами рядоположенных и никак друг с другом несвязанных очерков о разных сторонах жизни города; отрицалась сама возможность реконструкции развития культуры в целостном ее бытии, и даже такой ее области, как художественная культура (показательны тут и высокомерно-снисходительное отношение специалистов по истории отдельных видов искусства к первым опытам «синтетического изучения» литературы, живописи и музыки, предпринятым в 30-е годы в Ленинграде И. Иоффе, и возвращение московских искусствоведов спустя три десятилетия к совокупному рассмотрению истории русского искусства конца XIX—начала XX столетий, которое свелось к простому соединению под одной обложкой самостоятельных очерков об отдельных отраслях художественного творчества).

В последние годы выдвинут ряд концепций построения мировой истории общества, культуры, цивилизации, в которых выявлены общие законы развития человечества на основе современных научных представлений (Р. Абдеев, А. Ахиезер, И. Дьяконов, Б. Ерасов, Ю. Яковец). В этом ряду находится и излагаемая здесь концепция, основанная на последовательном применении синергетических представлений к рассмотрению процесса развития культуры.

Исходный принцип синергетики — развитие системного объекта есть *саморазвитие*², т. е. процесс, детерминированный *изнутри, а не извне*. Применительно к истории культуры это означает, что при внимательном изучении, влияния на нее изменений среды — социальной, природной, а также физических и психических качеств самого человека — мотивация процесса развития культуры и его движущие силы лежат в *ней самой*. Этот принцип противопоставляется двум односторонним, и потому равно ложным исследовательским позициям: с одной стороны, господствовавшей в нашей стране полвека трактовкой развития культуры как простого отражения динамики социально-экономического базиса, а с другой — преобладавшему в зарубежной культурологии рассмотрению истори-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой культуры. М., 1993. Т. 1.

² Кэган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996. С. 319.

ко-культурного процесса как своего рода «закрытой системы», никак не связанной со средой, в которой она живет и движется, т. е. как процесса имманентного.

Таким образом, первая задача при подходе к истории культуры с позиций синергетики состоит в том, чтобы найти *в недрах самой культуры* движущие ее развитие силы. Очевидно, что они не могут быть теми же, что действуют в термодинамических процессах, — это должны быть силы, специфические именно для культуры, это — сложившаяся у человека в процессе его выхода из животного состояния потребность и способность *самостоятельно, а не по генетическому императиву*, определять цели и выбирать средства своей деятельности; тем самым в основе культуры лежит обретенная человеком *«свобода непрерывного изменения своей поведенческой программы ради ее совершенствования, повышения коэффициента полезного действия, приспособления к меняющимся условиям среды»*³. Выражается это на материальном, на духовном и на художественном уровнях деятельности (что весьма рельефно показывает их единство в реальном ходе развития культуры), приводя и к изменению в их содержании и способах реализации, и к изменению их соотношения, определяющего структуру каждого исторического типа культуры. Однако первичной, определяющей все другие процессы является *«эволюция материальной культуры»* от характера которой зависят отношения людей в процессе производства, их духовная деятельность.

Этот тезис не умаляет значения духовной активности людей, которая оказывает огромное и возрастающее влияние на культурно-исторический процесс, на развитие самой материальной культуры, — понятие «первичности» означает, что именно в сфере материального производства, от которого зависит реальная жизнь человечества, — обеспечение им для себя пищи, тепла, безопасности, а затем и сама возможность материального опредмечивания своих духовных сущностных сил в сферах науки, образования, идеологии, религии, искусства — проявляется в первую очередь *«потребность совершенствования, улучшения, развития»* существующих производительных сил и изобретения новых технических средств и технологических приемов практической деятельности, предметного созидания. Нетрудно увидеть, как проявлялась эта определяющая в историческом процессе роль непрерывных изменений в этом фундаментальном «слое» творческой жизни человечества — изобретения каменного рубила, копья и лука, нахождения способов добывания огня и выплавки металлов, конструирования колеса и рычага, построения телеги и лодки, гончарного круга и ткацкого станка, плуга и бороны, а затем перехода к строительству монументальных зданий и морских судов, изобретения пороха и огнестрельного оружия, перехода от ремесленного производства к мануфактурному, а от него к индустриальному; вытеснения системой бытия, основанной на промышленности, земледельческого и скотоводческого труда; появления парового двигателя, электричества, авиации, пластических масс, атомной энергетики, кибернетической техники и т. д. и т. п. — в радикальных изменениях образа жизни и образа мыслей людей, ибо этот непрерывный творческий поиск требовал развития познания природы и человека, науки и медицины, новых способов организации совместной жизни и деятельности людей, новых идей, проектов, художественных моделей реальности. Самодвижение культуры имеет, следовательно, своим «пусковым механизмом» *творчество в материальной практике*. Нельзя не видеть того, что духовная деятельность людей не только стимулируется им и его оплодотворяет, но и сопротивляется, пытаясь на протяжении многих тысяч лет остановить, задержать его — к этому стремились все формы религиозного сознания, цель которых, по са-

³ Там же

мой природе религии, состоит в том, чтобы *увековечить* освящаемое его статус кво, ибо в нем видят плод наисовершенного Божественного творения. К этому подчас стремилось и научное познание мира, исходя из признания объективной истинности добываемых им знаний и упорно сопротивляясь их опровержению и замене новыми к этому нередко стремилась философия, утверждавшая абсолютную истинность каждой ее концепции и подтверждавшая это ссылками на непререкаемый авторитет Учителя: «Magister dixit», кем бы он ни был — Аристотелем или Аквинатом, Г. Гегелем или К. Марксом, В. Соловьевым или М. Хайдеггером. К этому стремился всякий государственный строй с юридическим обоснованием его оптимальной упорядоченности и абсолютной справедливости. К этому стремилась мораль с ее «простыми нормами нравственности», заповедями, начертанными на скрижалях для их увековечения. К этому стремилось эстетическое сознание со своими, признававшимися незыблемыми, нормами вкуса, которые сложились в древности и не подлежат ревизии; этого, наконец, требовали от искусства религия, политика, мораль, наука, философия и эстетика, обязывая его следовать традиционным образцам классического вкуса, метода творчества, стили воспроизведения реальности. И если во всех областях духовной жизни эти консервативные силы должны были раньше или позже отступить, то происходило это под «*воздействием изменений в материальной культуре*», неумолимо менявшей образ жизни народов, что не могло не сказываться на изменениях в их образе мыслей. Только в последние века духовная жизнь на Западе стала все более решительно преодолевать эту подчиненность тормозящим ее движению силам, высвобождаясь из-под власти традиции, канона, классических норм, табуирования новаций, явля в конечном счете в эпоху модернизма - к абсолютизации самого новаторства. Но дело в том, что и этот процесс не был самопроизвольным — он был порожден и стимулировался *научно-техническим прогрессом*, поскольку уровень, достигнутый развитием материальной культуры, позволил ей voltar в себя науку, ставшую своеобразной «производительной силой». Как видим, «материальная культура — единственная область человеческой деятельности, для которой *самодвижение* — в точном и полном смысле этого слова, т. е. имманентное, безостановочное, непротиворечивое *самоизменение, самосовершенствование, саморазвитие* — есть «врожденный» ей способ существования, в отличие от всех амбивалентных (консервативно-прогрессивных), несамостоятельных в своем движении форм духовной и художественной деятельности»⁴.

Это означает, что необходимо внимательное исследование, как меняются их отношения в ходе развития культуры как целого, так как чем сложнее система, тем более неравномерно протекают изменения в каждой ее подсистеме. А внутри материальной, духовной и художественной сфер культуры в силу сложного строения каждой необходимость непрерывного повышения ее общего «коэффициента полезного действия» приводит к изменению соотношения сил разных видовых форм материальной, духовной, художественной деятельности»⁵.

Ярким примером этой диалектики целостного развития культуры и относительной самостоятельности разных ее «разделов» при конечной зависимости духовной и художественной деятельности от изменений в материальной практике может служить слабо изученная до сих пор *динамика сенсорных ориентаций культуры*. Выше было показано, что зрительное и слуховое восприятия человека мира являются не чисто физиологическими или психофизиологическими

⁴ Там же

⁵ Там же

процессами, но процессами культурно-психологическими. Так под влиянием исторических изменений производственно-практическая деятельность людей меняется, и меняется восприятие ими пространства и времени. Таковы разные *исторические типы переживания и осмысления времени* — циклического возвращения, круговорота в первобытных культурах; вневременного бытия, застывшего в неизменности своих истинных, сущностных, глубинных качеств в древне-восточных культурах; как стремительного бега, делающего невозвратным и ценным каждое мгновение — по принципу «*capere diem*», осознанному еще античным эпикуреизмом, возродившимся в Новое время в неосуществившей, но страстно желанной фаустовской мечте: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» и доведенному до предела в пошлом завете буржуазного образа жизни: «Время — деньги»; таковы разные типы ощущения времени в эпохи бурных революционных изменений, происходящих на глазах современников, и в застойные эпохи, когда смена поколений происходит в неизменных формах бытия и быта; таковы противоположные типы оценок времени, выражающиеся в культе традиционно-пребывающего в неутолимой жажде обновления, в попытке подгонять течение времени. «Время, вперед!» назвал свой роман В. Катаев характернейшей формулой первых послереволюционных лет, резко контрастирующей и со стремлением остановить время, и с попытками повернуть его вспять (например, в романтических и славянофильских мечтах о реставрации средневекового прошлого).

Аналогичным образом меняется в истории культуры *восприятие пространства* — оно видится замкнутым или бесконечным, статистически успокоенным или полным динамического напряжения, масштабно соразмерным человеку или враждебным ему в своей величественной сверхчеловеческой масштабности; достаточно сравнить египетские или ассирийские пирамиды, дворцы, храмы с аналогичными по жанру сооружениями эллинов, или готические храмы и рыцарские замки с ренессансными соборами и палаццо, или эти последние с барочными сооружениями - чтобы стала зримо очевидной «философия пространства», обусловленная обретаемыми им культурными смыслами.

Диалектика общности и различий зрения и слуха как инструментов культуры делает понятным их неравномерное развитие, изменение роли того и другого в историческом движении культуры. Ее изучение показывает, что в разные периоды то зрение, то слух выдвигаются на авансцену культуры, становятся ее *рецептивной доминантой*, выражая — и обеспечивая тем самым — преимущественное внимание данного типа культуры к *природе* или к *человеческому духу*, к *пространственным* формам бытия или *временным*.

Рассмотренная под «*тектологическим*», по терминологии А. Богданова, углом зрения, история культуры обнаруживает действие в ней тех же законов, которые синергетика вскрыла в физических процессах, — переход от одного уровня организованности к другому, т. е. в *чередовании состояний гармонии и хаоса*, из которого вырастает новая гармония.

Может показаться, что мы возвращаемся, таким образом, к популярной сто лет тому назад концепции циклической «смены стилей» в истории искусства — объективного и субъективного, конструктивного и декоративного, реалистического и идеализирующего, натуралистического и символистского и т. д. Однако это не так — во-первых, потому что состояние хаоса не равнозначно состоянию гармонии, а является условием достижения новой гармонии; во-вторых, потому что переход от гармонии к хаосу происходит не в каком-то одном направлении, линейно, а *нелинейно*, по разным путям одновременно, и лишь будущее показывает, какой же из путей оказывается предпочтительным. И если эта нелинейность имеет в природных процессах стихийный характер и зависит в большей степени от различных случайно-

стей, то в культуре, направленность развития которой сохраняет во многом стихийный характер и обусловлена игрой случайностей, появляется неизведанный природе фактор — *свобода воли отдельной личности* — организатора и мыслителя, политика и философа, писателя и художника, ученого и публициста.

Так уточняется достаточно абстрактное — гегельянское по сути — представление о «роли личности в истории», явно недооценивавшее ее роль сравнительно с мощью «необходимости», в противовес идеалистически-романтическим концепциям, абсолютизовавшим значение действий великих людей, сводя к этим действиям ход истории; однако провиденциализм и религиозного и экономического толка, не может преодолеть волюнтаризм индивидуалистического понимания исторического процесса ни по отношению к развитию общества, ни по отношению к движению культуры; вместе с тем очевидно, что роль свободы, а значит и несущей ее личности несравненно большая в развитии культуры, нежели в истории общества, особенно в Новое время, когда личность сбросила с себя сковывавшие ее прежде узы традиций.

Сердцевиной синергетического понимания процесса развития является упомянутый только что принцип «*нелинейного протекания* данного процесса». Действительно, если развитие не запрограммировано какой-либо высшей силой, если оно протекает стихийно и зависит как от внутреннего состояния системы, так и от воздействий среды, если на нем сказывается не только необходимость повышения уровня ее самоорганизации, но и сила случайностей, а в жизни социокультурных систем — и свобода творящих историю личностей, и если переход от состояния временно обретенной стабилизации, гармонии к разрушившим это упорядоченное бытие разладу, беспорядку, хаосу открывает разные возможности разрешения противоречий и дальнейшего движения — и чем сложнее система, тем более широким оказывается, естественно, веер этих Возможностей, при том, что никто из действующих лиц не знает, каков же оптимальный путь выхода из кризиса и движения к новому гармоническому состоянию. Мы прекрасно видим все это по протекающему на наших глазах и с нашим участием процессу перехода от упорядоченного бытия тоталитарной советской системы к демократической организации нашего общества. Движение системы должно протекать по разным путям методом, который психологи называют, применительно к индивидуальному поведению, методом «проб и ошибок», а грубее — методом «тыка». Ход истории показывает, какой путь оказался более перспективным, а у какой — тупиковым, или же какие пути оптимальны в разных обстоятельствах, т. е. при разных состояниях среды. Именно так протекал процесс перехода из биологического состояния бытия гоминид к социально организованному культурному существованию человечества, так протекал — как мы вскоре убедимся — его выход из первобытного состояния к состоянию цивилизованному, так переходила Европа от феодализма к капитализму, и именно так движется в наше время Россия и ее бывшие «советские сестры» к новому, более совершенному способу жизни.

Однако с тех пор, как гением Дж. Вико, а затем Вольтера, Ф. Шиллера, И. Геглера, Г. Гегеля, И. Канта история культуры стала рассматриваться не как «жизнеописание» отдельных лиц, а как *закономерно развивающийся процесс* (гиперболизацией такого подхода явилась известная формула Г. Вельфлина «история искусства без имен»), она описывалась линейно, как переход от одного состояния к какому-то другому, из него вырастающему или его отвергающему: так Дж. Вико уподобил историю человечества биографии отдельного человека, жизнь которого есть переход от детства к юности, а затем к зрелости, и описал ее как линейное восхождение от «божественного» состояния к «героическому», а затем к «челове-

ческому»; так Г. Гегель усмотрел в движении художественной культуры смену «символического» стиля «классическим», а последнего «романтическим», в котором последним выделил три фазы, отмеченные ступенями возвышения познающего себя Духа — от наиболее успешного решения этой задачи живописью к примату музыки, а затем поэзии; так И. Кант представил историю культуры как столь же однолинейное движение от мифологической стадии к метафизической, а от нее к позитивной, научной. По сути дела, теория «локальных цивилизаций» явилась реакцией на подобный метод моделирования историко-культурного процесса, но реакцией — как это столь часто бывает в истории культуры — *механистически односторонней*, выплеснувшей из ванны вместе с водой и ребенка, — саму идею *единства* саморазвивающейся культуры человечества.

Синергетический взгляд позволяет найти диалектическое сопряжение *единства* и *многообразия*, общей направленности и разных путей движения культуры человечества, тем самым открывая новые познавательные перспективы перед изучением ее истории. В частности, представление о нелинейном характере эволюционного процесса открывает возможность освобождения *историзма* из плена *хронологизма*, т. е. такого взгляда на исторический процесс, который руководствуется принципом: «Post hoc, ergo propter hoc». Исходя из такой логики, историки выстраивали в колонну, в затылок друг к другу, говоря армейским образом, различные типы культуры, согласно их последовательности во времени, к сожалению, закрывая глаза на то, что *хронологически разновременное* может быть *типологически одновременным*, а *типологически разновременное* — *хронологически одновременным*: так капитализм сложился в разное время в Голландии, Англии, Франции, Германии, России, и порожденный им тип культуры воплотился в одних странах значительно позже, чем в других, и вместе с тем в XX веке сосуществуют полупервобытные, феодальные, раннебуржуазные, развитые капиталистические и посткапиталистические — так называемые «постиндустриальные» — общества и соответствующие им разнотипные культуры.

Нелинейный характер развития проявляется здесь с предельной отчетливостью, объясняя то, что мы называли прежде «неравномерностью развития», но не могли объяснить, откуда эта неравномерность берется. А в таком случае возникает законный вопрос: не являются ли в ряде случаев *разновременные* явления в истории культуры в *действительности параллельными*, т. е. типологически однотипными. В особенности это касается переходных этапов в истории культуры, которые могут протекать в разных странах в разное время и в разных формах, представляя собой разные варианты одного и того же этапа развития системы — скажем, кочевой скотоводческий, оседлый земледельческий и ремесленно-торговый типы социального бытия с порождавшимися ими типами культуры. При таком подходе особое значение приобретают *переходные состояния* культуры, в которых особенно активно и напряженно разворачиваются поиски нового способа организации системы.

Но синергетика пошла дальше в поисках ответа на вопрос: а чем же объяснить предпочтение, отдаваемое одному пути развития перед другими? Ибо традиционный каузальный метод, считавшийся прежде единственно научным, ответа дать не мог — прошлое не содержит в себе настоящего; оставалось предположить, что *настоящее содержит в себе будущее* — в виде роста потенци, которая имеет перспективу развития постольку, поскольку будущее ее как бы «притягивает», обеспечивая именно ей преимущественные, оптимальные условия для реализации. По Н. Люману, «будущее уже имеется в настоящем и функционирует в качестве возбудителя».

Эту магнитную силу будущего синергетики назвали «аттрактором» и обосновывали необходимость телеологического подхода к познанию законов нелинейного развития. Реабилитация эвристической ценности этого подхода не означает ни его восстановления в былом, религиозно-идеалистическом понимании (что подчеркивает Н. Люман), ни отказа от противоположного подхода — каузального. По-видимому, отношение этих подходов следует считать *комплементарным*, в точном, боровском смысле этого методологического принципа, что означает: в одних познавательных ситуациях (так сказать, «мыслительных экспериментах») эффективно объяснение «через причину», а в других — «через цель». Последующий анализ всего исторического хода развития культуры позволит проверить объяснительную мощь этой идеи, пока же отмечу, что в реальных действиях творцов культуры субъективным критерием отбора целей и средств деятельности и является, как правило, *представление о будущем, о мере перспективности* данного поведения — в конечном счете проективная деятельность и является способом проникновения в желаемое будущее, построением «модели потребного будущего», по уже приводившейся формуле Н. Бернштейна. Конечно, рассматривая в этом свете прошлое, гораздо легче понять, как действовали аттракторы в объективном и, как правило, неосознаваемом или даже ложно осознаваемом выборе оптимального пути развития, нежели тогда, когда мы пытаемся определить это по отношению к современности. Изучая прошлое, мы знаем, чем завершился каждый этап его развития, т. е. каковы были действительные аттракторы, а современность является незавершенным процессом, и каковы влияющие на него аттракторы, можно только устанавливать умозрительно и с большей или меньшей степенью вероятности (известны стихи Алекса Галича, которые призывают бояться того, кто «знает, как надо»). И вместе с тем потребность сознательного отношения к процессам, развертывающимся на наших глазах и в той или иной степени зависящим от позиции каждого втянутого в их орбиту индивида, делает необходимым определенное представление о том, «как надо», его - отсутствие обрекает на полное бездействие или на отказ от участия в жизни общества — подобно знаменитому вольтерову принципу «вскапывания своего огорода». Но как только человек хочет осознать желательную направленность своих действий, он начинает рассуждать о перспективности их плодов, о соответствии их состоянию завтрашнего дня в жизни своей страны, своего народа, всего человечества. Проблема состоит лишь в том, чтобы найти оптимальный способ прогнозирования тенденции развития, которая и содержит притягивающий современность аттрактор.

СОДЕРЖАНИЕ

Резолюция конференции	3
<i>Протоиерей Михаил Николаев</i> . Приветственное слово участникам конференции	5
<i>Степушиёнок Людмила</i> . С днём рождения тебя, город наш	6
<i>Алексеев А.Ю.</i> Национальные особенности логико-смысловых конфигураций	7
<i>Баданов В.Г.</i> К вопросу о деятельности Лодейнопольского уездного земства	12
<i>Богатырёв И.В.</i> Значение Лодейнопольской верфи в создании Российского флота на Балтике	14
<i>Бойцева Н.Н.</i> Сказка ложь, да в ней намек	25
<i>Бондаренко С.И.</i> Воскресение (о нравственных ценностях русской литературы)	28
<i>Вавулинская Л.И.</i> Колхозная деревня северо-западного Приладожья в послевоенные годы (1945—начало 1950-х гг.)	31
<i>Вершин С.Г.</i> Этнокультурное развитие национальных меньшинств в республике Карелия (1980-1990 гг.)	33
<i>Ганькова З.А.</i> Этнопсихологические особенности вепсов	34
<i>Гившивили Г.В.</i> Гуманистическая альтернатива для России в ХХIв	47
<i>Гиренок Ф.И.</i> Цивилизация и усадьба: два истока русского сознания	52
<i>Громов Н.М.</i> Народное отделение декоративно-прикладного искусства «Домовушка»	53
<i>Громов М.Н.</i> Проблемы будущего России: модернизация или реставрация	55
<i>Дубровская Е.Ю.</i> «Финляндский Вавилон»: северное Приладожье в конце XIX - начале XX вв. (по материалам русских историко-этнографических источников)	62
<i>Ефимова В.А.</i> А.А. Якимовский – почетный гражданин города Лодейное Поле (к 100-летию со дня рождения)	64
<i>Жданова Г.В.</i> Истоки русского Севера	67
<i>Жуков А.Ю.</i> Восстановление государственного управления в восточном Приладожье в 1610–1620-х гг.	69
<i>Зотов А.Ф.</i> Глобализация и проблемы национальной культурной идентичности	71
<i>Калабанов А.Н., Пекина А.М.</i> Проблема реализации гражданских прав и свобод коренных малочисленных народов Севера	76
<i>Калашиник Е.Г.</i> Региональная культура и российский федерализм	79
<i>Карпук С.Ю.</i> Литературный клуб «Причастие»	81
<i>Козолупенко Д.П.</i> Русское мифопоэтическое мировосприятие	82
<i>Коняев Н.М.</i> Святой среди пиратов. Преподобный Адриан Ондрусовский	86
<i>Коськов М.А.</i> Дизайн и его перспективы на Северо-Западе	93
<i>Кузнецов В.Г.</i> По размеру ли России западноевропейский кафтан?	98
<i>Кузнецов М.В.</i> Несельскохозяйственная занятость как фактор устойчивого развития сельской местности	101
<i>Кузнецова Т.В.</i> Русская культура и парадигма народности в постсоветской России (современные проблемы и взгляд в будущее)	105
<i>Куценко Н.А.</i> Судьба отечественных городов по древнерусским источникам	112

<i>Литвинова Т.А.</i> Приладожье: вчера, сегодня, завтра	117
<i>Малахов С.В.</i> Мистический материализм, национальный интернационализм и магическое конструирование - принципы советской историографии России IX – X вв.	119
<i>Мятлева Е. И.</i> Социально-психологический портрет подростка начала XXI века. Семья на современном этапе	121
<i>Назарова Е.А.</i> Региональные аспекты миграции населения	123
<i>Нехамкин В.А.</i> Российский Север: Вчера, сегодня, завтра	125
<i>Овчаренко А.П.</i> История школы в истории города	126
<i>Огичук М.А.</i> Краеведческий фонд центральной городской библиотеки г. Лодейное Поле	130
<i>Орехов А.М.</i> Метафизика русского Севера в российской поэзии второй половины XX века	132
<i>Паишков А.М.</i> Карелия: отсталая окраина России или перекресток двух цивилизаций	135
<i>Пивоев В. М.</i> Кризис идентичности и проблемы этнической, национальной и региональной идентификации в условиях европейского севера России	139
<i>Пизин А.В.</i> Сцены рыбной ловли в русской житийной литературе	149
<i>Потащева Н.А.</i> Древняя весь и нынешнее положение вепского народа на территории Лодейнопольского района	151
<i>Прохоров Г.М.</i> Личность преподобного Паисия Величковского в перспективе российского этно- и культурогенеза (в связи с его переводом сочинений Дионисия Ареопагита)	156
<i>Пулькин М.В.</i> Карельский язык в Олонецкой и Сердобольской семинариях	159
<i>Сенчихина Ю.Б.</i> Специфика русского философствования	162
<i>Скворцов А.А.</i> Русский север и русский дух	166
<i>Смирнова Г.Ю.</i> Роль краеведения в школе (из опыта работы)	168
<i>Смирнова Н.М.</i> Социальное конструирование реальности в постсоветской российской ментальности	173
<i>Сорокина Т.С.</i> К вопросу об актуальности воспитания патриотизма на уроках истории	177
<i>Трошева Н.В.</i> В память павших и во славу живых	182
<i>Хачаньян Р.К.</i> К вопросу изучения северно-русской певческой традиции	186
<i>Цветнова Г.В.</i> Развитие инициативы	188
<i>Черепкова И.В.</i> Н.А. Бердяев в Вологде. К истории поворота от марксизма к идеализму	190
<i>Черногорцева Г.В.</i> Культурные традиции народов Севера: взгляд из настоящего	193
<i>Шевчук Н.Н.</i> Интеграция туризма в Лодейнопольском районе	196
<i>Янкевич Т.А.</i> Принципы изучения истории культуры	199